

"Развлечение"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

— Явился!

Опустив угол оконной занавески, Рейчел торопливо отступила. Это поспешное движение ясно показало состояние ее духа. Нетвердой рукой она откинула с лица прядь каштановых волос, от беспокойства обычно серебристо— серые глаза стали почти бесцветными.

— Минута в минуту, разумеется.

Следовало признать, что Гейбриел всегда был предельно пунктуален. На ее памяти он опоздал всего лишь раз, и то опоздание было запланировано с такой холодной безжалостностью, что до сих пор при одном воспоминании об этом у нее мурашки пробегали по коже. Рейчел могла бы обвинить его во многих вещах — для этого не надо было особенно стараться — но ждать себя он никогда не заставлял.

— Отойди от окна, Рейчел! — с беспокойством прошептала мать, словно опасаясь, что выходящий из остановившегося у парадного входа сверкающего темно— синего «ягуара» человек мог услышать ее. — Если он заметит, что ты подглядываешь...

— Это окно не видно с улицы, — заверила ее Рейчел, но все же отошла.

Звонок в дверь заставил обеих женщин напрячься. Наступившую тишину нарушил лишь шум раздавшихся в холле шагов домоправительницы.

— О, Рейчел, я не знаю, что делать... просто не знаю... — Голос Лидии Тернан сорвался, как звук выключенного радиоприемника. — Сколько раз я клялась себе, что, если нога этого человека пере ступит порог дома, я немедленно покину его. Лучше умереть, чем жить с ним под одной крышей! — Полагаю, это как раз то, что ему нужно, мама, — с горечью ответила Рейчел. — То есть не то чтобы ты умерла... Хотя, я уверена, он не отказался бы от того, что решило бы все его проблемы. Один даже разговор о твоём уходе может сыграть ему на руку.

— Хочешь сказать, что мне не следует уезжать отсюда?

— И оставить все ему? Отдать во владение...

Дальше говорить было не надо. Выражение лица матери изменилось: поджатые губы и зажегшийся в несколько более темных, чем у дочери, глазах огонек указывали на твердую решимость.

— Нет, Гейбриел не получит ничего из того, что по праву принадлежит мне, — заявила она. — Он более чем обеспечен, и я не собираюсь...

Раздавшийся стук в дверь, возвещающий о появлении домоправительницы, заставил ее замолчать.

— Извините, мэм, — сказала миссис Рейнолдс, — к вам посетитель, мистер Гейбриел Тернан.

Это имя было произнесено с такой торжественностью, что походило на звук фанфар,

возвещающий о появлении члена королевской фамилии. И Рейчел подавила нелепое желание отвесить реверанс возникшему в дверях высокому человеку.

Прошедшие четыре с половиной года почти не изменили Гейбриела Тернана. Все те же темно— карие, почти черные, глаза, такого же цвета волосы и черты лица, всегда напоминавшие Рейчел персонажей гравюр Дюрера: резкие линии, без всякого намека на мягкость, если не считать рта, сурового и одновременно чувственного. Годы не прибавили ему ни грамма жира. По сути дела, Гейбриел выглядел даже более стройным и подтянутым, чем раньше, и был мужчиной с головы до пят — жестким и непреклонным, о чем она знала по собственному опыту.

От одного его вида Рейчел ощутила прилив такой яростной ненависти в опасной смеси с горькой болью, что почувствовала, как пол уходит у нее из— под ног. Ей пришлось собрать все силы, чтобы подавить желание повернуться и выбежать из комнаты, не обменявшись с вошедшим ни единым словом.

Вместо этого она заставила себя как ни в чем не бывало встретить взгляд знакомых глаз. Откинув назад волну блестящих волос и вызывающе задрав подбородок, Рейчел с трудом удержалась от гневных обвинений, которые ей так хотелось обрушить на его надменную темноволосую голову.

— Мистер Тернан.

Идея заключалась в том, чтобы вести себя с ним как можно более высокомерно, дабы изничтожить своим презрением. К несчастью, эффект оказался совсем не таким, на который она рассчитывала. Абсолютно непринужденно Гейбриел Тернан протянул свой мокрый от дождя плащ домоправительнице, кивком головы отпустил ее, и на лице его появилась широкая улыбка, способная растопить вековой лед.

— Привет, девочка, — протянул он густым басом, в котором уже появился американский акцент. — Рад тебя видеть.

— Боюсь, что не могу ответить тебе взаимностью. — Слова слетели с губ прежде, чем Рейчел успела как следует подумать. Она уже начала ощущать на себе опьяняющий эффект его улыбки, пугающую, кружащую голову реакцию на нее. — И мне хотелось бы, чтобы ты не называл меня девочкой.

— Это еще почему? Может, потому, что ты уже выросла?

Это была явная провокация, но она достигла цели, тем более что сопровождалась откровенно оценивающим взглядом, словно проникающим сквозь материю простого темно— синего платья и обжигающим кожу под ним.

Рейчел понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться. Сейчас было не время продолжать заявлять о том, что она вовсе не счастлива видеть его. Хотя они и провели под одной крышей почти три года, эта жизнь даже отдаленно не напоминала жизнь нормальной семьи. В противном случае он никогда не поступил бы с ней столь ужасно, не злоупотребил бы ее доверием.

— Если ты хочешь сказать, что мне уже не девятнадцать, то это так. Да, за время твоего отсутствия я действительно выросла... Между прочим, — холодно добавила она, — меня зовут Рейчел и я предпочитаю, чтобы ты обращался ко мне по имени.

В ответ Гейбриел только кивнул. То ли ему наскучило пикироваться с ней, то ли он просто вспомнил о причине своего появления здесь. Как бы то ни было, издевательский огонек в его глазах погас, и он перевел взгляд на сидящую в напряженной позе на обитой синим шелком кушетке мать Рейчел.

— Лидия.

Это прозвучало простой констатацией факта ее присутствия в комнате, единственным приветствием послужил легкий наклон головы. Гейбриел не попытался подойти поближе или протянуть руку, прекрасно зная, что та останется висеть в воздухе: мать проигнорировала бы любое проявление любезности с его стороны.

— Могу я принести свои искренние соболезнования по поводу вашей потери?

При этих словах сердце Рейчел болезненно сжалось. Гейбриел Тернан выражал сочувствие ее матери! Если бы не уверенность в обратном, то можно было подумать, что все это ей просто снится.

— Благодарю тебя.

Ответ матери прозвучал столь же холодно, как и предыдущие слова ее дочери. Серые глаза Лидии даже не посмотрели в сторону говорившего. Пожилая женщина не отрывала взгляда от бежевого с синим ковра под ногами.

Но кто— то ведь должен был сделать шаг навстречу. В конце концов, какого бы мнения ни была она об этом человеке, если ее мать потеряла второго мужа, он потерял отца.

— Прими и наши соболезнования, Гейб, — торопливо сказала Рейчел, чувствуя, что голос ее звучит хрипло и неровно, как будто она им давно не пользовалась.

В темном взгляде вновь повернувшегося к ней молодого человека не появилось и тени теплоты, выражение лица несколько не смягчилось. Напротив, впечатление было такое, будто оно еще более посуровело и стало походить на обточенную ветром и дождем гранитную скалу.

— Очень великодушно с вашей стороны.

В этой гладкой фразе слышался зловещий подтекст. И по спине Рейчел пробежал холодок, напомнивший ей, как она боялась того дня, когда этот человек мог бы снова войти в ее жизнь.

— Теперь, когда с любезностями покончено, может, поговорим о деле? Какие распоряжения вы сделали по поводу похорон моего отца?

Моего отца... Больше ему ничего не надо было говорить. Эти два слова ясно показывали, насколько чужими считал их Гейбриел. Для него они были просто прихлебателями. И если раньше в этой маленькой гражданской войне, словно на смех называемой семейной жизнью, Рейчел целиком и полностью была на его стороне, то теперь превратилась в убежденную противницу. Кроме того, стоит Гейбриелу узнать всю правду, он возненавидит их еще больше.

— Тебе пришлось проделать долгий путь, — торопливо сказала она. — Ты, должно быть, устал. Хочешь чего-нибудь?

— Выпить кофе было бы просто замечательно.

Говоря это, Гейбриел лишь мельком взглянул в ее сторону. Его внимание было целиком сосредоточено на пожилой женщине, которая наконец— то подняла голову и смотрела на гостя с такой настороженностью, как будто перед ней находилась приготовившаяся к нападению ядовитая змея.

— Есть хочешь? — спросила Рейчел, направляясь к двери.

— Спасибо, нет, — ответил он таким тоном, будто обращался к одной из своих служащих. — Только кофе.

Выйдя из гостиной, Рейчел почувствовала себя так, словно из перегретой атмосферы сауны попала в сад, на свежий воздух, и только сейчас поняла, насколько тяжело далось ей пребывание там. Остановившись возле ближайшего открытого окна, она сделала несколько глубоких вдохов и только после этого смогла пойти в кухню.

Легче всего было передать это задание домоправительнице и забыть о нем. Но приготовление кофе предоставляло Рейчел возможность передохнуть, дать успокоиться учащенно бьющемуся сердцу и разобраться в хаосе мыслей.

Так что же случилось за эти четыре с половиной года, спрашивала она себя, машинально занимаясь нужными манипуляциями. Создавалось впечатление, как будто в тот момент, когда Гейбриел вошел в комнату, время повернуло вспять и она вновь превратилась в неопытную девятнадцатилетнюю девушку, беспомощную жертву неясных эмоций, наивно полагающую себя в первый раз влюбленной.

Любовь... Это слово отдалось у нее в мозгу похоронным звоном. Да, собственно говоря, так оно и было, означая для нее гибель иллюзий и потерю невинности.

— Нет! Не хочу даже думать об этом!

Желая отвлечься от болезненных воспоминаний и занять себя чем-нибудь другим, Рейчел отыскала несколько пачек печенья, выбрала одну и, надорвав упаковку, высыпала содержимое на тарелку. Хотя он и сказал, что кроме кофе ничего не хочет, но так поднос будет выглядеть поприличнее.

Должно быть, слух у Гейбриела был не хуже, чем у хищного зверя, потому что не успела она подойти до двери гостиной, как та открылась и поднос оказался в его руках.

— Я сам донесу.

— Не стоит...

Протест замер на губах Рейчел: ясно было, что это не проявление любезности по отношению к ней. Молча она наблюдала за тем, как он поставил поднос на стоящий в центре комнаты кофейный столик.

— А для вас ничего? — спросил Гейбриел, указывая на одинокую чашку.

— Мы только что пообедали. — Рейчел обернулась к матери: — С тобой все в порядке, мама? — Присев рядом с ней на кушетку, она взяла Лидию за руку. — Может быть, тебе что-нибудь принести?

— Спасибо, не надо, — ответила мать с прерывистым вздохом. Глаза ее были красными и

влажными. — Мне кусок в горло не лезет.

— Тогда тебе лучше прилечь. Даже если не уснешь, отдых тебе не повредит.

Рейчел отлично знала, что с того ужасного утра, когда прибывшая к ним полиция сообщила об аварии на шоссе, мать почти не спала.

— Да, наверное... Если только мы обговорили все, что ты хотел?

Последняя фраза была обращена к Гейбриелу, который, налив себе кофе, молча наблюдал за этой сценой.

— Самое важное мы обсудили, — холодно подтвердил он. — Остальное может подождать.

— Тогда, если ты нас извинишь...

Его кивок, означающий согласие, как и предыдущие слова, был отмечен любезной снисходительностью владетельного синьора, дающего вассалу позволение действовать по собственному разумению.

Весьма характерно для Гейбриела, с раздражением подумала Рейчел. Он всегда считал и ее, и мать самозванками и относился к ним соответствующим образом. И если на какое— то короткое время сама Рейчел удостоилась некоторого внимания с его стороны, то к Лидии он всегда относился с подчеркнутым безразличием.

— Я ненадолго. — Рейчел помогла матери подняться на ноги. — Наливай себе еще кофе, если хочешь.

Намеренно холодный тон не остался незамеченным, поскольку глаза Гейбриела угрожающе вспыхнули. Ему это явно не понравилось, Совсем не понравилось. И понравится еще меньше, подумала Рейчел, когда он узнает всю правду о том, что произошло за последние два дня. Скоро ей придется рассказать ему об этом, чем дольше она будет тянуть, тем хуже все обернется...

Для того чтобы уложить мать в постель в находящейся на втором этаже спальне и задернуть шторы на большом окне, понадобилось всего несколько минут.

— Постарайся отдохнуть, мама, — ласково посоветовала Рейчел. — Через пару часов я принесу тебе чай.

Глаза матери закрылись. События последних дней стоили ей слишком дорого, она совсем обессилела, но, несмотря на это, что— то беспокоило ее.

— Гейбриел...

— Не волнуйся, — заверила ее Рейчел. — Я с ним справлюсь.

Когда она спускалась по лестнице, эти полные фальшивой уверенности слова все еще звучали в ее ушах. Когда это она справлялась с Гембриелом? Да и кто— либо другой? Он жил по законам, которые устанавливал сам, и даже его отец не в состоянии был держать его в узде. Как своенравный жеребец, Гейбриел всегда старался получить полную свободу.

Остановившись перед дверью гостиной, Рейчел отдышалась и расправила плечи. Действовать надо было крайне осторожно. Она слишком хорошо понимала, какую интерпретацию даст

произошедшим событиям Гейбриел, несомненно решив, что за всем кроются интриги и махинации. Однако, едва Рейчел открыла дверь, все тщательно продуманные объяснения мгновенно вылетели из ее головы.

Скинув ботинки, Гейбриел растянулся на элегантной кушетке. Длинные ноги покоились на парчовой подушке. Узел галстука был ослаблен, две верхние пуговицы рубашки расстегнуты, под головой лежала еще подушка. Поза его была ленивой и расслабленной, глаза закрыты. Если бы не бокал в руке, содержащий внушительную порцию жидкости янтарного цвета, — скорее всего любимого виски его отца, взятого из расположенного на другом конце комнаты бара, — можно было подумать, что Гейбриел уснул.

Рейчел охватили гнев и негодование, и, забыв на мгновение обо всем, она ворвалась в комнату, громко захлопнув за собой дверь.

— Не стесняйся, чувствуй себя как дома. Может, тебе нужно еще что-нибудь?

Тяжелые веки медленно поднялись, и Рейчел почувствовала, что подвергается неспешному, тщательному осмотру, который отнюдь не улучшил ее настроения.

— Спасибо, мне и так хорошо, — лениво протянул Гейбриел. — Или, по крайней мере, будет хорошо, после того как осушу вот это. — Он поднял изящной формы бокал, как будто провозглашая здравицу в ее честь. — Не желаешь присоединиться?

Присоединиться?! Он ведет себя так, будто находится в собственном доме. Правда, Гейбриел всегда считал, что дом принадлежит ему, и в этом— то была вся проблема.

— В середине дня? Нет, спасибо, у меня нет желания напиваться!

Замечание оказалось весьма некстати: ведь тогда, четыре с половиной год назад, именно опьянев от шампанского, Рейчел совершила самую большую ошибку в своей жизни. Но было уже поздно, потеряв присутствие духа, она потеряла и решимость действовать осторожно и постепенно.

Взгляд темных глаз поверх бокала заставил ее сердце болезненно сжаться.

— Я вижу, что ты не слишком рада видеть меня, — пробормотал он обиженным тоном.

Однако Рейчел понимала, что звучащая в его голосе обида, оскорбленное выражение лица были наигранными. И эта откровенная издевка, всколыхнувшая воспоминания, которые она пыталась спрятать от самой себя, лишила ее последних остатков самообладания.

— Совсем не рада! — бросила Рейчел ему в лицо. — Если хочешь знать правду, то лучше бы ты совсем тут не появлялся. Ты должен знать, что тебя не слишком любят...

— Как— никак, но он был моим отцом, — тихо произнес Гейбриел, прервав ее на середине фразы.

На этот раз боль, прозвучавшая в его голосе, была неподдельной. Это подтверждали и печаль во взгляде, и желваки, заигравшие на резко очерченных скулах. Рейчел мгновенно почувствовала укол совести.

— О, Гейб, извини меня! — Она присела рядом с ним на кушетку и сочувственным жестом положила руку на ладонь Гейбриела. — Представляю, как тебе сейчас тяжело.

Какое— то, показавшееся ей бесконечным, мгновение он молча смотрел на Рейчел темными, непроницаемыми глазами. Потом резким, порывистым движением стряхнул ее руку, грубо отказываясь от сочувствия.

— Неужели? — спросил он с яростью. — Так, значит, ты можешь понять мои чувства?

— Конечно, могу! — Жестокость, с которой ее оттолкнули, обескуражила Рейчел. — Грег значил для меня не меньше. Он был для меня настоящим отцом!

Но Гейбриел уже вскочил на ноги и одним глотком допил то, что осталось в бокале. Внезапно Рейчел поняла, что если не скажет ему сейчас, то не скажет никогда. Мысль о возможных последствиях того, что он узнает обо всем от кого— либо другого, исключала всяческие недомолвки.

— Гейб, я должна кое— что тебе сказать, — с трудом выдавила Рейчел, обращаясь к его широкой и какой— то недружелюбной спине. Но если он повернется, хватит ли у нее сил высказать все в лицо собеседнику? — Это насчет Грега, твоего отца... и моей матери. Они... в пятницу вечером они поженились.

2

— Они что?! — Выпавший из рук бокал разбился о мраморную каминную доску. — Что они сделали? — И хотя голос Гейбриела не поднялся выше зловещего шепота, слова прозвучали с такой силой, что заставили Рейчел испуганно съежиться на кушетке.

Никогда еще она не видела его таким, даже семь лет назад, во время ужасной ссоры, разразившейся после того, как Грегори Тернан объявил, что Лидия и ее шестнадцатилетняя дочь будут жить в его лондонском доме. Тогда Гейбриел буквально привел ее в ужас, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас. Правда, были еще два момента, когда при ней с него слетала маска цивилизованного человека, но обе ситуации были совершенно различными. Об одной Рейчел даже не хотела вспоминать, а другая была совершенно отличной от сегодняшней. Тогда он был жесток, безразличен и походил на ледяную статую, а не на живое воплощение неистовой ярости, которое сейчас находилось перед ней.

— Гейб... ~ начала было Рейчел, но голос отказался повиноваться.

— Ты сказала, что они поженились!

Сильные руки схватили ее за плечи и подняли с кушетки. Рейчел оказалась так близко от Гейбриела, что ощущала идущее от него тепло, видела, как в прерывистом дыхании вздымается его грудь, чувствовала, с каким трудом он сдерживает свои эмоции.

— Поженились? Это правда?

— Да...

Это было все, что она смогла из себя выдать. Его горящий взор, казалось, прожигал ее насквозь, лишая дара речи. Сильные пальцы до боли впились в тело, но, не будучи уверена в том, что удержится на ногах и не упадет бесформенной массой у его ног, Рейчел молила Бога, чтобы Гейбриел не отпускал ее.

— Это действительно правда?!

— Конечно, правда! — Разозленная столь явным недоверием, она нашла в себе силы ответить. — За кого ты меня принимаешь? За лгунью? — У нее даже хватило энергии вывернуться из его рук и отскочить на середину комнаты. — Разве я когда-нибудь лгала тебе? Неужели ты думаешь, что я начала бы со столь серьезного вопроса? По— твоему, все это моя выдумка? Особенно в такой момент!

— Нет. — Гейбриел медленно покачал головой. Теперь он говорил спокойнее, хотя сковывающее его напряжение по— прежнему чувствовалось: — Нет, ты никогда не лгала мне. Так, значит, отец все— таки сделал из нее честную женщину.

Смысл, который был вложен в слова «честная женщина», заставил ее поморщиться. Рейчел слишком хорошо знала отношение Гейбриела к Лидии, женщине, которая вторглась в этот дом, узурпировав место его матери, так что хорошо представляла себе, какие подозрения теснились в возбужденном мозгу молодого человека. И дальнейшее его поведение только подтвердило ее опасения.

— И это все?

— Все? — повторила Рейчел, не совсем понимая, куда он клонит. — А что же тут может быть еще?

Ее ответ, казалось, удовлетворил его. Он мрачно улыбнулся:

— Действительно, что же еще? Лидия, должно быть, без ума от радости. Что это было, предсмертное прозрение?

— Да, они поженились в больнице, — ответила Рейчел, чувствуя себя неловко под его издевательским взглядом. — Да и как могло быть по— другому? Твой отец не был способен выдержать даже гражданскую церемонию, не говоря уже о венчании в церкви.

Это удар ниже пояса, покаянно подумала она, увидев, как изменилось выражение его глаз: они как будто закрылись стальными заслонками, спрятавшими от нее мысли Гейбриела.

Однако, как бы Рейчел ни хотелось исправить положение, было уже поздно. Гейбриел не шевельнулся, но в то же время как будто отодвинулся от нее, и дотянуться до него теперь стало невозможно.

— Чувствуй себя как дома...

Рейчел не сразу поняла, в чем дело, а потом, с болью в сердце, узнала в этой фразе свои собственные слова, брошенные ему несколько минут тому назад.

— Не стесняйся, чувствуй себя как дома, — язвительно повторил Гейбриел. — Конечно, теперь я понимаю, что ты хотела сказать. Вы наложили руки на...

— Нет! — Она ясно представляла направление его мыслей и ненавидела его за это. — Все было совсем не так!

— Нет? — Его красиво очерченные губы сложились в пародии на улыбку, пародии, столь далекой от оригинала, что у Рейчел кровь застыла в жилах. — Не хочешь ли ты сказать, что твоя мать не мечтала выйти за него замуж? Что никогда не жаждала респектабельности,

которую дал бы ей брак с моим отцом? И, наконец, что она не желала заполучить этот дом? Дом, деньги, бизнес, который он мог ей оставить после смерти...

— Нет! Нет, нет и нет! — Она должна была остановить его, прервать поток злобных обвинений. — В твоём изложении это выглядит расчетливым, тщательно продуманным поступком. О, разумеется, мама всегда хотела выйти за Грегa замуж. Да какая женщина не мечтает официально оформить свои отношения с человеком, которого любит!

Было трудно не обратить внимания на раздавшееся презрительное фырканье. Но Рейчел проигнорировала его и торопливо продолжила:

— И конечно, ей нравился дом. Этого я тоже не отрицаю. Но ты представляешь все так, будто мать воспользовалась слабостью умирающего человека. Как будто шантажировала его и заставила обманом надеть кольцо на её палец. Клянусь тебе, все было совсем не так!

Что— то в её словах, или, возможно, страстность, с которой они были произнесены, произвело на него впечатление. А может быть, жгучие слезы, затуманившие, как только сейчас поняла Рейчел, её глаза.

— Тогда как же? — спросил он совсем другим тоном.

Она торопливо смахнула рукой слезы, не в силах поверить тому, что наконец— то Гейбриел слушает её, — А ты действительно хочешь это знать?

Он молча кивнул, и Рейчел глубоко вздохнула. Надо было успокоиться, не давать ему возможности вновь вывести её из себя.

— На самом деле они давно уже собирались пожениться. Твой отец предложил первый день нового года. — Лицо её смягчилось, на губах появилась легкая, мечтательная улыбка. — Он говорил, что это самый подходящий день для начала новой жизни. — Что она такого сказала, почему Гейбриел так напрягся? — Свадьба должна была состояться на Пасху. Они же не знали... — Голос Рейчел на секунду прервался. — Они думали, что времени у них сколько угодно. А моя мать мечтала, чтобы свадьба состоялась весной. Ей хотелось, чтобы все было как полагается.

— Могу себе представить. Неужели она дошла до такого лицемерия, как белое платье и фата? — Насмешливый тон сказал ей, что Гейбриел не поверил ни единому её слову, что ненависть, которую он питал к Лидии, не угасла.

— Это тебя не убедило, не так ли? — спросила Рейчел и вновь наткнулась на холодный, безразличный взгляд.

— Извини, но, когда дело касается твоей матери, я не слишком доверчив, — ответил он. — Чтобы меня убедить, нужны конкретные доказательства...

Не слушая дальше, Рейчел повернулась и подошла к старинному бюро, стоящему у окна. Торопливо открыв верхний ящик, она вытащила лежащую внутри стопку белых карточек, которые протянула Гейбриелу.

— Возьми! — потребовала Рейчел и, когда он не ответил, вложила их в его руку. — Ну же, возьми!

— Что это? — Столь замедленная реакция была совершенно не характерна для Гейбриела.

Обычно он всегда был на шаг впереди всех.

— Доказательства, которые были тебе нужны. Те самые «конкретные доказательства». Взгляни... — Она указала пальцем на красиво написанные от руки серебряными чернилами строчки. — «Вы приглашены на бракосочетание Грегори Тернана и Лидии...» Ну, видишь? «...четвертого апреля». Видишь? Уже были отпечатаны приглашения!

По тому, как сильные пальцы скомкали верхнюю карточку, Рейчел поняла, что Гейбриел наконец поверил.

— Они так и так собирались пожениться.

— Но отец ничего не говорил мне об этом.

— А зачем ему было говорить? Он ведь знал, как ты относился к моей матери раньше, так что вряд ли можно было предположить, что ты с радостью примешь это известие. — Его лицо побелело, и только тогда Рейчел поняла, как жестоко прозвучали ее слова. — Но он все равно сделал бы это... — торопливо поправились она, — если бы все пошло так, как было задумано. Они уже обратились за лицензией... Но пришлось поторопиться...

Теперь, когда убеждать его уже не было нужды, Рейчел внезапно ощутила страшную усталость. Вместе с воспоминаниями на нее вновь нахлынуло чувство невосполнимой потери, глаза увлажнились.

— Я была их свидетельницей. — Она отказалась от попыток сдержать слезы, и они свободно текли по ее лицу. — В его палате... Грег...

— О Боже!

Свадебные приглашения упали на пол, веером рассыпавшись по толстому ковру. Гейбриел повернулся к ней и, с неожиданной нежностью обняв, привлек к себе.

— Сядь.

Медленно и осторожно он подвел Рейчел к кушетке, посадил на нее и сел рядом. Погладив по голове, Гейбриел положил руку на затылок Рейчел и, повернув к себе, прижал лицом к своему плечу.

— Мне нужно извиниться перед тобой, — пробормотал он хриплым, срывающимся голосом. — Я должен был знать, что ты не будешь мне лгать.

Но эти, проникнутые заботой, слова не пролили бальзама на ее рану. Он извинялся за то, что не поверил словам о намечающейся свадьбе, но по—прежнему считал ее способной действовать в союзе с матерью против него. Способной отобрать дом, где прошло его детство.

— Прости, — сказала Рейчел всхлипывая и подняла на Гейбриела заплаканные глаза. — Я не должна была говорить...

— Тише... — успокаивающе прошептал он, приложив палец к ее губам.

От нежданного прикосновения сердце Рейчел встрепенулось, и это было совсем уж плохо. Ей хотелось отстраниться, но вместе с тем она понимала, что столь резкое действие только выдаст ее внутреннее смятение, поэтому замерла, надеясь, что Гейбриел вскоре разожмет объятия и

можно будет разорвать физический контакт, от которого все тело покалывало, как будто сквозь него пропустили электрический ток.

— Не ругай себя, — продолжил Гейбриел. — Это не твоя вина. Просто мы попали в чертовски сложную ситуацию. Поэтому я... такой раздражительный.

Его губы скривились в горькой усмешке, и Рейчел несколько истерически рассмеялась:

— Боже мой, Гейб, у тебя есть все основания быть раздражительным. В конце концов ты потерял отца и даже не сумел проститься с ним.

Все еще чувствуя себя неловко, Рейчел решила, что у нее появился шанс несколько сгладить впечатление, произведенное некоторыми ее предыдущими фразами.

— Не хочешь ли... не хочешь ли ты, чтобы я рассказал тебе, как... — начала она дрожащим голосом.

Гейбриел на мгновение прикрыл глаза ладонью и тяжело вздохнул, но Рейчел успела заметить их лихорадочный блеск. Однако, когда он вновь посмотрел на нее, взгляд его был ясен и чист. Почти нечеловеческое самообладание Гейбриела, на ее памяти почти никогда не покидавшее его, и на этот раз не изменило ему.

— Если ты не против.

Было бы ложью сказать «нет, не против». Но больше она ничего не могла сделать для Гейбриела. Рейчел ненавидела этого человека, но не представляла, как вела бы себя на его месте, неожиданно узнав, что отец попал в автомобильную катастрофу и находится в реанимации на другом конце света.

— В общем, его убила не сама авария. Врачи сказали, что полученные им повреждения были вполне излечимы. Но в машине «скорой помощи» с ним случился сердечный приступ, возможно, в результате полученного шока. Его «откачали», он даже пошел на поправку, но...

Она тряхнула головой, заново пережив ужас того мгновения, когда, вернувшись домой через час после наспех организованного бракосочетания, взяла трубку в ответ на раздавшийся звонок из больницы.

— Возможно, Грег что-то предчувствовал, потому что на церемонии настоял именно он. Но в тот день твой отец выглядел таким счастливым, Гейб... — Рейчел догадывалась, что ему хочется знать больше, — был так уверен в себе, и у него ничего не болело... Врачи сказали, что все произошло очень быстро, что он ничего не почувствовал. Грег не забывал о тебе, просил передать, что любит, что гордится твоими успехами в Штатах. И еще;.., он надеялся, что ты сможешь принять нас и мы станем одной семьей.

Только закончив говорить, она поняла, что держит в своей руке руку Гейбриела, что их пальцы сплелись воедино. Хотела ли Рейчел успокоить этим себя или его — сказать было трудно, но как только попыталась высвободить руку, он удержал ее.

— Спасибо тебе хотя бы за это, — произнес Гейбриел тихо и угрюмо.

— Я рассказала то, что сама хотела бы узнать на твоём месте. — Все еще глядя на их переплетенные пальцы, Рейчел тихо добавила: — И он знал, что ты уже в дороге.

Гейбриел взглянул ей прямо в глаза.

— Кто ему сказал?

— Я.

Это было нелегким признанием, и Рейчел не знала, как он воспримет его. В конце концов, разве не на них с матерью лежала частичная вина в том, что Гейбриел в столь трагический момент оказался так далеко от дома? Не из— за них ли он не видел отца более четырех лет?

— С твоей стороны это было добрым поступком.

Искренность, с которой Гейбриел произнес эти слова, причинила ей боль, напомнив ту роковую ночь и обещания, которым она поверила — глупо, наивно, слепо.

— Я сделала это ради Грега. — Невозможно было произнести дорогое имя без дрожи в голосе. — Он так много значил для меня. Ведь своего отца я почти не знала.

По ее щекам вновь потекли слезы.

— Рейчел... — начал Гейбриел, но она не хотела, чтобы он говорил, не хотела нарушать установившегося между ними хрупкого взаимопонимания.

— Я никогда не тосковала по родному отцу.

Мне было всего три года, когда он умер, — слишком мало, чтобы как следует узнать человека. Так что, когда появился Грег, он не просто заменил мне недостающего родителя, а заполнил пустоту в моей жизни. Он был так добр ко мне...

— Отец любил тебя.

Что— то вдруг изменилось. Гейбриел вновь напрягся. Испытываемое ею чувство умиротворения куда— то исчезло, сменившись новым чувством — неясно— тревожным и пугающим.

— Гейб...

Рейчел взглянула на него и вдруг услышала какой— то странный, сдавленный звук — не то вздох, не то стон, к которому, казалось, был примешан горестный смех:

— О Боже, Рейчел... иди сюда!

Возможно, дело было в нетерпении, с которым он привлек ее к себе, а возможно, в осознании того, что нашелся кто— то, понимающий ее чувства, или во внезапно нахлынувшем ощущении правильности и нужности для нее этих объятий, но у Рейчел не возникло никакого желания сопротивляться. С того момента, как пришло известие об аварии, ей пришлось крепиться изо всех сил, хотя бы ради матери. Она поддерживала ее, вела дела с властями, выполняла необходимые формальности, и у нее не оставалось времени самой предаваться горю.

Но вот появился сильный человек, способный помочь ей, человек, на широкие плечи которого можно было переложить тяготившую ее ответственность, и Рейчел позволила себе разрыдаться рыданиями, обливая слезами его белоснежную рубашку.

Гейбриел просто обнимал Рейчел, не говоря ни слова и давая ей выплакаться. Она чувствовала,

как исходящее от его тела тепло обволакивало ее защитной оболочкой. А он ждал, ждал до тех пор, пока рыдания не утикли.

— Тебе лучше? — негромко спросил Гейбриел, но Рейчел смогла лишь кивнуть.

Намного лучше, подумала она. Настолько лучше, что сказать ему об этом никак нельзя. В эти несколько мгновений Рейчел, казалось, открыла для себя что-то очень важное.

— Гораздо лучше, — наконец ответила она, совсем не элегантно шмыгнув носом. — Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Мягкие, успокаивающие нотки в его голосе куда-то исчезли. В чем тут было дело, Рейчел понять не могла, и это ее обеспокоило. Подняв голову, она заглянула в его глаза, и время как будто вернулось назад, перенеся ее в другое место и, казалось, даже в другую жизнь, когда она тоже смотрела в эти глаза и видела в них то, что ей казалось любовью. Но это была просто— на просто примитивная похоть. И как ни называй ее, какими синонимами ни заменяй — «страсть» или «желание» — в конце концов все сводится к одному и тому же.

Однако теперь она уже не была тем легковверным подростком, которого ему так легко удалось обмануть. На сей раз Рейчел прекрасно все понимала и сразу распознала грозящую ей опасность, заставившую ее мгновенно спуститься с небес на землю.

Четыре года назад она поклялась себе, что никогда больше не позволит этому человеку причинить ей боль, что, вооруженная ненавистью к нему, всегда будет настороже и не допустит ни малейшей оплошности, не даст ни малейшего повода к тому, чтобы он вновь подчинил ее своему губительному влиянию. Но произошло нечто, разрушившее твердую решимость. В момент слабости Рейчел осталась беззащитной перед тем, чего хотела избежать, и жгучая досада на себя заставила ее дыхание участиться.

— Рейчел, с тобой все в порядке?

В торопливой попытке как-то скрыть свое состояние, она выпрямилась и изобразила на лице улыбку, столь неискреннюю, что она вряд ли могла кого-либо обмануть.

— Все нормально, — с трудом выговорила Рейчел голосом столь же напряженным, как и ее поза.

Боясь еще раз встретиться с Гейбриелом взглядом, она сделала вид, что ищет носовой платок. Сумочка оказалась в другом конце комнаты, и это послужило прекрасным предлогом для того, чтобы встать с кушетки и отойти подальше.

Нарочито, как в плохом любительском спектакле, вытерев заплаканные глаза и высморкавшись, она ощутила в себе достаточно присутствия духа, чтобы вновь повернуться к нему лицом.

— Ты, должно быть, хочешь отдохнуть перед ужином...

Но Гейбриел продолжал сидеть там, где она его оставила, неподвижно и молчаливо, точно статуя.

— Давай, я покажу тебе твою комнату.

Устало расправив плечи, Гейбриел обеими руками пригладил темные, блестящие волосы. Теперь он уже казался Рейчел не опасным, а каким— то на редкость ранимым.

— Вряд ли мне удастся уснуть, — ответил Гейбриел, неторопливо вставая и потягиваясь. — Но горячий душ не помешал бы. Я оставил свой чемодан в холле...

— Тогда мистер Рейнолдс уже отнес его на верх.

Рейчел чувствовала, что в горле пересохло. Сообщение о женитьбе отца было не единственным предстоящим ему неприятным открытием. Следующее ожидало его с минуты на минуту, и Рейчел не сомневалась, что оно понравится Гейбриелу ничуть не больше первого.

— Этот мистер Рейнолдс — муж домоправительницы, которую я уже видел? — Язвительный тон вопроса неприятно резанул по ее и так напряженным нервам.

— Совершенно верно. Они здесь уже год.

— Вместо миссис Кент и Джо?

В ответ Рейчел вызывающе вскинула голову.

— Они уже состарились, Гейб. Я знаю, что ты любил их, но прошло много времени. Ничто не остается неизменным.

— Похоже на то, — сухо ответил он. — Интересно, какой сюрприз будет следующим?

Этого оказалось достаточно, чтобы поднимавшаяся по лестнице Рейчел почувствовала, как у нее подгибаются ноги. То ли у нее сдают нервы, то ли Гейбриел следует за ней так близко, что она почти ощущает на затылке его дыхание?

Однако, обернувшись, Рейчел увидела его на вполне приличном расстоянии ~ на пару ступенек ниже ее. Нет, ощущение покалывания было всего лишь реакцией на само его присутствие.

— А зачем это вообще нужно? — внезапно спросил Гейбриел, дойдя до первой лестничной площадки. — Я знаю этот дом даже лучше тебя, все— таки вырос в нем. Поверь, за четыре с половиной года я ничего не забыл и вполне способен сам отыскать свою...

— Она больше не твоя...

Рейчел тут же отругала себя за подобную глупость. Зачем было выкладывать правду со столь бестактной поспешностью? Должно быть, при словах «я ничего не забыл» ее покинуло самообладание.

Гейбриел резко остановился, глаза его сузились.

— А ну— ка, объясни толком!

Рейчел попыталась найти подходящее объяснение и не смогла этого сделать. Она лишь смотрела на него, растерянно шевеля губами.

— Если комната принадлежит теперь не мне, то кому...

— Она моя! — решительно объявила Рейчел.

Но, к ее изумлению, Гейбриел вовсе не уди вился. Видимо, он уже ожидал этого ответа.

— О, как это мило!

— На этом настоял твой отец!

Рейчел знала, как много значила для него прежняя комната, представляющая собой скорее маленькую квартирку, чем простую спальню. Располагаясь в мансарде, она имела примыкающие к ней гостиную и небольшую ванную, обеспечивающие покой и уединение ее обитателю. А из коридора второго этажа в мансарду вела отдельная лестница.

Гейбриел всегда ценил обособленное расположение мансарды и в молодости пользовался всеми его преимуществами. Он никогда не скрывал ни своей враждебности по отношению к Лидии, ни уверенности в том, что ее роман с Грегом явился причиной, по которой мать ушла от отца. Поэтому большую часть времени проводил в своей мансарде, спускаясь лишь к столу, и никогда никого не приглашал в святая святых...

— Поверь, это была не моя идея! — снова по пыталась убедить его Рейчел. — Когда мне исполнился двадцать один год, Грег велел полностью переделать ее в качестве подарка ко дню моего рождения.

Но никто не знал, как трудно было ей принять этот подарок. Мансарда для нее всегда будет связана с Гейбриелом и ночью, которую Рейчел хотела бы забыть, но, наверное, никогда не сможет.

— А я и не думаю, что твоя, — протянул он несколько иронично. — Отец всегда поступает... поступал, — со вздохом поправился Гейбриел, и Рейчел словно ножом резануло по сердцу, — как было угодно ему, не принимая во внимание чувства других.

— Но он не ожидал твоего возвращения. Ты же ясно сказал, что собираешься обосноваться в Штатах. — Оставалось только надеяться, что голос ее не выдал ту боль, которую это решение причинило ей самой.

— Может, он был и прав, — заключил Гейбриел. — Я определенно не собирался возвращаться сюда до тех пор, пока не женюсь. Ну что ж, дорогая Рейчел, если меня выгнали из мансарды, то в какую комнату ты меня поместишь?

— В голубую.

Нелегко было сохранить видимость спокойствия, услышав «до тех пор, пока не женюсь». Рейчел хотелось верить, что это случайная оговорка, но нечто в его тоне не позволяло ей принять столь успокоительное объяснение.

— А вот это уж наверняка идея Лидии!

— Нет, моя. — Она решила не обращать внимания на откровенную издевку. — Мне показалось, что тебе там будет удобно.

Это была самая большая спальня в доме, больше даже, чем та, которую занимала ее мать и его отец. Может быть, несколько наивно, но она надеялась, что размеры и элегантность интерьера новой комнаты смогут хотя бы до некоторой степени компенсировать потерю столь любимой им мансарды.

— Удобно и достаточно далеко от твоей спальни, чтобы не доставлять неприятностей.

— Неприятностей? — непонимающе нахмурилась она.

— И кроме того, рядом со спальней Лидии. А та сможет услышать малейший подозрительный скрип половиц. — Ухмылка Гейбриела, когда он понял, что до Рейчел наконец начал доходить смысл его речей, стала поистине дьявольской. — Хотя, может быть, это и хорошо. Ведь мы же не хотим повторять прежние ошибки, не так ли? — При виде изумления, а затем и отвращения, появившегося на лице Рейчел, его улыбка стала еще шире и еще наглей. — Но не нужно беспокоиться, сладенькая. Я не собираюсь на тебя набрасываться.

Это слово «сладенькая» подействовало на Рейчел так, будто она получила пощечину. В глазах вспыхнуло негодование, спина распрямилась, подбородок вызывающе вздернулся.

— А я и не собираюсь беспокоиться!

— Не собираешься? Тогда что означала эта сцена там, внизу? — Он махнул рукой в направлении гостиной, сквозь открытую дверь которой можно было видеть кушетку, где они только что сидели.

— Какая сцена?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю!

— Я просто расстроилась, видя, как ты переживаешь из— за смерти отца, и хотела выразить тебе свое сочувствие!

— Сначала ты, возможно, и расстроилась, — согласился он. — Но затем все стало по— другому: ты подскочила как ужаленная, словно вдруг узнала, что я болен какой— то отвратительной болезнью и можно заразиться от одного лишь прикосновения.

— Ты преувеличиваешь, — возразила Рейчел, но предательская дрожь в голосе только подтвердила верность его вывода.

— Я никогда не преувеличиваю, Рейчел. Никогда! — В его голосе звучало зловещее предупреждение, всколыхнувшее глубоко запрятанные воспоминания, темные, уродливые тени прошлого, возвращаться к которому не хотелось. — Но тебе не о чем беспокоиться, потому что хочу кое— что сказать тебе по старой дружбе. Все твои «девичьи» страхи направлены не по адресу. Рядом со мной ты находишься в такой же безопасности, как в компании престарелой тетушки.

«Безопасность» было совсем не тем словом, которое ассоциировалось у нее с Гейбриелом Тернаном, с горечью заметила про себя Рейчел. С того самого момента, когда она впервые увидела его, ей сразу стало понятно, что он опасен, крайне опасен.

— Неужели?

— Поверь мне, дорогая. — Его глубокий голос проникал сквозь все барьеры, которыми Рейчел пыталась отгородиться. — Поверь мне. Если бы даже я сошел с ума. Если бы годами вел целомудренный образ жизни и был вне себя от возжеления. Если бы был воспламенен страстью и знал, что умру, если не возьму женщину прямо здесь, на полу. Даже если бы ты была единственной доступной мне женщиной, единственной женщиной, вообще оставшейся на земле, я бы не прикоснулся к тебе!

Он взмахнул рукой, и жест этот выглядел таким угрожающим, что Рейчел, со страхом во взгляде серых глаз, невольно попятилась и уперлась спиной в деревянные перила лестницы.

— Тогда почему же ты все— таки касался меня, только что обнимал?! — Это походило на крик раненого животного. Рейчел ненавидела себя за то, что его слова смогли причинить ей такую нестерпимую боль.

— Тебе тоже было тяжело, ты нуждалась в помощи, и только зверь бесчувственный мог предоставить тебя самой себе. Но больше это никогда не повторится, Рейчел. Продолжай презирать меня, так будет лучше. Потому что больше я не хочу иметь с тобой дела. Это обходится слишком дорого!

— А что заставляет тебя думать, будто у меня может появиться желание быть с тобой? — Ненависть и презрение, которое Гейбриел советовал ей испытывать по отношению к нему, жгли ее как кислота, разъедая все внутри.

На мгновение он отшатнулся, казалось, что у него перехватило дыхание. Но тут же к Гейбриелу вернулось обычное самообладание.

— На твоём месте я бы не настаивал на ответе, сладенькая. А теперь, если ты не возражаешь, я все— таки приму душ.

Он двинулся мимо нее вверх по лестнице, и Рейчел буквально вжалась в стену. Однако это было излишней предосторожностью. Гейбриел не оставил ни малейшего шанса для того, чтобы их тела соприкоснулись.

А ей еще показалось, что она увидела прежнего Гейбриела! Глядя вслед ему, идущему по коридору. Рейчел горестно качала головой. Какой она оказалась душой! Слепой, ничего не понимающей душой!

Прежнего Гейбриела просто— напросто нет! Да его никогда и не существовало. Он был всего лишь иллюзией, созданием воспаленного девичьего воображения, живущим только в ее фантазиях, ее мечтах. Настоящий же — и единственный — Гейбриел только что стоял перед ней. Циничный, нравственно испорченный, каким он и показал себя на следующий день после ее девятнадцатилетия. С той поры ничего в нем не изменилось.

3

Стоя у подножия лестницы, ведущей в мансарду, Рейчел пыталась побороть внезапно нахлынувший на нее приступ страха.

— Это просто смешно! — намеренно громко сказала она. — Этого не должно случиться, я не позволю, чтобы это случилось! Что прошло, то прошло. И навсегда!

Но как только Гейбриел вновь вошел в этот дом, все началось сначала. И с прошлым вовсе не покончено...

Хлюпнувшая в холле дверь и раздавшиеся на лестнице звуки тяжелых и энергичных шагов заставили ее заторопиться. Рейчел совсем не хотела, чтобы Гейбриел застал ее здесь в таком состоянии духа.

Обед закончился пару часов назад. Он казался нескончаемым и походил на испытание на выносливость. Она все время чувствовала присутствие сидящего напротив нее на другом конце до блеска отполированного стола Гейбриела, одетого в прекрасный костюм, свежую рубашку и галстук — свидетельство его уважения к правилу, давным-давно установленному его отцом и гласившему: «В этом доме мы переодеваемся к обеду».

— «Мне не нравится эта современная неряшливость, на которую, кажется, никто уже не обращает внимания», — сухо процитировал Гейбриел, когда она присоединилась к нему за ужином.

— Твой отец во всем любил вкус.

— И любил элегантно одетых красивых женщин, — заметил Гейбриел, скользнув взглядом по ее темно-фиолетовому вельветовому платью.

Взгляд этот был холодным и спокойным, в нем не чувствовалось так обеспокоившего ее ранее огня. Но тем не менее при мысли о том, как ткань облегает тело, подчеркивая грудь и бедра, Рейчел мысленно содрогнулась. Несмотря на длинные рукава и воротник-стойку, платье обладало какой-то утонченной чувственностью, и она пожалела, что не выбрала что-нибудь менее обтягивающее.

— Он определенно одобрил бы то, как ты следуешь его желаниям. Эти украшения — твоя работа?

— Эти? — Слегка трясущимися пальцами Рейчел коснулась аметистовых в серебре сережек, благодарная тому, что они отвлекли взгляд темных глаз от ее фигуры. — Да, на прошлое Рождество Грег подарил мне камни, а я их оправила.

Еще один замечательный подарок от его отца. Не будет ли реакция Гейбриела такой же, как на известие о том, что ей отдали мансарду? Но потягивающий аперитив Гейбриел лишь кивнул.

— Выглядят эффектно. Ты очень талантлива.

Это был единственный момент когда между ними возникло хотя бы подобие нормального разговора. Но тут к ним присоединилась Лидия, и с ее появлением атмосфера в комнате, которую и так едва ли можно было назвать теплой, стала просто ледяной. Замечания, которыми они обменивались, звучали натянуто и официально вежливо. Разговор крутился вокруг нейтральных, безопасных тем. Все трое делали вид, что поглощены едой, хотя, очевидно, никто не испытывал аппетита.

Еще до того как подали десерт, Лидия извинилась и поднялась в свою спальню. Рейчел и Гейбриел продержались еще некоторое время, пока наконец он не отодвинул почти полную тарелку и не бросил на стол льняную салфетку.

— Должно быть, перелет подействовал на меня хуже, чем я ожидал. Завтра утром придется извиниться перед миссис Рейнолдс.

— Уверена, она поймет тебя. — Рейчел со вздохом облегчения отодвинула свое кресло. — В эти дни никто не в состоянии оценить ее готовку.

Хочешь кофе?

— Я откажусь, если ты не возражаешь. Кофеин не слишком способствует ночному сну. Но я бы

выпил бренди, если можно.

— Разумеется. Тебе не нужно спрашивать, ведь это...

Слова замерли на устах Рейчел, настолько яростный взгляд он бросил на нее. «Это больше не мой дом, — говорил его взгляд. — И ты, черт возьми, прекрасно это знаешь!»

— Хорошо, — сказала она. — Но извини, если я не составлю тебе компанию. День был нелегким, так что я посмотрю, как мама, и лягу спать.

Сняв первым делом платье, смыв косметику и облачившись в розовый шелковый халат, Рейчел пошла к матери. К удивлению дочери, Лидия была не прочь поговорить и задержала ее дольше, чем можно было предполагать.

По пути в мансарду, на тускло освещенной лестничной площадке, ее вдруг снова охватила паника, заставившая замереть уже взявшиеся за дверную ручку пальцы. Слишком много воспоминаний было связано с этими комнатами, слишком многое всплыло в памяти.

Однако ужасала и мысль о том, что Гейбриел сейчас может подняться по лестнице и застать ее стоящей здесь в полном оцепенении, словно кролик, попавший в свет фар приближающейся машины. Яростно потрянув головой, Рейчел заставила себя выйти из транса и открыть дверь. Оказавшись на лестнице, ведущей в мансарду, она быстро закрыла дверь за собой.

И как раз вовремя. С отчаянно бьющимся сердцем Рейчел услышала, как Гейбриел, поднявшись по лестнице, направился по коридору к своей спальне. Под его тяжестью одна из половиц скрипнула, и на ум немедленно пришло язвительное замечание: «Ведь мы же не хотим повторять прежние ошибки...»

Если бы только ее сама могла сдержать мысль о том, что мать может услышать скрип половиц, с горечью подумала Рейчел. Тогда, может быть, в ту ночь они не зашли бы так далеко. Правда, Грег с ее матерью были тогда в театре и они с Гейбриелом остались наедине.

Включив свет в спальне и увидев вокруг себя золотистые и бежевые цвета, выбранные матерью во время отделки мансарды заново, Рейчел испытала что— то вроде шока, почти ожидая увидеть темно— зеленый с бронзой интерьер, который предпочитал Гейбриел. Такой она увидела комнату в первый раз и до сих пор представляла в своем воображении.

Рейчел удостоилась чести получить приглашение в это святилище отнюдь не сразу. Долгое время Гейбриел воспринимал присутствие Лидии с дочерью настолько враждебно, что держался от них на расстоянии как физически, так и психологически. Но со временем, постепенно, сменил гнев на милость, стал разговаривать с Рейчел, сначала весьма иронично, и наконец — так ей, во всяком случае, казалось — даже проникся к ней симпатией.

Что касается Рейчел, то при первой же встрече с высоким, темноволосым сыном Грега он поразил ее воображение. Она никогда не встречала никого красивее. К тому же только что окончивший университет, работающий во всемирно известной ювелирной фирме отца, Гейбриел казался шестнадцатилетней девушке человеком необыкновенно умным и многоопытным.

Как— то, в день рождения Гейбриела, она набралась смелости и спросила, сколько ему лет. Ответ поразил ее:

— Двадцать шесть?! Но ты получил диплом только два года назад. В чем дело? Тебе пришлось

пересдавать экзамены?

Не успев еще договорить, она почувствовала, что хотела бы провалиться сквозь землю от стыда. Но Гейбриел был, по— видимому, в хорошем настроении и только рассмеялся.

— Ты что, хочешь поколебать мою уверенность в себе? — протянул он. — Но все объясняется гораздо проще. Перед поступлением в университет я два года работал добровольцем в Африке.

И Гейбриел назвал страну, до сих пор раздираемую гражданской войной и страдающую от так и не разрешенной проблемы беженцев. Только накануне вечером Рейчел видела по телевизору страшный репортаж оттуда и, представив себе его в этих невозможных условиях, почувствовала пробежавший по спине холодок.

— Но разве это не ужасно? Как ты там выдержал?

— Было нелегко, — лаконично ответил Гейбриел. — Самое главное, если уж ты находишься там, то нельзя над этим задумываться. Вот у нас с тобой всегда есть альтернатива, а эти люди не имеют никакого выбора. Они должны выживать в тех условиях, потому что ничего другого у них просто не остается. Осознав это, понимаешь, что выдержишь все, хотя бы в течение того короткого времени, пока там находишься.

— Но что заставило тебя пойти на это? — Рейчел даже не пыталась скрыть обожания, с которым на него смотрела.

— Комплекс вины, — ответил он с кривой усмешкой и, нервно поднявшись, подошел к окну, выходящему на Темзу. — Я был молод, здоров, ничем не связан и имел прекрасное происхождение. И внезапно мне пришло в голову, что я словно нахожусь на ленте конвейера — весьма комфортабельного и уютного. После школы университет, потом работа вместе с отцом и, наконец, со временем, руководство семейным бизнесом. Мне захотелось спрыгнуть, пока было еще не поздно, пока я не привык к этому окончательно. И заняться чем-нибудь стоящим.

— Ты не считаешь семейное дело стоящим?

Этот вопрос заставил его улыбнуться:

— Создавать эксклюзивные ювелирные украшения для очень богатых людей? Вряд ли это может перевернуть мир.

— А мне хотелось бы заниматься чем— то подобным! И если это делает тебя очень богатым, как случилось с твоим отцом, то только подумай, как можно распорядиться этими деньгами — покупать людям еду, строить больницы. Если бы у меня были деньги, я тратила бы их именно так!

— Ну конечно.

В произнесенной вполголоса фразе прозвучал задевший ее сарказм.

— Зачем ты дразнишь меня! Я знаю, ты считаешь меня безнадежно наивной и глупой...

— Ничего подобного! — резко прервал ее Гейбриел. — Поверь мне, милая Рейчел, я никогда не считал тебя глупой. Простодушной — может быть. Ранимой... ну, возможно, немного наивной.

— Я уже не ребенок! — Рейчел обиженно надула губы. — На следующей неделе мне

исполнится восемнадцать лет!

— Но ты еще достаточно юна, чтобы безоглядно верить в свои идеалы. К несчастью, маленькая, реальная жизнь совсем не такова, она гораздо сложнее. — С этими словами Гейбриел вновь пересек комнату и, присев на подлокотник кресла Рейчел, заглянул в ее дымчато-серые глаза. — Прежде всего, в мире есть проблемы, для разрешения которых не хватит никаких денег, сколько бы я их ни заработал. И все, что нам остается, это держать глухую оборону до тех пор, пока плотину где-нибудь не прорвет, и тогда приходится начинать все сначала.

Он глубоко вздохнул, запустил пальцы обеих рук в волосы и оглядел роскошную комнату, обставленную элегантною мебелью.

— Неприятное свойство больших денег в том, что они заставляют забывать, что в жизни действительно является самым главным. И прежде чем поймешь это, привыкаешь к тому, что можно на них купить все. С этого момента, сколько бы у тебя их не было, всегда мало. Хочется чего-то другого... большего... лучшего... Новый автомобиль, новый дом...

Он замолчал и бросил на нее пристальный взгляд.

— Новую жену? — вставила Рейчел, которой показалось, что Гейбриел хотел сказать именно это. — Или новую любовницу, — поправила она, зная, что, по крайней мере официально, отец Гейбриела до сих пор женат на его матери.

Тот молча кивнул, а она начала подсчитывать про себя годы. Если Гейбриел отправился в Африку сразу после школы, тогда...

— Это и есть одна из причин, по которой ты решил на время уехать? — нерешительно спросила она, боясь разбередить слишком много ран одновременно.

Рейчел догадывалась, что Лидия была не единственной «другой» женщиной в жизни Грега. Она знала, что ее мать в первый раз встретилась с ним двадцать лет назад, но предполагала, что их роман был коротким, прекратившимся почти сразу после того, как Лидия встретила Джона Эмиса и вышла за него замуж.

— По большей части — да. Когда то, что, как ты считаешь, является основой твоей жизни, рушится, начинаешь подвергать сомнениям и все остальное — даже то, чем мечтал заниматься всю жизнь. Поэтому я решил повременить с университетом и уехать, чтобы обрести самого себя. — Мрачная решимость его тона заставила Рейчел беспокойно заерзать в кресле. — И тебе это удалось?

— Я ведь вернулся, не так ли?

Улыбка Гейбриела заставила ее сердце сжаться.

— Посчитал, что во всем разобрался. Даже по верил в то, что родители покончили с враждой. И только через шесть месяцев я понял, что это было всего лишь вооруженное перемирие и что отец опять взялся за старое.

Резко поднявшись, он тряхнул головой и, слегка сгорбившись, засунул руки в карманы джинсов.

— Не могу в это поверить, — услышала она его бормотание.

— Во что ты не можешь поверить? Во что? — настаивала Рейчел, видя, что Гейбриел сомневается, говорить или нет. — Гейб!

Он пожал плечами, как бы отменяя прочь сомнения.

— Господи, зачем я обсуждаю такие вещи с ребенком?

После всех его признаний, после радости по поводу того, что к ней относятся, как к человеку, достойному внимания, чье мнение чего-нибудь да значит, такая внезапная перемена страшно обидела ее. Рейчел почувствовала себя так, будто неожиданно наткнулась на кирпичную стену.

— Я не ребенок! — Скрыть боль, которую она испытывала, было невозможно. — И не настолько уж я незнакома с жизнью! Может, я и была совсем крохой, но помню, как чувствовала себя, когда умер мой папа, как отказывалась понять, что он никогда уже не вернется, помню, как боялась, что моя мать и все, кого я знаю...

— О Боже, прости меня!

Гейбриел, присев на подлокотник кресла, осторожно взял Рейчел за подбородок и, подняв его, заглянул ей в глаза. Заметив слезы, он воскликнул:

— Я просто не подумал! Прости меня!

Вытерев глаза тыльной стороной руки, Рейчел попыталась придать себе как можно более самоуверенный вид.

— Я действительно знаю...

— Верю, верю, — поспешил сказать он. — В конце концов ты такая серьезная, умная девушка.

Ласковые пальцы с такой нежностью убрали прядь волос с лица Рейчел, что у нее защемило сердце. А глаза Гейбриела были так темны и глубоки, что, казалось, в них можно было утонуть.

Не собирается ли он поцеловать ее? Это было все, о чем она мечтала, чего хотела больше всего на свете.

— Я...

Рейчел так и не узнала, что именно Гейбриел хотел сказать или сделать, потому что в этот момент дверь резко открылась.

— Так вот где вы!

Серые глаза Лидии мгновенно оценили развернувшуюся перед ней сцену, и по тому, как нахмурились ее брови, было видно, что она ей не понравилась.

— Рейчел! Я же сказала тебе идти к себе и заняться домашними заданиями! Почему ты болтаешься здесь?..

Чтобы оправиться от шока, вызванного столь внезапным поведением матери, Рейчел понадобилось некоторое время. Гейбриел, однако, держал себя совершенно непринужденно и не торопясь убрал руку с ее щеки.

— Я... — попыталась было оправдаться Рейчел.

— Немедленно наверх!

Рейчел посмотрел на Гейбриела, ожидая от него поддержки. Но он только сочувственно улыбнулся и мотнул головой в сторону двери.

— Лучше делай, как тебе сказали. Иначе, если будешь пренебрегать домашними заданиями, тебе никогда не удастся достичь будущего, о котором мы только что говорили.

С недовольным видом Рейчел поднялась и вышла из комнаты. Но не успела дойти до лестницы, как вновь услышала доносившийся сквозь полуоткрытую дверь гостинной враждебный голос матери.

— Оставь мою дочь в покое, Гейбриел! Она девочка впечатлительная, и мне не хочется, чтобы ты забивал ей голову всякой чепухой...

— Вам не о чем беспокоиться, мисс Эмис! — отрезал Гейбриел официальным тоном, который всегда использовал в разговоре с Лидией. — Какие бы дьявольские намерения по отношению к Рейчел вы мне ни приписывали, они существуют только в вашем воображении. Могу заверить вас, что смотрю на нее только как на друга, поэтому со мной она находится в полной безопасности.

Вспыхнувшие в сердце Рейчел радужные надежды, разгорячившие кровь и заставившие сердце биться быстрее, мгновенно увяли. Но как ей не хотелось быть в полной безопасности рядом с Гейбриелом! И уж меньше всего выглядеть в его глазах просто другом!..

Вздвогнув, Рейчел вернулась к настоящему и обнаружила, что сидит на краю кровати, уставившись в пространство перед собой. Если бы только все осталось в том же положении, как в тот день! Если бы она поняла, что от добра добра не ищут! Тогда, может быть, ей удалось бы действительно остаться в безопасности, как это обещал Гейбриел.

Но зарождающаяся сексуальность и женская гордость были задеты услышанными словами. Она восприняла их не как объявление окончательных намерений, а как вызов.

Так, по крайней мере, произошло потом. А в первые минуты, взбежав по лестнице и рухнув на кровать в своей спальне, Рейчел бурно разрыдалась, изо всех сил колотя кулаками подушку. Наконец, когда слез уже не осталось и дыхание начало успокаиваться, она мысленно вернулась к тому моменту, когда Гейбриел коснулся ее лица.

— Он хотел поцеловать меня! Знаю, что хотел! — воскликнула Рейчел. — И поцеловал бы, если бы мать не вошла!

А эти ужасные слова он произнес только для того, чтобы успокоить Лидию. Сам— то он думал совсем по— другому.

Рейчел почти убедилась в этом. Но, в конце концов, думал он так или нет, не имело никакого значения. Она любила его и решила, что в один прекрасный момент Гейбриел узнает о ее чувствах. Настанет день, поклялась себе Рейчел, когда ему придется воспринять ее всерьез. И он поймет, что она уже взрослая женщина с головы до пят, и больше никогда не посчитает ее ребенком, с которым можно только дружить.

Тогда эта клятва воспринималась ею совершенно серьезно, с горечью вспомнила Рейчел, не менее серьезно, чем присяга на Библии. В результате же с того самого момента она никогда уже не чувствовала себя рядом с Гейбриелом в безопасности.

— Нет ничего хуже ожидания, не так ли?

— Что ты сказал?

Встрепенувшись, бездумно смотревшая в окно гостиной Рейчел повернулась к подошедшему сзади Гейбриелу. Наконец до нее дошел смысл сказанных им слов,

— Да, конечно. — Он был прав: нет ничего хуже ожидания. — Ты говорил мне это, когда я шла сдавать экзамен или на прием к дантисту.

— Это ты всегда ненавидела, — сказал Гейбриел с легкой усмешкой.

— И до сих пор ненавижу.

Под глазами у него пролегли тени, как будто Гейбриел подобно ей самой провел бессонную ночь. Но она была уверена: если это и так, то совсем по другим причинам.

— Ты тогда говорил, что нет ничего хуже ожидания, потому что в реальности все бывает гораздо проще, чем в воображении, И обычно оказывался прав.

— Обычно?

— На этот раз мне даже не хочется, чтобы это начиналось, потому что, как только похороны закончатся, я больше уже ничего не смогу сделать для Грега.

— Да, это тяжело, — согласился Гейбриел. — Как переносит все это твоя мать? — Заметив мелькнувшее в ее глазах удивление, он нахмурился: — Что ты на меня так смотришь, Рейчел! Я вполне способен посочувствовать ей. Кроме того, моя спальня находится рядом с ее.

Конечно, если мать опять проплакала всю ночь, как и все предыдущие ночи со дня аварии, то надо было быть глухим, чтобы не услышать этого.

— Утром она выглядела немного лучше, — сказала Рейчел. — Думаю, необходимость что-то делать пошла матери на пользу, Я обещала позвать ее, когда придут машины, но до этого она хотела побыть в одиночестве.

— Я понимаю твои чувства.

Рейчел, желая найти менее интимную тему для разговора, вспомнила, что он пришел в гостиную после телефонного звонка.

— Это была твоя мать? — Совсем недавно она узнала, что после распада семьи мать Гейбриела переехала жить в Австралию.

— Да. Она хотела сказать, что думает о всех нас и скорбит вместе с нами.

. — Очень мило с ее стороны, — ответила Рейчел не в силах скрыть своего удивления от слов «о всех нас».

Гейбриел понял, что было у нее на уме.

— Моя мать совсем не в обиде на тебя и Лидию, Рейчел. Все это случилось так давно, семь лет назад. Кроме того, она прекрасно знала, что собой представляет Грег. Поэтому, несмотря ни на что, она собиралась быть на похоронах. Да она и была бы, если бы не падение.

— Но никто и не ожидал, что твоя мать прилетит из Австралии со сломанной лодыжкой. Хотя мне очень жаль. Я хотела бы познакомиться с ней.

— Ей тоже этого хотелось, — с какой-то странной интонацией произнес он и окинул взглядом строгое черное платье Рейчел. — Я уверен, увидев тебя, она была бы просто поражена. Ты выглядишь весьма... элегантно. — Если судить по тону, это был вовсе не комплимент. — Сегодня никаких драгоценностей?

Рука Рейчел машинально потянулась к ничем не украшенной шее.

— Мне казалось, что это не будет соответствовать обстоятельствам.

— Соответствовать... Любимое словечко отца... вернее, одно из любимых. Но разве это не соответствует обстоятельствам: надеть драгоценности на похороны ювелира? К тому же ты знаешь, что отец ненавидел черный цвет. Он находил его отвратительным и годящимся только служить фоном для создаваемых им ожерелий и брошей, оттеняя их совершенство. Ты должна надеть что-нибудь из того, что он любил.

— Ты уверен?

Рейчел и сама сначала думала поступить именно так, но не рискнула последовать инстинктивному желанию. На похоронах будет много народа: друзья Грега, деловые партнеры, престижные заказчики, и ей не хотелось сделать что-нибудь, что могли посчитать признаком дурного вкуса.

— Совершенно уверен. Иди... — Взяв Рейчел за плечи, он повернул ее к двери и подтолкнул. — Иди наверх и выбери что-нибудь действительно стоящее. И носи с гордостью... в память об отце.

Позднее Рейчел спрашивала себя, не было ли предложение Гейбриела намеренной хитростью, имеющей целью отвлечь ее, чем-нибудь заполнить кажущиеся бесконечными минуты ожидания того, чего она так боялась.

К тому времени как она выбрала показавшееся ей подходящим украшение, машины похоронной процессии уже стояли у двери. Еле успев накинуть пальто и надеть шляпу, Рейчел взяла мать под руку, повела ее вниз.

Только при виде Гейбриела, стоящего у дверей катафалка, в голову ей пришла неожиданная и тревожная мысль: сегодня, в первый раз в жизни, он лицом к лицу столкнулся с реальностью личной потери. Гейбриел был бледен как смерть, и казалось чудом, что он еще стоит на ногах. Темно— карие глаза, потемневшие почти до черноты, предательски блестели.

— Гейб... — Рейчел, боясь встретить резкий отказ, тем не менее протянула к нему руку, но он стиснул ее в пожатии, в котором было больше тепла, чем неприязни.

К тому времени, когда они прибыли в церковь, Гейбриел, по всей видимости, уже справился с волнением. Судя по хранимому им напряженному молчанию, Рейчел решила, что он полностью погружен в себя, и была крайне удивлена, увидев, как, выйдя из машины, Гейбриел предложил матери опереться на его руку.

Но еще больше ее удивило то, что, немного помедлив, мать приняла предложение и даже выдавила из себя слабую улыбку. Мгновением позже Гейбриел повернулся к Рейчел и тоже взял ее под руку. Все время службы и самой церемонии похорон он находился рядом. Не отходил он от них и потом, когда все вернулись в дом, где должны были состояться официальные поминки.

— Если бы я мог избавить тебя от этого, то сделал бы все, — пробормотал Гейбриел из-за спины Рейчел, когда она остановилась перед дверью, с беспокойством глядя на толпу приглашенных. — Но кто-то должен выступить в роли хозяйки, а твоя мать явно не в состоянии больше держаться, так что я отправил ее наверх отдохнуть.

— Может быть, мне стоит...

Рейчел повернулась было к лестнице, но он остановил ее, приобняв за плечи.

— Нет, не надо, — возразил он. — Миссис Рейнолдс понесла ей поднос с чаем и одну из таблеток, прописанных доктором. Время от времени она будет навещать ее, так что ты там не нужна. Ты не должна бояться...

— Бояться? — с яростью процедила она сквозь стиснутые зубы. — Я вовсе не боюсь!

Голова Рейчел гордо поднялась, спина распрямилась, глаза засверкали. Стряхнув руку Гейбриела и изобразив на лице вежливую, формальную улыбку, она направилась к собравшимся. Но минут двадцать спустя, поймав на себе взгляд вездесущих карих глаз и заметив легкий, одобрительный кивок головы, Рейчел усомнилась, не стала ли она в очередной раз объектом тщательно продуманного манипулирования с его стороны. Должно быть, эта мысль читалась на ее лице настолько ясно, что Гейбриел решил прийти ей на помощь.

— Все в порядке? — В руках у него были два бокала белого вина, один из которых он протянул Рейчел. — Мне кажется, что тебе это не мешает.

Но Рейчел сконцентрировала все внимание на его вопросе.

— Разумеется, со мной все в порядке! Ты ведь специально спровоцировал меня?

— Тебя просто нужно было подтолкнуть, — ответил он, устало улыбнувшись. — Только не понимаю, чего так пугаться. Ты вполне можешь справиться с приемом нескольких избранных друзей...

— Несколько друзей! Гейб, все совсем не так и ты это прекрасно знаешь! — Рукой, держащей бокал, Рейчел указала на переполненную гостиную, чуть не пролив вино на прекрасно сшитый костюм Гейбриела. — Здесь так много людей из бизнеса, и большинство с мировой известностью. Кроме того, заказчики твоего отца, а они просто обязаны принадлежать к самым богатым и влиятельным слоям общества, если уж им оказалось по карману покупать украшения фирмы Грега. Я даже вижу пару членов королевской фамилии. Может быть, по-твоему, это и есть несколько избранных друзей, но я не принадлежу к их кругу. В конце концов, какова бы ни была моя любовь к Грегу, для всех них я просто дочь его любовницы.

Она сказала что-то не то. Явно не то. Рот Гейбриела сжался, на скулах выступили желваки, пальцы, держащие бокал, так побелели, что Рейчел испугалась, как бы хрупкое стекло не треснуло.

— Дочь его вдовы! — резко поправил он ее после нескольких секунд напряженного молчания.

Так вот в чем дело! Ему не нравилось, что Лидия жила здесь в качестве любовницы, он считал это оскорблением для своей матери и предпочитал видеть ее в качестве второй миссис Тернан. Но мог ли человек, весь день выказывавший матери неподдельное внимание, питать к ней прежнюю враждебность?

— Но ведь никто еще не знает о бракосочетании, — пробормотала Рейчел вполголоса, не желая быть услышанной стоящими поблизости людьми. — Мы не сделали публичного заявления.

— Скоро узнают, — отрезал он. — Когда завтра вскроют завещание, то ни у кого не останется никаких сомнений. И если этот брак законен...

— Если! — Рейчел пришла в такой гнев, что забыла обо всякой осторожности. Излишне громкий возглас привлек к себе внимание, что заставило ее вновь понизить тон: — Что ты хочешь этим сказать? Разумеется, он законен! Если хочешь знать...

— Тем больше у тебя причин показать собравшимся здесь, как ты ценишь их внимание, — спокойно перебил Гейбриел, словно не замечая ее гнева. — Не бойся, я помогу — Пойдем, я представлю тебя...

И он двинулся сквозь толпу, даже не оглянувшись, чтобы убедиться, идет ли она за ним. И у него были на то причины, сердито подумала Рейчел. Если не устраивать неприличную сцену, то другого выхода у нее просто не оставалось. Вновь изобразив на лице все ту же вежливую улыбку, она двинулась следом...

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем дом опустел. Даже с поддержкой Гейбриела — а верный своему слову, он не оставлял ее ни на секунду — день дался ей так тяжело, что Рейчел была рада, когда с облегчением закрыла дверь за последним вышедшим.

— Слава Богу, все позади!

Высказавший ее мысли вслух, Гейбриел снял пиджак, небрежно бросил его на ближайшее кресло и, рухнув на кушетку, со вздохом облегчения пригладил руками волосы. За пиджаком последовал темный шелковый галстук.

— У меня нет совсем ничего общего с некоторыми клиентами отца или его друзьями! С ними чертовски трудно разговаривать. Не хотел бы я еще раз подвергнуться столь суровому испытанию.

И, однако же, почему — то решил, что она должна пройти через эти муки вместе с ним, раздраженно подумала Рейчел. Если уж с него достаточно, то с нее тем более.

— По крайней мере, с этим покончено. Куда ты, черт возьми, идешь?

Раздраженная как вопросом, так и тоном, которым он был задан, Рейчел резко повернулась:

— Посмотреть, как там моя мама. Она осталась одна...

— С ней все в порядке. Миссис Рейнолдс поднималась к ней несколько минут назад и нашла ее спящей. Судя по тому, как твоя мать выглядела нынче утром, она проснется не скоро, но это пойдет ей на пользу. Так что не стоит беспокоиться. Можешь отдохнуть. — И Гейбриел похлопал рукой по кушетке.

Отдохнуть! Рейчел только фыркнула. Она совсем выбилась из сил и мечтала только об одном —

оказаться в постели и уснуть. А перспектива оказаться один на один с Гейбриелом почти заставляла ее желать, чтобы кто-нибудь из присутствовавших на похоронах вернулся обратно.

— Мне кажется, было бы неплохо выпить чаю, — указал он на чайный поднос, стоящий на столике рядом, когда Рейчел в нерешительности замерла между кушеткой и дверью. — Садись. Обещаю, что не буду кусаться.

Мысль о чае звучит соблазнительно, призналась она самой себе. Но если он начнет говорить что-нибудь не то, сделает хоть одно замечание насчет законности брака матери, то содержимое ее чашки попадет ему на голову.

— Кроме того, мне кажется, что нам надо поговорить.

— Ты так думаешь? — устало поинтересовалась Рейчел, сосредоточив все свое внимание на стоящем перед ней подносе и наливая чай с такой аккуратностью, как будто от этого зависела ее жизнь. — О чем же?

— Во-первых, о твоём необыкновенном таланте, — ответил Гейбриел. — Мне очень нравится твой кулон. Ты сделала его сама? Эй, осторожно, чашка уже полна!

Рейчел со стуком поставила чайник на стол, но вовсе не потому, что услышала в его голосе насмешку по поводу чуть было не пролитого чая. Гораздо больше ее поразило то, что он похвалил ее работу.

— Я бы и не надела ничего другого — особенно в такой день.

— Я это понял. Не представляю себе отца, создающего нечто столь эффектное и почти экзотическое... Разве только по специальному заказу.

— Да, ты прав, — согласилась она, невольно просияв. — Эта вещица совсем не в его стиле.

Нельзя реагировать слишком бурно, совсем как в девичестве, одернула себя Рейчел, внутренне содрогнувшись. Тогда я не могла даже спокойно сидеть в его присутствии.

— То, что я делаю для себя, вряд ли подошло бы для фирмы Тернана. Заказчики Грега весьма ортодоксальны, если не старомодны. Им нужны камни чистой воды, золото и серебро высокой пробы и очень традиционная работа. Лишь иногда... — она тяжело вздохнула, — лишь иногда у меня появлялась возможность изготовить что-нибудь хоть немного отличное, то, работа над чем меня увлекала по-настоящему...

Гейбриел кивнул, и при виде появившегося на его лице выражения сочувствующего понимания Рейчел остро ощутила свою близость к нему.

— Не потому ли вы так часто спорили с отцом? — спросила она неожиданно для себя самой. — И не по этой ли причине ты уехал в Штаты?

— Частично, — осторожно ответил он, глядя на дно чашки, как будто там скрывался какой-то секрет. — Были и другие причины.

Рейчел хотелось спросить еще кое-что, но инстинкт предостерег ее, и она перешла к более безопасной теме:

— Однако тебе всегда хотелось, чтобы фирма вела более рискованную политику. Помнишь те

африканские украшения?

Это случилось дней через пять после того, как мать прервала их разговор. Рейчел начала расспрашивать Гейбриела об Африке, и этот разговор привел к тому, что он показал ей фотографии.

Поначалу она стремилась лишь провести с ним побольше времени, привлечь его внимание. Но вскоре поняла, почему он так увлекся культурой народов Африки, а когда Гейбриел показал ей образцы туземных украшений, была просто очарована ими.

— Я тогда просто не могла поверить своим глазам. Никогда в жизни не видел ничего подобного. Именно в тот момент мне захотелось стать ювелиром.

Она даже призналась в своем желании Гейбриелу, краснея и ожидая, что он только посмеется. Но вместо этого получила от него одобрение.

— Отец всегда утверждал, что у тебя есть талант, — сказал теперь Гейбриел. — Он рассказывал, что однажды увидел тебя лепящей из пластилина в возрасте пяти или шести лет и понял...

— Когда, когда? — Рейчел не могла поверить услышанному. — А я и понятия не имела, что он знал меня такой маленькой! Мать никогда не говорила этого.

— Вряд ли это широко рекламировалось. — Гейбриел криво усмехнулся. — Естественно, моя мать и я сам узнали о существовании Лидии — и тебя тоже — только семь лет назад. — Он осторожно поставил чашку на поднос. — Но отец, очевидно, познакомился с вами гораздо раньше... А над чем ты работаешь сейчас? — продолжил Гейбриел, явно желая сменить предмет разговора. — Что— то необычное, вроде этого кулона?

— Браслеты. На первый взгляд вроде бы простые, но крайне выразительные по форме. Хочешь посмотреть?

— Они у тебя здесь?

— Да, наверху, в моей комнате.

— Тогда принеси их, а я пока приготовлю свежего чая.

Его интерес был столь очевиден, что Рейчел почти летела вверх по лестнице. Точно так же она чувствовала себя в юности, когда ей удавалось привлечь к себе внимание обожаемого Гейбриела. Это случалось не часто, ведь взрослого и повидавшего виды двадцатилетнего молодого человека вряд ли могли заинтересовать ее школьные дела. Но когда Рейчел поступила в художественный колледж, все переменялось.

Во— первых, она уже не была обязана носить старомодную и малопривлекательную школьную форму, а могла надевать то, что ей нравилось. Так как Грег великодушно снабжал ее суммами, о каких Рейчел прежде и не мечтала, то она оказалась в состоянии удовлетворить свой вкус к простым, но элегантным фасонам и хорошим тканям. Короткая, аккуратная стрижка тоже была забыта. Вместо нее появились бронзового цвета локоны ниже плеч...

Тогда из пары сделанных Гейбриелом замечаний и по блеску, появлявшемуся иногда в его глазах, Рейчел поняла, что наконец— то он начинает видеть в ней не ребенка, а вполне взрослого человека. Но не более того. В его жизни были женщины, старше ее, более лощеные

и дорого одетые, меняющиеся с почти пугающей регулярностью, иногда даже прежде, чем она успевала узнать их имена, не говоря уже о том, чтобы посчитать их за серьезных противниц.

Но после того как Рейчел исполнилось восемнадцать, на Рождество, ей удалось заманить Гейбриела под ветку омелы и потребовать от него традиционного поцелуя.

Какое— то ужасное мгновение, видя, что он медлит, Рейчел ожидала получить отказ, но наконец Гейбриел пожал плечами.

— Пеняй на себя! — засмеялся он, наклоняясь к ней.

Сначала поцелуй обещал быть легким, почти шутливым, и Рейчел решила, что на большее ей рассчитывать нечего. Но стоило их губам соприкоснуться, словно щелкнул выключатель и по каждому нерву, по каждой клеточке ее тела как будто прошел сильный электрический импульс.

Гейбриел, казалось, тоже почувствовал эффект этого ошеломляющего первого контакта. Изменив своим первоначальным намерениям, он принялся осыпать ее легкими, мучительно короткими поцелуями, способными лишь раздражить, возбудить голод, не утоляя его.

Когда девушка протестующе застонала, он гортанно рассмеялся. Но смех тут же стих, когда Рейчел взяла инициативу на себя, раскрыв губы, чтобы встретиться с ним языками. В висках гулко забился пульс, едва она почувствовала, как Гейбриел отвечает, как проникает внутрь, словно пробуя ее на вкус...

— Рейчел!

Взяв за плечи, Гейбриел отодвинул ее от себя и поднял голову. Борьба, которую он вел с самим собой, затрудняла дыхание, мешая ему говорить.

— Дорогая, — наконец вымолвил он. — Мне кажется, это зашло слишком далеко. Ты не понимаешь, что делаешь, что предлагаешь...

— Понимаю, еще как понимаю! — воскликнула Рейчел.

Инстинктивно чувствуя силу своей женской привлекательности, она вновь шагнула вперед, намеренно проводя языком по верхней губе, все еще сохраняющей вкус его поцелуя. При виде того, какое впечатление произвело на Гейбриела это легкое движение, возбуждение ее возросло еще больше.

— Гейб...

В этот момент громко и пронзительно зазвонил телефон, нарушая хрупкую тишину комнаты.

— Не подходи! — взмолилась она, когда молодой человек повернулся на звук. — Пожалуйста, не отвечай!

— Рейчел, поверь, будет гораздо лучше, если я сделаю это. Во— первых, в любой момент могут войти твоя мать или мой отец. Во— вторых, ты слишком молода. У меня нет привычки совращать детей, как бы они ни были соблазнительны!

Совращать детей! Эти слова доставляли ей боль, даже несмотря на прошедшие годы. Но тогда они просто уничтожили ее, унизили и ошеломили. Ничего не понимая, Рейчел поклялась, что

больше никогда в жизни не будет разговаривать с Гейбриелом.

Но, уже попав на крючок мужского обаяния Гейбриела, она, подобно наркоману, была не в состоянии отказаться от источника наслаждения. И неважно, как часто голос разум подсказывал ей, что гораздо умнее было бы найти себе кого-нибудь другого, более подходящего по возрасту, в чьей компании Рейчел могла бы избавиться от разъедающего душу наваждения, она просто не слушала его.

Недостатка в кандидатах на роль заместителя Гейбриела не было. После поступления в художественный колледж ее просто засыпали приглашениями в клубы, кинотеатры, на вечеринки и обеды. Но ни в ком из молодых людей не было его тонкого шарма, его привлекательной наружности его завораживающей сексуальности. И ко дню своего девятнадцатилетия Рейчел поняла, что больше не может скрывать свои чувства.

День ее рождения... Включив свет в комнате, которая теперь стала ее мастерской, Рейчел почувствовала, как сжалось сердце. Тогда она выглядела совсем по-другому...

— Подумай об этом, дура! — с яростью сказала Рейчел самой себе. — Вспомни, как все было. И может быть, тогда сможешь раз и навсегда избавиться от заразы.

Но, несмотря на все попытки отогнать от себя воспоминания, Рейчел понимала, что не в состоянии сделать этого. Они уже всплывали в памяти...

5

Гейбриел отсутствовал семь месяцев. К тому времени он уже окончательно решил создать филиал фирмы в Штатах и находился там с самого начала года, но теперь возвращался. И Рейчел никак не могла дождаться этого момента.

Столь длительное отсутствие предоставило ей возможность как следует подготовиться к долгожданной встрече. Она сидела на диете, занималась физическими упражнениями, изменила прическу и макияж, накупила новой одежды. Без всякого тщеславия Рейчел понимала, что выглядит хорошо, — неуклюжий, неопытный подросток, каким он видел ее уезжая, остался в прошлом.

Одного взгляда на лицо Гейбриела, когда он переступил порог отчего дома, было достаточно, чтобы понять: усилия Рейчел не пропали даром. Но это были пустяки по сравнению с тем, что она задумала на следующий вечер: Грег и Лидия собирались устроить на уик-энд прием по случаю дня рождения Рейчел. Однако на семейном ужине накануне должны были присутствовать только они четверо.

На Рейчел было облегающее платье из шелка цвета красного вина, украшения собственного изготовления на шее и в ушах, гладкая прическа, и она знала, что выглядит потрясающе. За ужином рекой текли шампанское и поздравления, с каждой минутой девушка расцветала все больше и больше. Гейбриел не мог отвести от нее глаз, хотя, к ее разочарованию, поведение его не выходило за рамки приличий... Если не считать одного заявления, сделанного им под конец вечера.

Прощальный поцелуй на ночь длился дольше, чем это было необходимо. Потом он прошептал ей на ухо, так тихо, что этого не мог слышать никто из присутствующих в комнате:

— Ты выросла, маленькая Рейчел! За время моего отсутствия ты превратилась в женщину, и притом очень красивую. Похоже, мне придется очень серьезно пересмотреть свое отношение к тебе. Может, как-нибудь встретимся и обсудим это?

Это было то, о чем Рейчел только могла мечтать. Ни один из подарков не доставил ей даже сотой части той радости, которую подарили эти слова.

Возможность представилась на следующий вечер. Грег и Лидия ушли в театр, после чего собирались поужинать где-нибудь. Гейбриел с Рейчел остались в доме одни.

Взяв пару бутылок шампанского из приготовленных для приема, возбужденная Рейчел поднялась в мансарду. Она не позаботилась постучать, а просто распахнула дверь гостиной.

— Привет! Я тебе не помешала?

— Ничего страшного.

На колене у Гейбриела лежала открытая книга, но он явно не читал. Его мысли блуждали где-то далеко, и Рейчел рискнула предположить, что он грезит о ней.

— Я подумала, что неплохо было бы устроить маленький интимный праздник.

— И что же мы будем праздновать? — спросил он вкрадчивым голосом, заставившим ее задрожать.

— Ну, во-первых, твой приезд. И мой день рождения, конечно. Я принесла кое-что выпить. — Она выставила вперед бутылки. — В конце концов, Грег приготовил к воскресенью так много, что пары бутылок никто не хватится. Так что, если ты не против...

Он встал, чтобы взять у нее бутылки. И девушка, как будто впервые в жизни, с каким-то новым, беспокойным интересом окинула взглядом высокую, мускулистую фигуру Гейбриела, его сильную грудь, широкие плечи.

— В чем дело. Рейчел? У тебя такой вид, будто ты только что увидела привидение.

Мягкость его голоса успокаивала. На мгновение все окружающее поплыло перед ее глазами, но теперь картинка вновь вернулась на место. Ведь это был Гейбриел, человек, которого она любила не один год.

— Я только что вспомнила, что забыла про бокалы. — заявила она, смущенно потупившись.

— Не о чем беспокоиться. — Он уже занялся шампанским, ловко снимая обертку с горлышка.

У меня в баре есть несколько штук.

— Конечно. — Рейчел опять почувствовала себя неуверенно. — Я забыла, что это твое холостяцкое логово, где ты принимаешь всех своих подруг.

При мысли о вьющихся вокруг него стройных, элегантных красавицах глаза ее затуманились.

— Не всех. — быстро поправил ее Гейбриел, — только избранных... Бокал — живо!

Торопясь поймать струю шампанского прежде, чем та польется из горлышка, Рейчел несколько успокоилась и, уже держа в руках наполненный бокал, набралась смелости задать

более всего интересующий ее вопрос:

— А я включена в число избранных?

— А ты как думаешь?

Его внимание было сосредоточено на наливаемом втором бокале. Рейчел отпила большой глоток пузырящейся жидкости, ударившей ей в нос.

— Раньше ты иногда разрешал мне подниматься наверх, когда мне было нужно, за книгой или еще за чем-нибудь. Но в последнее время... — тщательно покрашенные губы Рейчел капризно надулись, — я определенно вышла из доверия.

— Меня долго не было, Рейчел, — возразил Гейбриел, жестом указывая ей на кресло. — Ты это прекрасно знаешь. А когда я приехал, то был чертовски занят делами, которые запустил, пока был в Штатах. А, кроме того... — Внезапно подняв голову, он посмотрел ей в глаза поверх края бокала что заставило ее застыть в неподвижности. — Все стало совсем не так просто, как раньше. — Голос его изменился, зазвучав хрипло и октавой ниже.

— Почему же? — спросила Рейчел с игривой, дразнящей улыбкой.

— Уверен, что ты и сама можешь догадаться.

Рейчел тоже была в этом уверена, но не хотела искушать судьбу слишком поспешными выводами. Будет слишком унижительно, если окажется, что она неправильно истолковала факты, поняла все совершенно неверно. Надо было сделать отвлекающий маневр.

— Расскажи мне, чем именно ты занимался в Америке? — попросила она, сбрасывая туфли и поджимая под себя ноги. — Открыл филиал фирмы?

— Филиал и магазины, но совсем другие. Собственно говоря, я хочу организовать все совершенно по-другому, а отец категорически против.

— Правда? — Рейчел знала, что, хотя напряженность в отношениях, вызванная враждебным отношением Гейбриела к ее матери, немного сгладилась, между ним и отцом возникли новые трения, совершенно на другой основе. Только теперь она поняла, в чем дело. — А что ты сделал такого страшного?

На губах Гейбриела появилась усмешка, придавшая ему совсем мальчишеский вид.

— Попытался насильно затащить фирму в двадцатый век и сделать ее менее элитарной.

— Звучит интересно. И каковы же твои планы?

— Хочу изготавливать изделия прежнего качества, такой же отделки, но сделанные из менее дорогих материалов. Короче, они должны обладать всеми достоинствами украшений фирмы Тернана, но быть более доступными по цене.

— Что— то вроде небольших партий одежды от кутюрье?

— Вот именно.

Своим сравнением она заработала улыбку одобрения, от которой у нее даже сердце сжалось в груди.

— Это не только укрепило бы наше положение, но и позволило выпускать самые разные, самые необычные изделия. Мы могли бы следовать повседневной моде, что находило бы гораздо более широкий спрос, чем традиционные изделия отца.

— И он позволил тебе сделать это?

Рот Гейбриела снова скривился:

— Позволил?! Скорее дал мне кусок веревки в надежде, что я повешусь. Мне пришлось вложить в это дело массу своих денег. Если оно не пойдет, я потеряю — и много. Если же наоборот, то отец не будет иметь к этому никакого отношения, я даже не использую фамилию Тернан. Новые магазины называются просто «Т2».

— Вот здорово! — Рейчел протянула бокал, чтобы он наполнил его, глаза ее загорелись. — Мне хотелось бы заняться чем— то вроде этого.

— Что ж, продолжай учебу, а там посмотрим. Ты талантлива, Рейчел, и сможешь достичь самых вершин.

Неожиданная похвала заставила ее слегка покраснеть.

— Ты мне льстишь.

— Нисколько, — заверил он. — Я говорю истинную правду и ничуть не преувеличиваю. Ты сама знаешь, что талантлива, так же, как и то, что красива. А это смертельно опасная комбинация, тебе трудно противиться.

Желая хоть чем— то охладить предательский жар, заставивший ее щеки заалеть еще ярче, Рейчел торопливо поднесла бокал к губам, но тот оказался пустым.

— Можно мне еще шампанского?

— Тебе не кажется, что больше не стоит?

Почти отцовская интонация, прозвучавшая в голосе Гейбриела, заставила ее обиженно надуться.

— Я уже не ребенок, Гейб. Мне девятнадцать лет. — Желая доказать это, она поднялась и наполнила свой бокал сама, — Я взрослая женщина, хотя ты, кажется, этого еще не заметил.

— Как раз наоборот. Что— что, а это я прекрасно заметил. Вопрос только в том, что ты собираешься делать в связи с этим?

— Делать?

— Скажи мне одну вещь, Рейчел... — Гейбриел поставил бокал на ближайшую книжную полку и откинулся на спинку кресла. — Прав ли я в том, что твой сегодняшний визит не случаен, а является частью кампании, должной доказать мне, до какой степени женщиной ты стала?

Ошарашенная подобной пронизательностью, Рейчел только и могла, что кивнуть, и вновь сделала большой глоток вина.

— Твои улыбки, взгляды, жесты... даже то, как ты одета... — Его обжигающий взгляд скользнул по темно— синему платью без рукавов, по глубокому вырезу, по идущим сверху донизу

пуговицам и вновь остановился на ее лице. — Подобные сигналы означают, что женщина хочет... ожидает от мужчины определенной реакции. А так как здесь я являюсь единственным представителем мужского пола, то должен сделать вы вод, что ты обращаешься именно ко мне.

Неожиданно для себя Рейчел поняла, что все изменилось: только что спокойный, непринужденно ведущий себя Гейбриел куда— то исчез, его стройное, сильное тело напряглось, в воздухе словно повисло ощущение опасности, от которого у нее пересохло в горле, а сердце будто пыталось выскочить из грудной клетки.

— Так ли это, Рейчел? Хочешь ли ты, чтобы я ответил на это?

Она вновь молча кивнула, этот откровенный вопрос заставил ее растеряться.

— Тогда почему бы нам не прекратить эти игры? — Голос Гейбриела упал до тихого, напряженного шепота. — Перестань делать вид, что не знаешь, зачем ты здесь...

— Делать вид? — воскликнула Рейчел. — Я вовсе не делаю вид!

— Нет? Тогда докажи это. Подойди ко мне, Рейчел! — приказал он, видя, что девушка по— прежнему медлит в нерешительности. — Подойди и поцелуй меня.

Ей казалось, что она не нуждается в поощрении но сейчас, когда наконец ее мечта была так близка к осуществлению, силы словно покинули Рейчел. Разделяющие их дюймы вдруг представились ей пропастью слишком опасной, чтобы ее можно было пересечь.

Облизывая пересохшие губы, она стояла перед сидящим Гейбриелом, глядя в бездонные, непроницаемые глаза. Затем медленно, боязливо приблизилась, опустила голову и прикоснулась к его губам. И немедленно тело ее, каждую его клеточку словно пронизал заряд возбуждения, заставивший сердце затрепетать от наслаждения. Но удовлетворить Гейбриела было не так— то просто. Губы его не смягчились, и голос прозвучал низко и недовольно:

— Ради Бога, Рейчел, ты целуешься как ребенок! Если хочешь показать себя женщиной, то и целуйся как женщина. Если же нет...

Но закончить фразу Гейбриелу не удалось. Рейчел заглушила ее единственным способом, который ей пришел в голову, — покрепче прижавшись к нему губами. На этот раз, целуя его, она мысленно вернулась к поцелую под омелой, вспоминая, как чувствовала себя тогда и чего именно ей хотелось. Необходимо было скрыть свои страхи, недостаток опыта под маской мнимой опытности...

Но маска эта продержалась не более пары секунд. Нахлынувшая волна удовольствия смыла все опасения, всю нерешительность и неуверенность, руки сами потянулись к Гейбриелу, пальцы запутались в его волосах. Рейчел притянула его голову поближе, ища жаждающим языком влажного тепла раскрывшегося навстречу рта.

— Так лучше? — спросила она, когда необходимость отдышаться заставила их прервать поцелуй.

— Лучше, — согласился он с нервным смешком. — Но, полагаю, что это еще не предел.

И Гейбриел усадил ее к себе на колено таким образом, чтобы было удобнее целовать. Если даже Рейчел и посчитала тот, рождественский, поцелуй захватывающим, то по сравнению с чувствами, которые она испытала сейчас, прошлое про сто померкло. Губы Гейбриела

становились то мягкими и податливыми, то жесткими и агрессивными, требующими от нее соответствующей по накалу отдачи.

И все это время его руки ласкали и гладили ее тело, опаляя огнем обнаженные участки кожи, а остановившись на мягких округлостях груди, как будто насквозь прожгли ткань платья. Указательный палец Гейбриела, проследовав вдоль выреза декольте, скользнул между пуговицами, и от этого прикосновения у нее перехватило дыхание.

Подол платья задрался, обнажая ноги, и Рейчел чувствовала кожей обнаженных бедер мягкую ткань вельветовых брюк Гейбриела и твердую плоть под ней.

Дрожь желания и предчувствия предстоящего сотрясла ее. Это была отнюдь не суетливая возня двух неопытных подростков. Без всякого сомнения, ее партнер был воплощением мужчины, с истинно мужскими желаниями. Надо было решать, поддаться ли пожирающей его страсти или уйти немедленно прочь.

Гейбриел, как будто прочитав мысли Рейчел, оторвался от ее губ, прерывисто вздохнул и заглянул в затуманенные глаза.

— Мне необходимо знать прямо сейчас, — сказал он неровным голосом, — пока я еще в состоянии вести себя как джентльмен, действительно ли ты хочешь этого.

Словно окаменев, Рейчел не отрывала от него глаз. Все ее мысли были сконцентрированы на бархатистой подушечке пальца, медленно и осторожно проводившего окружности по белоснежной коже обнаженного бедра.

— Ты должна на что— то решиться, Рейчел, — продолжил он, — останешься ли ты сейчас девушкой или превратишься в женщину. Но подумай хорошенько, потому что, если решишься, — обратной дороги не будет...

6

Обратной дороги не будет... Веские в своей значимости слова ошутимо повисли в воздухе. Что бы ни случилось, Рейчел уже не могла сделать вид, что их не было, и знала, что ответ, который сейчас даст, бесповоротно изменит ее жизнь.

— Ну, Рейчел, что ты скажешь?

Голос Гейбриела звучал мягко и спокойно, даже руки его перестали двигаться и неподвижно лежали теперь на подлокотниках кресла. Он вовсе не давил на нее ни физически, ни морально. Выбор был за ней, и только за ней.

В полумраке комнаты неестественно громко тикали часы, и в унисон с ними билось под лежащей на груди Гейбриела рукой Рейчел его сердце. Обратной дороги не будет...

В конце концов больше всего на ее решение повлияло отсутствие на своем бедре ощущения его легкой ласкающей руки. Без нее Рейчел вдруг почувствовала себя одинокой и покинутой, и это ощущение пустоты неожиданно вызвало жгучее желание, утолить которое можно было лишь одним способом.

— Да, — тихо сказала она, так тихо, что, по началу не расслышав, Гейбриел неуверенно

нахмурился. — Да... — повторила она, на этот раз более твердо.

Но он, должно быть, уже понял ее ответ по легким движениям тела, потому что, не дослушав, вновь привлек девушку к себе. На этот раз он впился в ее губы с такой яростью, что, будь у нее какие— либо сомнения, она могла бы в панике начать борьбу за свою свободу и безопасность.

Но сомнений у нее не было наоборот, она с радостью приветствовала первобытную ненасытность его поцелуя, черпая из нее смелость.

— Ты уверена, что хочешь именно этого? — хрипло переспросил Гейбриел.

Не в состоянии ничего сказать, Рейчел лишь кивнула, и он, встав на ноги, поднял ее вместе с собой, по— прежнему прижимая к себе. В следующее мгновение она почувствовала, как ее несут в другую комнату. Нетерпеливым движением плеча открыв дверь, Гейбриел медленно положил ее на кровать.

— Что ж, — пробормотал он, одним движением снимая с себя черную, с короткими рукава ми, майку. — Бывают моменты, когда человек просто не в состоянии воспротивиться искушению.

Гейбриел лег рядом с Рейчел на зеленое с золотом покрывало. А она была не в состоянии ни о чем думать, остались лишь чувства. После стольких месяцев мечтаний об этом моменте реальность казалась почти невероятной. Он был здесь, рядом с ней, его можно было касаться, ласкать, целовать, ощущать его возбуждение...

— Рейчел... "~ прошептал он возле самого ее уха. — Не торопись...

Но ей не хотелось ждать, взбудораженный мозг отказывался воспринимать это, негромко высказанное, предупреждение. Рейчел больше не была девочкой, за которую он принимал ее раньше, она ощущала себя женщиной, настоящей женщиной, и гордилась этим, гордилась своей силой.

Груды стали тяжелыми и налившимися, соски ныли в ожидании его прикосновений, тепла его губ. Почувствовав кожей прохладу вечернего воздуха, Рейчел поняла, что платья на ней уже нет, а оказавшись без последних двух полосок кружев, громко вскрикнула от удовольствия и придвинувшись ближе к Гейбриелу,

Никогда еще не испытывала она столь сильного возбуждения, не была охвачена столь непреодолимым желанием. Собственная реакция на происходящее поразила и озадачила ее.

Откуда все это было ей известно? То, как пробежать пальцами по твердым мышцам, еще более напрягающимся под ее прикосновениями? Какой инстинкт подсказал ей, где и как целовать Гейбриела, чтобы извлечь из его горла сдавленный крик, свидетельствующий о том, как близок он к полной потере контроля над собой, и стон, говорящий о полной капитуляции?

— Рейчел...

Ее руки скользнули ниже в желании узнать о нем всю правду. Рейчел хотелось почувствовать эту незнакомую, такую мужскую часть его тела, твердую и одновременно нежную на ощупь.

— Рейчел! — На этот раз крик прозвучал предостережением и протестом. — Не надо. Если ты еще раз коснешься меня там, я...

Но она не желала слышать этого протеста и намеренно усилила интенсивность своих ласк,

подчиняясь какому— то интуитивному, примитивному ритму.

Нависшее над Рейчел лицо неожиданно показалось ей лицом незнакомца. Прежней нежности и неторопливости как не бывало, остались только неприкрытое желание, слепая страсть.

— О Боже! Я тебя предупреждал...

Боль от его обладания, казалось, разорвала ее на части, унеся с собой золотистый жар и возвышенное возбуждение, оставив ее одинокой и обманутой. Сила разочарования была так велика, что походила на сердечный приступ.

Но как это могло случиться? Как могло то, чего ей так хотелось и обещающее столь многое, оказаться столь отвратительным? Каким образом она оказалась потерянной, брошенной и преданной, в то время как он достиг удовлетворения, казавшегося ей столь близким и прошедшего мимо нее.

Вне себя от ярости и обиды, Рейчел стиснула кулаки и начала бешено колотить ими по широким, обнаженным плечам, по— прежнему прижимающим ее к кровати.

— Я ненавижу тебя! Ненавижу! Разве этого мне хотелось...

— Знаю... — С глубоким, хриплым вздохом он перекатился на бок, давая ей возможность двигаться. — Поверь мне, я знаю.

И прежде чем Рейчел успела ускользнуть от его рук, она вновь оказалась в объятиях Гейбриела, так крепко прижатой к его обнаженной груди, что с трудом могла дышать. Сила его была настолько велика, что, несмотря на все ее старания, ей оставалось только смириться.

Позднее, когда его прерывистое дыхание успокоилось и бешеное биение сердца замедлилось, Гейбриел переменял позу и, взяв ее лицо в ладони, приблизил к себе.

— Извини, дорогая, — пробормотал он, покрывая нежными поцелуями ее мокрое от слез лицо. — Ради Бога, извини. Я вовсе не хотел этого. Но ты была так прекрасна, так невинно чувственна, отдавала себя так охотно, так полно, что я потерял голову. Меня обуяли эгоизм, жадность. Но обещаю, что в следующий раз все будет совсем по— другому.

— Нет! — Никакого следующего раза не будет.

Она не в состоянии пройти через это еще раз. Рейчел отчаянно замотала лежащей на подушке головой. — Нет!

Но, как это ни было странно, его поцелуи уже каким— то образом ослабили ее сопротивление. Они околдовывали и соблазняли, гипнотизировали, обхаживали, вытягивали из нее вновь зарождающееся возбуждение, которое, как она полагала, ушло навсегда.

— Успокойся, дорогая, — шептал Гейбриел. — Доверься мне. Дай мне показать, как это все должно быть. Дай показать тебе, что это приносит не боль, а удовольствие. Позволь доставить тебе радость, то наслаждение, которое ты дала мне.

И когда он подтвердил свои обещания заставляющими трепетать душу поцелуями, когда его руки уже блуждали по ее вновь проснувшемуся телу, лаская, поглаживая, возбуждая, Рейчел поняла, что у нее нет ни сил, ни желания сопротивляться. Она могла лишь отвечать, чувствуя, как распускаются под его прикосновениями ее чувства, подобно нежным цветам под лучами

весеннего солнца. Ощущение ледяного холода потери вновь сменилось приятным теплом.

Не успев еще как следует понять, что произошло, Рейчел уже чувственно извивалась при каждом его прикосновении, с губ ее произвольно слетали негромкие возгласы неизъяснимого наслаждения. Возгласы, вскоре сменившиеся вздохами, стонами и, наконец, криками восторга. Восторга, смешанного с непреодолимым желанием, вновь огнем сжигающим ее тело, — все нарастающим, все более требовательным...

И тут Гейбриел одним мощным движением вновь оказался внутри нее, заставив Рейчел от неожиданности вскрикнуть. Но на этот раз тело ответило не болью, а неожиданно чудесным ощущением совершенной кульминации.

— Вот так— то лучше! — Голос его дрожал, в нем звучал триумф и какой— то невеселый смех. — Гораздо лучше. Но есть и еще кое— что...

— Еще! — пробормотала Рейчел, не веря своим ушам. Еще? Неужели возможно существование каких— то иных ощущений, дающих еще большее наслаждение? Это просто невероятно. Но Гейбриел доказал ей, что это не так.

Если раньше он был воплощением страстности и нетерпения, то теперь — сама выдержанность и нежность. Каждое движение его было завершенным и тщательно продуманным, имеющим целью доставить ей еще больше наслаждения.

Гейбриел целовал, ласкал языком, поддразнивая покусывал ее кожу. Чувствующей себя как будто растворившейся в колышущемся море чистой эротике Рейчел не оставалось ничего, кроме как позволить горячим волнам подталкивать ее все ближе и ближе к источнику этого жара..

Как будто угадав ее желание, Гейбриел напрягся, его движения стали мощнее и ритмичнее, ласки настойчивее. И настал момент, когда во всем мире не осталось для Рейчел ничего, кроме ослепительного водоворота ощущений, заставивших содрогаться ее тело в каком— то ином измерении.

Острое, пронизывающее ощущение экстаза поднимало Рейчел все выше и выше — туда, где ей казалась, что она— вот— вот должна умереть и ее тело просто рассыплется, разлетится на крохотные кристаллические осколки, испускающие пульсирующее сияние.

Но каким?то образом ей все— таки удалось остаться невредимой. И медленно, очень медленно Рейчел опустилась обратно на грешную землю, обнаружив себя в надежных объятиях Гейбриела и по— прежнему интимно воссоединенной с ним. Дыхание их было неровным, сердца бились в унисон в отчаянном, первобытном ритме удовлетворенной страсти.

— Вот это... — начал он низким от утоленной страсти голосом. — Вот это и было тем, за чем ты сюда пришла, не так ли?..

— Рейчел, с тобой все в порядке?

Раздавшийся где— то позади нее тихий голос произвел на Рейчел впечатление раската грома. Коротко вскрикнув, она повернулась и увидела темную, атлетически сложенную фигуру человека, незаметно вошедшего в комнату, в то время как ее мысли были полностью заняты воспоминаниями.

— Извини, я не хотел пугать тебя. — Схватив ее за руки, Гейбриел помог ей удержаться на

ногах. — Что?нибудь случилось?

Именно этот голос Рейчел только что слышала в своих воспоминаниях. Только там он был низким от страсти и полученного удовлетворения, а теперь звучал сдержанно и спокойно, хотя и не без некоторой толики тревоги.

— Я...

— Ты так долго искала обещанные работы, что я забеспокоился и подумал, может быть, тебе стало плохо, день сегодня был тяжелый...

— Со мной все в порядке.

Рейчел тряхнула головой, пытаясь отогнать от себя остатки воспоминаний, и, освободившись из рук Гейбриела, бросила на него взгляд сверкающих серых глаз.

— Я прекрасно себя чувствую. — Если бы только голос ее не звучал так пронзительно. — А ты не имел права подниматься сюда...

Гейбриел нахмурился, и у нее по коже пробежали мурашки.

— Это еще почему? — резко спросил он. — Мой отец умер меньше недели назад, и только сегодня мы похоронили его, а мне, оказывается, уже нельзя ходить по дому, где я когда-то родился.

Это моя комната!

— Я знаю...

Рейчел понимала его и чувствовала свою вину, но в то же время знала, что не хочет его присутствия в этой комнате, где до сих пор еще витали призраки прошлого.

— Но теперь она стала моей.

Он кинул на нее столь яростный взгляд, словно собирался испепелить ее.

— В этом— то вся проблема, не так ли, дорогая Рейчел? — Язвительная интонация в его голосе резанула словно ножом. — Теперь, когда ты и твоя мамочка заполучили этот дом...

— Нет! Не надо! — Неужели он действительно так думает? — Гейб, пожалуйста, ты не должен так говорить! Этот дом принадлежит тебе в гораздо большей степени, чем мне, и так будет всегда!

— Мы оба знаем, что это уже не так... — И тут взгляд его впервые скользнул по комнате. — Да, ты действительно постаралась на совесть.

Прозвучавший в его фразе подтекст заставил Рейчел поморщиться. Она знала, что он сейчас видит, но не имела никакого понятия о том, как интерпретирует увиденное.

Когда ей предложили занять мансарду, Рейчел отказалась наотрез. Воспоминания, которые навевали на нее эти комнаты, были слишком сильны, слишком болезненны для того, чтобы обосновываться в них, не говоря уже о перспективе спать в бывшем «холостяцком гнездышке» Гейбриела.

Но Грег упорствовал и отказывался выслушивать какие— либо возражения. В итоге больше чем через год отчим настоял на своем и распорядился переоборудовать мансарду, чтобы преподнести ей в подарок на день рождения. Однако Рейчел поставила неперемное условие — перепланировать помещения. Так ей будет проще избавиться от призраков прошлого.

— Почему ты решил поменять комнаты?

— В этой больше света. — Нервным жестом Рейчел указала на большое, занимающее почти всю стену, окно, сделанное уже после отъезда Гейбриела. — Когда я работаю над своими изделиями, мне нужен свет.

Объяснение выглядело вполне правдоподобно. Да оно и было почти правдой. Почти, но не всей, подумала она, нервно переступая с ноги на ногу,

— Весьма разумно.

Если Гейбриел и догадался об истинных причинах ее решения, он ничем не показал этого. Голос его звучал столь же спокойно и непринужденно, как будто она была для него незнакомкой, чей дом он посетил в первый раз в жизни.

— Я... я тоже так думаю.

Эта запинка в середине фразы заставила Гейбриела бросить на нее пристальный взгляд.

— Успокойся, Рейчел, — сказал он, явно неправильно поняв причины ее нервозности. — Я же сказал тебе... набрасываться на тебя я не собираюсь.

— Я прекрасно знаю это! — вспыхнула она. — Ты этого не сделаешь, потому что я не позволю тебе даже приблизиться ко мне! Все кончено... давно и бесповоротно. Именно поэтому я и хочу, чтобы ты ушел. Из моей комнаты... и из моей жизни.

Рейчел не была уверена, какой реакции можно было от него ожидать. Но если бы ей пришло в голову, что он воспримет ее слова буквально и действительно уйдет, то она скорее откусила бы себе язык, чем сказала бы нечто подобное, Однако Гейбриел лишь скептически улыбнулся:

— Если бы я мог в это поверить, то чувствовал бы себя гораздо спокойнее.

— Так верь! — бросила Рейчел, стараясь ничем не показывать охватившего ее беспокойства. — Она не знала, чего боится больше: неверия Гейбриела в то, что она больше не питает к нему никаких чувств, или мысли о том, что именно этого ему и надо, — В моем сердце не осталось места для тебя.

Смена выражений на его лице поразила и обеспокоила ее.

— О, Рейчел... — очень осторожно начал он.

Но с нее было достаточно. Это переплетение прошлого и настоящего вдруг стало ей ненавистно.

— Нет! Не хочу ничего слышать! Не хочу слышать того, что ты собираешься сейчас сказать. Мне нужно только, чтобы ты ушел... — И, упершись ладонями в его грудь, Рейчел отчаянно, что есть сил, толкнула его. — Давай! Иди вон... вон!

Ее агрессивность и напор застали Гейбриела врасплох, заставив сделать шаг к двери. Но

только один. Вновь обретя равновесие, он крепко схватил ее за запястья.

— Рейчел, прекрати!

У нее не было ни единого шанса. Она не могла сопротивляться, если бы даже попыталась, — слишком велика была разница в силе. Но это не заставило ее опустить голову.

Глаза их встретились на долгий, кажущийся бесконечным, момент, и взгляд Гейбриела привел ее в состояние шока. Сколько раз слышала Рейчел о дрожи предчувствия, о мурашках, пробегающих по коже при таких внезапных зрительных контактах! Никогда еще в своей жизни она так не пугалась. Совершенно неожиданно Рейчел увидела свою комнату так ясно, как будто ее осветили мощным прожектором.

Стол у окна, стоящую на полке вазу с цветами, яркие картины на стенах. Из окна открывался вид на парк, вдаль, за деревьями, виднелся кусочек Темзы. Но лучше и яснее всего Рейчел видела стоящего перед ней Гейбриела, с расстегнутым воротом рубашки, с темными волосами, упавшими на лоб. Падающий из окна свет делал черты его лица столь резкими, что больно было на них смотреть.

— Гейб...

Но слов не находилось. Может быть, потому, что Рейчел знала: она лжет и ему, и самой себе. Ведь ничего не умерло и вряд ли когда-нибудь умрет. Все осталось на своих местах, так плохо спрятанное, что достаточно было чуть дунуть, чтобы развеять налет обмана.

— О, Гейб, — вздохнула она, глядя на свои руки, по— прежнему упирающиеся в его грудь. — И зачем ты только вернулся?

— Поверь, если бы я мог, то не сделал бы этого.

На удивление ласково он взял ее за подбородок и приподнял его. Рейчел поспешила закрыть глаза, ей не хотелось, чтобы он заметил стоявшие в них слезы.

— Рейчел, я не хотел тебя обидеть.

— Ты не хотел... — Она с горечью рассмеялась. — А тебе не кажется, что ты это уже сделал?

Молчание, следовавшее за этим обвинением, длилось так долго, что Рейчел пришлось все— таки открыть глаза... и увидеть его внезапно побелевшее лицо.

— О Боже, Рейчел, не надо. Не говори этого. Не... — Гейбриел умолк на полуслове, следя за слезинкой, катящейся по ее щеке. — Рейчел... — глухо произнес он и, склонив темноволосую голову, коснулся ее щеки там, где на коже остался влажный след.

Губы его были мягкими, теплыми, бесконечно нежными. И, помимо своей воли, Рейчел подняла лицо навстречу поцелую.

— Рейчел... — Теперь его голос звучал совсем по— другому, неуверенно, с дрожью.

Но стоило Рейчел подумать об этом, как она немедленно отмела столь невероятное предположение, чуть было не покачав при этом головой. Это было просто невозможно! Нерешительный Гейбриел? Невероятно!

Но вот она обнаружила свое лицо в плену ладоней двух сильных рук. Длинные пальцы

скользнули в ее волосы, и вновь Рейчел почувствовала нежное, как и раньше, прикосновение его губ к своим. Гейбриел как будто пробовал прекрасное вино, вкус которого ему хотелось смаковать бесконечно.

С приглушенным возгласом она закинула руки ему за шею, запустив пальцы в мягкие, шелковистые волосы, и изо всех сил потянула вниз в попытке как можно плотнее прижаться к нему губами. В следующее мгновение ей уже казалось, что над ее головой разразилась гроза и ослепительные молнии озаряют ее своим ослепительными всполохами. Теперь поцелуй Гейбриела уже никак нельзя было назвать даже отдаленно похожим на нерешительный, хотя в нем не было ничего грубого. Просто губы его стали жадными, ищущими, требующими ответа.

Столь раскаленное напряжение неизбежно должно было закончиться чем— то большим. Груды Рейчел, крепко прижатые к его телу, набухли и ныли от желания, которое жгло ее изнутри. Она ощущала жар его ладоней на своей шее, плечах. Потом руки Гейбриела скользнули по ее спине и впились в округлые ягодицы.

Свидетельства его желания были несомненны...

— Гейб...

— О Боже милостивый, нет! — Его дрожащий голос нарушил наэлектризованную тишину комнаты, и внезапно Гейбриел резко отпрянул.

Не в силах понять, что происходит, Рейчел протянула к нему руки, но он опять поймал их И, яростно стиснув, удержал ее на расстоянии.

— Я сказал «нет»! — Его потемневшие глаза вспыхнули таким яростным огнем, что Рейчел похолодела. — Это необходимо сейчас же прекратить.

— Прекратить?

Только не это! Впечатление было такое, словно Рейчел возвратилась на четыре с половиной года назад, к тому самому ужасному моменту в своей жизни.

Ей понадобились долгие месяцы, даже годы, чтобы оправиться от удара. Собственно говоря, как начала сейчас понимать Рейчел, она по— настоящему не оправилась до сих пор и не в состоянии была пройти через это еще раз. Очередной отказ перенести было просто невозможно.

— Но почему? Почему это нужно прекратить?

— Потому, что я не...

— Ты? — перебила она срывающимся голосом. — Ты! Все время ты и твои желания. А как насчет...

— Рейчел...

— Хватит! — Разочарование придало ей силу, которую она не ожидала в себе найти. Вырвавшись, Рейчел по инерции отскочила на середину комнаты. — Хватит разговоров! Я не хочу больше тебя слушать, потому что ты лгал мне! — Обида был такой жгучей, что она уже не подбирала слова и, желая лишь выразить свою боль, не заботилась о возможных последствиях вспышки. — Ты лгал, когда говорил, что я тебе не нужна... что ты обо мне совершенно не

думаешь.

— Разве я когда-нибудь так говорил?

Его спокойствие заставило ее замолчать. Каким— то образом Гейбриел умудрился в необычайно короткий срок вновь обрести утраченное было присутствие духа и надеть на себя маску холодного безразличия, делающую его похожим на греческую статую, раздражающе безликую и непроницаемую.

— А может быть, ты все это просто вообразила? Неверно интерпретировала мои слова. — Интонация его голоса заставила Рейчел содрогнуться, ледяная выверенность фраз хлестала ее словно плетью: — Что ж, если я действительно дал тебе понять, что ты не нужна мне, то, значит, лгал, нагло лгал. Ты нравишься мне, чертовски нравишься. Настолько нравишься, что мне больно быть без тебя. Однако я никогда — никогда! — не собираюсь ничего предпринимать по этому поводу. Ты опасна, Рейчел, дьявольски опасна.

— Опасна? — Рейчел не могла поверить своим ушам. — Я? Но как я могу быть...

— Проблема в тебе самой и во всем, что с тобой связано, дорогая. Ты несешь с собой риск и осложнения, способные запутать мою жизнь и превратить ее в сущий ад. Один раз я уже пережил подобное и не хочу повторения. Поэтому, если я сказал, что это надо прекратить, значит, так тому и быть!

— Но, Гейб...

Чувствуя, что должна что— то сделать, Рейчел схватила его за руку, желая объяснить, доказать...

— Никаких «но». — Один его тон сказал ей все, а он еще стряхнул ее руку с такой холодной жестокостью, что это резануло ее как ножом. — Все кончено, Рейчел. Раз и навсегда. Я не желаю больше даже прикасаться к тебе.

7

Как только могла она снова допустить это? Вопрос этот не давал Рейчел покоя всю долгую бессонную ночь. Бесчисленное количество раз вспоминала она момент появления Гейбриела в комнате, его поцелуй и собственную инстинктивную реакцию на него.

Неужели прошлое ничему ее не научило? Давно пора было понять, что Гейбриелу Тернану доверять нельзя. Он — человек, который использует женщин лишь для своего удовольствия, находит и бросает их по собственному усмотрению, не обращая внимания на их чувства. А она позволила поступить с собой подобным образом дважды!

И теперь уже нельзя оправдаться детской наивностью. Она не глупая девчонка, влюбленная до безумия. Тогда, замороженная объектом своих девичьих фантазий, Рейчел была не в состоянии думать ни о чем, кроме него, не видела ничего, что творилось вокруг.

В тот раз их чуть было не застали врасплох. Рано утром Гейбриел услышал звук подъезжающей машины Грега и разбудил ее. Торопливо подобрав одежду, Рейчел чуть не скатилась по лестнице, спеша попасть в свою комнату, где долго лежала, переживая происшедшее, пока не уснула в мечтах о прекрасном будущем.

Но уже через двадцать четыре часа все переменялось. Проснувшись, она почувствовала, что пузырится, как шампанское, которое они пили накануне, И весь день, проведенный в приготовлениях к предстоящему приему по случаю дня рождения, с ее лица не сходила счастливая улыбка. Единственным темным пятном на безоблачном небосклоне было отсутствие Гейбриела, хотя это легко объяснялось занятостью его и Грега на работе.

Однако, появившись к обеду, он был поразительно холоден с Рейчел, держался на расстоянии, едва смотрел в ее сторону и ограничился лишь несколькими короткими фразами. В общем, совсем не походил на нетерпеливого ночного любовника.

Несколько удивленная Рейчел поймала его в холле, когда они шли из столовой в гостиную, где должны были подать кофе.

— Гейб, в чем дело? Что-нибудь не так?

— Не так? — Его голос был так же холоден, как и улыбка. — Не говори глупостей, Рейчел. Все нормально. Но некоторое время мы должны вести себя осторожно в присутствии твоей матери. Ты же знаешь, что мы с ней всегда видим вещи по—разному, поэтому ей понадобится некоторое время, чтобы смириться с нашими отношениями.

Вынужденная согласиться с разумностью доводов Гейбриела, Рейчел, хотя и неохотно, смирилась с его линией поведения. Но на следующий день дела пошли еще хуже. Вернувшись из колледжа, она обнаружила, что атмосфера в доме накалена до предела. У матери с Грегом, очевидно, случилась крупная ссора. И если за обедом они все—таки разговаривали, то с такой официальной вежливостью, что Рейчел чувствовала себя весьма неудобно.

Гейбриел, видимо решивший совсем не показываться, отбыл неизвестно куда и появился лишь под утро следующего дня. Когда именно он приехал, ей так и не довелось узнать. Попытавшись дождаться его возвращения, Рейчел, не выдержав, заснула в два часа ночи.

Но на следующий день было воскресенье — день приема, и, одеваясь, она чувствовала, что никакие ссоры в мире не могут испортить ей настроение. Выбранное Рейчел простого покроя кружевное платье, с оставляющими открытыми плечи тоненькими бретельками, как нельзя лучше подходило к случаю. Серебристая материя облегла грудь и бедра, а короткая юбка оставляла на виду длинные, стройные, слегка загорелые ноги.

Она знала, что с живописно обрамляющими лицо распущенными локонами и макияжем, слегка подчеркивающим широко расставленные, сияющие глаза, выглядит как никогда хорошо. Надев серебряные серьги собственной работы и соответствующий браслет, Рейчел взглянула на себя в зеркало и улыбнулась. На нее смотрела изысканная, чувственная и, что самое главное, взрослая женщина.

— Ты уже не девочка, — сказала она своему отражению.

Рейчел не могла дождаться момента, когда сможет показаться Гейбриелу. Несмотря на его намерение держаться в стороне, он, несомненно, окажется не в силах не восхититься ею.

Тем сильнее она была ошеломлена и поставлена в тупик, когда, демонстрируя себя Грегу и матери в гостиной перед прибытием гостей, услышала за спиной язвительный голос:

— Тебе не кажется, что это несколько вульгарно?

Ей стало больно. Очень больно! Игра игрой, но это уже заходит слишком далеко.

— Ничего подобного!

К счастью, эта фраза прозвучала прежде, чем она успела обернуться. Потому что стоило Рейчел бросить на него взгляд, как она потеряла всякую способность соображать и, замерев как вкопанная, могла только стоять и смотреть. До этого ей не приходилось видеть Гейбриела в вечернем костюме. К тому же было невозможно не вспомнить о стройном мускулистом теле, скрытом под элегантной одеждой, и эта мысль заставила Рейчел покраснеть. Сглотнув, она начала снова:

— Я могу носить все, что захочу! Теперь я уже взрослая.

Замечание вышло не особенно удачным, слишком уж напоминало оно их ночной разговор в его комнате. При виде насмешливо поднятой брови Гейбриела Рейчел поняла, что он подумал о том же самом.

— Ты выглядишь так, будто только что вышла из бассейна! — презрительно бросил Гейбриел. — Это так называемое платье... — Он деланно рас смеялся, как бы показывая, что считает ее наряд совершенно неподходящим к данному случаю. — Этот кусок ткани может служить лишь для возбуждения похоти... Лидия... — К удивлению Рейчел, он повернулся к ее матери. — Неужели вы позволите вашей дочери появиться на людях оде той — вернее раздетой — подобным образом?

Улыбка Лидии была прямо— таки ледяной, взгляд — отстраненным.

— Как Рейчел уже сказала, ей исполнилось девятнадцать и она может сама решать, что надевать. Кроме того, Гейбриел, мне кажется, что ты немного старомоден. Не думаю, чтобы человек твоего возраста был способен оценить моду, привлекающую молоденьких девушек.

Внезапно Рейчел поняла, что делает Гейбриел. Он играет роль адвоката дьявола, выступая за сторону, противоположную той, за которую стоит сам, чтобы никто не заподозрил, что она значит для него гораздо больше, чем девочка— подросток, за которую вроде бы принимает ее.

И сразу же все его презрение, его явное неодобрение перестали обижать ее. А когда Грег тоже встал на ее защиту, она даже улыбнулась Гейбриелу широкой, дерзкой улыбкой:

— Ты остался в меньшинстве! Я не откажусь от этого платья. Но если ты будешь хорошо себя вести, позволю загладить свою вину и потанцевать со мной.

Стоило начаться приему, как она быстро забыла о предшествовавшей ему небольшой стычке. Ее охватило возбуждение. Среди объятий, поцелуев, добрых пожеланий и кажущейся бесконечной череды подарков у нее совершенно не было времени на то, чтобы остановиться и задуматься над поведением Гейбриела.

Только гораздо позднее Рейчел начала припоминать, каким суровым взглядом он смотрел на нее, взглядом, в котором не было ни капли теплоты или иронии. Неужели Гейбриел действительно думал о ее платье именно то, что сказал?

Стоило зародиться сомнению, как Рейчел начала замечать и другие вещи. То, как он упорно избегал ее, гораздо старательнее, чем это нужно было для того, чтобы пустить пыль в глаза их родителям. Как ловко оказывался подальше от нее в тот момент, когда очередной танец заканчивался и Рейчел могла сменить партнера. Холодное выражение лица ни разу не смягчилось улыбкой. Да и вообще, он смотрел сквозь нее, как будто ее не существовало.

Что ж, она ему покажет! Рейчел не понимала, что творится с Гейбриелом, да и какая разница! В конце концов, это ее день и нужно получить от него как можно больше удовольствия.

И она пустилась во все тяжкие, танцуя с любым, кто попадался под руку, и, осушая бокал за бокалом шампанское, как будто боялась, что оно вот— вот кончится. Рейчел неистово смеялась над каждой мало-мальски остроумной репликой и не менее неистово флиртовала с каждым мужчиной, выказывающим к ней хоть малейший интерес.

Никакого эффекта! Гейбриел подпирал стену на другом конце гостиной и лишь хмурился, наблюдая за всем происходящим непроницаемо темными глазами. Заговорил он с ней всего один раз, когда Рейчел, проходя мимо, чтобы в очередной раз наполнить бокал, на минуту остановилась и сказала:

— Где ты все время прячешься? Тебе не кажется, что пора бы нам потанцевать?

— Мне кажется, что партнеров у тебя хватает.

— О да, я прекрасно провожу время, — заявила Рейчел, пряча за бравадой свое разочарование. — А сейчас извини, я хочу еще вина.

— Стоит ли? — предостерегающе сказал Гейбриел. — Может быть, хватит? Ты же знаешь, как ударяет тебе в голову шампанское.

Уловив содержащийся в этой фразе явный намек, Рейчел, с вызовом во взгляде, подняла свой бокал.

— Оно ударяет и в другие, более интересные части тела! — объявила она, сделав соблазняющее движение бедрами.

Но это только заставило Гейбриела нахмуриться сильнее.

— Мне кажется, нам надо поговорить, Рейчел.

— Поговорить? У меня есть более увлекательные занятия. Я наслаждаюсь жизнью!

— Тогда после приема, до того, как ты пойдешь спать! — Это прозвучало как приказ, и Рейчел скептически подняла бровь.

— Вряд ли твое предложение можно назвать романтическим, дорогой! Леди любят, чтобы за ними хотя бы немного поухаживали...

— Рейчел!..

Раздраженный тон его голоса подсказал Рейчел, что она заходит слишком далеко, а ей очень хотелось хотя бы некоторое время провести с ним вдвоем.

— Хорошо, после приема. — Но бунтарское на строение не покидало ее, и Рейчел не смогла удержаться от соблазна в качестве мести за отзыв о платье уколоть его еще раз. ~ Если, конечно, у меня не будет более заманчивого предложения, — заявила она и поспешила ретироваться до того, как разразится шторм, все признаки которого появились на лице Гейбриела.

Но худшее, как оказалось, было впереди. Спустя некоторое время, когда оркестр сделал перерыв и все пошли ужинать, Рейчел внезапно поняла, что Гейбриела нигде не видно. После

осторожных, якобы непринужденных, расспросов выяснилось, что в последний раз его видели разговаривающим с Амандой Брайант, старшей сестрой одной из подруг Рейчел по колледжу.

— Она прямо пожирала его глазами, — сообщила ей Бекки со сладострастным наслаждением в голосе. — Он ведь такой привлекательный мужчина, а что собой представляет Аманда, ты сама знаешь.

Да, я знаю это слишком хорошо, с тоской подумала Рейчел. Сестра Бекки была высокой, знойного вида брюнеткой с роскошной фигурой, выгодно подчеркнутой облегающим платьем из черного бархата.

— А потом они ушли. — Бекки многозначительно вскинула брови, давая понять, что догадывается, почему именно они ушли. — Аманде было очень скучно. Я слышала, как она сказала Гейбриелу, что такие детские вечеринки не в ее вкусе...

Детские вечеринки? Нельзя было найти более подходящих слов, чтобы посыпать соль на раны Рейчел.

— Что ж, по сравнению с нами они действительно старые и чопорные, — сказала она, отчаянно пытаясь сохранить непринужденный вид. — Почти уже средних лет!

Однако Рейчел по-прежнему отказывалась видеть в поступке Гейбриела нечто большее, чем простую акцию прикрытия. В конце концов, говорила она себе, можно ли придумать лучший способ отвести подозрения их родителей, чем обратить свое внимание на какую-нибудь другую женщину. Подобное рассуждение могло бы помочь, если бы Рейчел удалось убедить себя, но этого не вышло. Вся заключительная часть приема оказалась испорченной, и она была только рада, когда гости разъехались по домам.

Гейбриел так и не появился, но, кроме виновницы торжества, его отсутствие, казалось, никого не волновало. Однако больше ждать Рейчел не могла, было уже почти утро.

— Если вы не возражаете, я пойду спать.

Она надеялась, что мать и Грег, наверняка считающие, что ей не терпится поделиться впечатлениями от приема, припишут ее поведение усталости.

— Я совершенно без сил! Спасибо вам за чудесный вечер.

Рейчел действительно устала, но почему— то никак не могла уснуть, поэтому услышала знакомые шаги на лестнице. Интересно, с замиранием сердца думала она, зайдет ли он ко мне. Но шаги проследовали мимо, ко второй лестнице в мансарду. Раздался звук вставляемого в замок ключа...

Долгое время Рейчел боролась сама с собой. Если сейчас подняться наверх, то это может оказаться ему только на руку. Он сможет посмеяться над ней, сказать, что надо иметь больше доверия к нему, или, что еще хуже, назвать ее поведение ребячеством. Гораздо лучше подождать и поговорить обо всем утром.

Но ей было как— то беспокойно. Она не знала, куда себя девать, и мысли о Гейбриеле только усугубляли положение.

Необходимо было увидеться с ним прямо сейчас. Даже если он поднимет ее на смех, это будет все— таки лучше, чем лежать в кровати как на иголках. Все, что ей нужно, так это то, чтобы

Гейбриел заключил ее в объятия и сказал, что она ведет себя глупо. В конце концов, он ведь хотел с ней поговорить.

А потом, может быть, Гейбриел поцелует ее, как целовал прошлой ночью. Поцелует и покажет, что считает ее настоящей женщиной, а вовсе не ребенком...

Кровь закипела у нее в жилах, она соскочила с постели. Не позаботясь накинуть халат, Рейчел тихонько выскользнула из комнаты и слегка улыбнулась: храп Грега был слышен даже из дальнего конца коридора. В одно мгновение она взлетела по лестнице, ведущей в мансарду, но, почти достигнув цели, остановилась, моментально потеряв всю решимость.

Вдруг из— за двери послышался какой— то не то вздох, не то вскрик, и вновь воцарилась тишина.

— Гейб?

Не получив никакого ответа, Рейчел уже подумала, не показалось ли ей все это. Может, он вообще еще не возвращался, а она просто приняла желаемое за действительное. Но неожиданно раздался звук, в происхождении которого усомниться было невозможно, — скрип кроватных пружин, вызванных каким— то движением. И, внезапно обретя уверенность, она повернула ручку двери и открыла ее.

— Гейб,

Опять раздался какой— то странный звук, похожий на хихиканье, как будто кто— то уткнулся головой в подушку.

— Гейб, ты здесь?

— Что тебе нужно, Рейчел?

Резкий, раздраженный голос раздался из темноты так неожиданно, что она отпрянула, как испуганная кошка. Его тон был так холоден, что, несмотря на теплую августовскую ночь, по спине ее пробежал холодок.

— Я... Просто я захотела тебя увидеть.

— Увидеть меня? — Теперь в его голосе звучала угроза. — Какого черта...

— Гейб, пожалуйста! Я только хочу...

Слова замерли у нее на губах, потому что в этот момент Гейбриел приподнялся в постели и резким движением включил стоящую на столике возле кровати лампу.

Моргая от внезапно вспыхнувшего света, Рейчел не могла поверить своим глазам. Не может же быть...

Гейбриел сидел на кровати, грудь его была обнажена, волосы всклокочены. А рядом с ним, слегка приподняв голову с подушки и сверкая оливковой кожей, с распухшими от поцелуев губами, с распущенными волосами, беспорядочно падающими на бесстыдно обнаженную грудь и плечи, лежала Аманда Брайант!

Гейб! Рейчел хотела произнести его имя, но язык не повиновался ей, хотя она уже открыла рот.

— В чем дело, крошка? — спросил он с ненавистным ей сарказмом. — Не можешь уснуть? Что ж, если ты хочешь, чтобы я прочитал тебе на ночь сказку, то извини, не получится. Как видишь, я сейчас занят... — И, повернувшись к лежащей рядом с ним женщине, нарочитым движением провел рукой по ее полной груди, мрачно улыбнувшись при виде ответной реакции. — У меня есть дело... взрослое дело, которое мужчина и женщина...

Но Рейчел, не в силах выслушать эти жестокие слова до конца, повернулась и кинулась в свою комнату, как будто за ней гнался сам дьявол. Слава Богу, ни мать, ни Грег не проснулись.

Если бы они пришли выяснять, что случилось, Рейчел не смогла бы объяснить своего состояния...

Вернувшись мыслями в настоящее, Рейчел беспокойно заворочалась в постели. Одно воспоминание о событиях той ночи причиняло такую боль, что тонкая ткань простыни показалась ей грубой, как абразивная шкурка. Но глаза навернулись жгучие слезы.

Для нее до сих пор оставалось загадкой, каким образом она пережила следующие несколько дней. В одном, по крайней мере, Гейбриел тогда помог ей. Он почти не появлялся дома и пропадал либо на работе, либо неизвестно где — с Аmandой, как предполагала Рейчел, — и у нее не было необходимости говорить с ним.

А потом, через две недели после страшной ночи, Гейбриел в последний раз крупно поссорился с отцом и вообще ушел из дома. Ей пришлось выдержать еще одно ужасное столкновение с ним, а потом он исчез, и не только из дома, но, как полагала Рейчел, и из ее жизни.

Постепенно, не сразу, но ей удалось— таки оправиться, похоронить прошлое. Однако стечение обстоятельств столкнуло их вновь, и похоже было, что придется пройти через жестокие испытания еще раз.

Первое, что попало на глаза Рейчел, когда она вернулась из колледжа, был чемодан. Он стоял у стены внизу главной лестницы, и она остановилась как вкопанная. На какой— то момент ей показалось, что время вернулось назад, к тому, что произошло спустя две недели после ее дня рождения. Тогда, раздираемая бушевавшими ее страстями, Рейчел почувствовала лишь невообразимое облегчение. Сейчас она отнюдь не была так уверена в этом.

— Что это значит?

Вопрос она адресовала Гейбриелу, спускающемуся по лестнице с маленьким кожаным чемоданчиком в руках.

— Как видишь, я уезжаю.

— Уезжаешь? — Мысли ее путались. — Куда?

— Возвращаюсь в Штаты.

Голос его звучал холодно и спокойно. Однако ответ, как она заметила, последовал с некоторой задержкой.

— Но почему? Из— за завещания?

Рейчел сама до сих пор никак не могла опомниться. Она, конечно, знала, что сразу после

бракосочетания в больнице Грег позвал своего адвоката и в присутствии двух медсестер в качестве свидетельниц изменил завещание. Но она предполагала, что он просто каким-то образом разделил свое состояние между новой женой и сыном. Каково же было ее удивление, когда стало известно, что она тоже получила равную с ними долю.

— Завещание? — Гейбриел неприятно рассмеялся. — Я другого и не ожидал.

— Значит, ты не в обиде на то, что я получила собственную мастерскую? — Вместе с весьма приличным месячным содержанием это давало ей возможность безбедно прожить всю оставшуюся жизнь.

— О, Рейчел... — На сей раз его смех прозвучал мягче и несколько веселее, что, как ни странно, показалось ей еще обиднее. — Если ты так думаешь, то, значит, совсем меня не знаешь. Я действительно рад, что ты получила все это. И вполне заслуженно, как, впрочем, и твоя мать. Вопреки всему вы любили этого старого упряма, хотя даже я порой не выдерживал его несносного характера.

— Не так уж трудно было его любить.

— Мне лучше знать. — Гейбриел криво улыбнулся. — И если бы он этого не сделал, мне пришлось бы самому отдать необходимые распоряжения. Одно только... — Он оборвал себя на полуслове, видимо передумав заканчивать предложение. — Я рад за тебя, Рейчел. — Его голос звучал совершенно искренне.

— Тогда почему ты уезжаешь?

— Мы же решили, что будет лучше, если я поскорее уеду.

— Мы решили? — "Я ничего не решала! — вскричала она про себя. — Ничего!

— Ты дала мне понять, что между нами ничего не было.

— Но ты не должен...

— Рейчел, — терпеливо сказал Гейбриел, — меня ждет дело.

Мысль о возможности потерять его еще раз, не увидеть еще четыре с половиной года, а может быть, и никогда, показалась ей нестерпимой.

— Без сомнения оно может подождать еще пару дней.

— Рейчел, не надо!

— Это из-за того, что произошло вчера? — поспешно спросила она, понимая, что у нее нет времени на раздумья. — Потому что, если так, тогда, как ты заметил, мы сошлись на том, что ничто не...

— Да, все верно. — Он медленно кивнул. — Но я не могу гарантировать, что сдержу обещание.

Никакие другие слова не могли бы заставить ее сердце забиться сильнее, дыхание участиться, а щеки порозоветь.

— Тогда не уезжай, — тихо прошептала Рейчел.

Повинуясь какому— то внутреннему импульсу, она подошла к нему и, не обращая внимания на его видимое недовольство, обняла за талию.

— Рейчел... — На этот раз в голосе Гейбриела звучало предупреждение.

Она решила не обращать внимания и на это тоже. Каким— то непонятным образом, несмотря на всю боль и страдания прошлого, в ней появилась новая решимость, новая уверенность и новая сила.

Что бы там между ними ни произошло, Рейчел сохранила какие— то чувства к этому человеку, желала его. Но на сей раз это были чувства взрослой женщины. И все ее инстинкты говорили о том, что их влечение взаимно, но по каким— то причинам Гейбриел не желал признавать очевидного.

— Не уходи, — прошептала Рейчел, поднимая голову и встречаясь с ним взглядом. — Пожалуйста, не уходи.

— Нет, Рейчел. Я же сказал тебе, что это не должно произойти...

Спокойствие, с которым он убрал ее руки, было хуже любого насилия. Ранее она уже встречалась с проявлением подобного самообладания, и тогда оно тоже привело Рейчел в отчаяние. Теперь, когда она хотя бы могла справиться со своим отчаянием, к ней вновь пришли воспоминания. Четыре с половиной гола назад, когда все было точно так же: билет заказан, багаж упакован, в последнюю минуту он задал ей последний, самый жестокий, вопрос:

— Насчет того, что между нами произошло, Рейчел... Обычно я не бываю столь неосторожен.

Могу ли я быть уверен в том, что моя дурацкая несдержанность осталась без последствий?

Последствий?.. Если ей требовались еще доказательства его истинного отношения к тому, что случилось между ними той ночью, — слишком много чести называть это любовью, — он их предоставил. То, что для нее было бы ребенком, зачатый в любви, для него явилось бы источником проблем и неудобств, с которым следовало разобраться так же быстро и без лишних эмоций, как и с любой деловой проблемой.

— Если ты спрашиваешь, беременна ли я, — ответила Рейчел губами, одеревеневшими от боли, которую она пыталась от него скрыть, — то успокойся, я не беременна.

Она сказала бы то же самое, даже если бы действительно носила его ребенка. Но она сказала правду и даже не была уверена, почувствовала ли облегчение или обрадовалась, что та ночь окончилась без всяких непредвиденных осложнений.

— Слава Богу! — выдохнул он, и ее передернуло от омерзения.

— Почему ты благодаришь Его, Гейб? — бросила она с горечью в голосе. — Потому что теперь имеешь возможность посвятить свое время новой любовнице? Женщине, которую действительно хотел все это...

— Новой любовнице? — повторил Гейбриел с едким цинизмом, и по его тону Рейчел поняла — если она имела наглость присвоить себе титул его любовницы, то жестоко ошиблась.

Он не устаивал ее даже этим, даже на самый короткий срок. Все, что ему было нужно, — переспать с ней одну ночь.

В кульминационный момент она, может быть, и доставила ему несколько моментов физического наслаждения... Если вообще доставила. В конце концов, ее невинность, должно быть, помешала ей отвечать ему с той страстностью, к которой он привык. Сравнительно с такими опытными женщинами, как Аманда, она скорее всего принесла ему разочарование.

— Ни в коем случае! — К своему ужасу, Рей чел вдруг поняла, что выражала свои мысли вслух.

— Ты очень чувственная девушка, Рейчел, и когда?нибудь доставишь какому?нибудь счастливцу массу... — Внезапно он оборвал фразу, лицо его стало непроницаемым, так что у нее не было никакой надежды догадаться, как именно он хотел закончить ее. — А если уж говорить о возможностях, — продолжил он в несколько другом тоне, — тогда то же самое применимо и к тебе. У тебя будет возможность выбрать любого мужчину, которого ты только захочешь...

«Неправда! — беззвучно выкрикнула она. Неправда!» Как это может быть правдой, если единственный мужчина, которого она желала, находился здесь, перед ней? Если он только что объявил, что рассматривает их отношения не более чем «глупой потерей самообладания»?

— Теперь, когда ты посвятил меня в искусство любви... Ты это хотел сказать? О, конечно, отныне я смогу порадовать всем, чему ты меня научил, другого избранника!

Когда при этих словах его глаза, как от удара, закрылись, Рейчел испытала злобное удовлетворение. Но мгновение спустя они уже были вновь открыты и гневно смотрели на нее.

— Надеюсь, что для этого ты слишком себя уважаешь!

— В твоих устах это звучит несколько лицемерно, тебе не кажется? Мне уже поздно изображать из себя добродетельную девственницу. На побелевшем лице Гейбриела черным огнем горели глаза. Уголок рта нервно подергивался.

— Слишком поздно, — согласился он безжизненным голосом. — Действительно слишком поздно. Но хочу тебя предупредить, Рейчел. Если ты рассчитываешь в будущем поддерживать со мной знакомство, забудь об этом. Считаю, что меня просто никогда не существовало на свете.

Она пыталась. Господи, как она пыталась! Но вырвать его из памяти оказалось невозможно. Вот и сейчас, четыре с половиной года спустя, Рейчел испытывала те же самые чувства, что и раньше.

Вызывающе подняв голову, она уставилась ему прямо в глаза.

— Почему ты не скажешь мне правду, Гейб? Признайся, этого ведь и не произошло? Ты ни чего не почувствовал тогда, не так ли?

— Боже мой, Рейчел, что ты такое говоришь!

Этот сдавленный крик, ошеломленное выражение лица, должны были бы до некоторой степени облегчить боль ее страдающего сердца. Но как ни странно, произошло совершенно обратное. Вместо того чтобы хоть как-то успокоить ее, это взбаламутило горечь, накопившуюся в душе Рейчел, вынесло на поверхность давным-давно и глубоко запрятанные мысли.

— Я имею в виду ту ночь... Ты никак не ожидал от меня такой прыти в сочетании с полнейшей наивностью, да?

— Ты застала меня врасплох. Мы оба были не совсем трезвы, и я плохо помню, что со мной тогда случилось. — Появившиеся в его голосе нотки мрачной иронии больно резанули по ее и так кровоточащему сердцу.

— Ту ночь, — повторила Рейчел, не зная, предпочтительнее ли думать, что его действия мотивировались потерей контроля над собой в порыве чувственности, а не намеренным, бессердечным соблазнением. — А позднее?

В выражении его лица что— то изменилось, но лишь на мгновение. Так что она заметила только быстрое, инстинктивно— защитное движение век. Только впоследствии Рейчел поняла, что это было попыткой скрыть какое— то чувство.

— Позднее? — продолжала настаивать Рейчел, хотя понимала, что обрекает этим себя на лишние муки. — Что ты скажешь о ночи после приема по случаю моего дня рождения? О ночи с Аmandой? Тогда ты занялся с ней любовью по тому, что «был не совсем трезв»? — Она ядовито подчеркнула последние слова. — И тоже «не помнишь, что с тобой случилось»?

— Нет. — Гейбриел энергично затряс головой. — Тогда я совершенно точно знал, что делаю.

Даже несмотря на то что она сама вынудила его ответить на свой вопрос, Рейчел все— таки никак не могла поверить услышанному. Это не могло быть правдой! Так не должно быть. Вынести такое ей не по силам.

— Ты знал...

Рейчел попыталась сломить его оборону, прорваться туда, где он прятал свои секреты. А вместо этого достигла лишь того, что рухнули ее собственные бастионы и она осталась беззащитной перед ним, перед болью, которую он мог ей причинить. Ей нечем было защититься от мук, которые доставляло ей каждое его слово.

— Скажи мне правду, Гейб.

— Это и есть твоя чертова правда!

Отойдя от нее, он засунул руки в карманы джинсов и уставился в окно.

— Нет!

Чтобы не слышать звука его голоса и ужасных слов, Рейчел хотелось закрыть уши ладонями, и она с трудом удержалась от этого.

— Скажи мне, что все было совсем не так, как мне кажется! Скажи, что все получилось случайно, что она пришла в твою комнату...

— Как это сделала ты?

Трудно было не обратить внимания на его гнусное замечание, но Рейчел это удалось — хотя и с трудом. Иначе конец всему, иначе придется признать, что он нанес ей окончательное поражение.

— Скажи, что ты был пьян... или спал...

Она понимала, что хватается за соломинку, но без этой слабой поддержки ей неминуемо придется пойти ко дну в третий раз, и тогда ледяные воды отчаяния окончательно сомкнутся

над ее головой.

— Скажи мне, что я просто вошла в неподходящий момент, — продолжала умолять Рейчел. — Еще секунда— другая, и ты бы понял, в чем дело, и попросил бы ее убраться... Пожалуйста, скажи мне это! Или дай любое другое объяснение, и, каким бы невероятным оно ни было, я изо всех сил буду стараться поверить ему!

Воцарилось долгое, напряженное молчание, нервы Рейчел были так натянуты, что, казалось, вот— вот порвутся. Тяжело вздохнув, Гейбриел повернулся к ней, мышцы его лица были напряжены, обтягивающая скулы кожа побелела.

— Очень соблазнительная возможность, — бес страстно произнес он. — Но я не хочу тебе лгать.

Рейчел почувствовала себя так, будто получила сильнейший удар под ложечку. С трудом собравшись с силами, она выдавила:

— Тогда что же...

— Все было именно так, как ты видела. — Он тщательно выговаривал каждое слово: — Это не было случайностью, и меня ни в коем случае нельзя назвать пострадавшей стороной. Наоборот, я был движущей, так сказать, силой всей этой чертовой заварухи. — На его губах появилась кривая усмешка. — И нельзя сказать, чтобы я был пьян. Может, я и пытался напиться в ту ночь до бесчувствия, но, к несчастью, мне это не уда лось. Так что ни в коем случае нельзя сказать, что меня использовали.

На этот раз Рейчел действительно закрыла уши ладонями. Но Гейбриел насильно опустил ее руки, заставляя слушать. Его холодные, безжизненные слова отзывались в ее голове ударами молота.

— Аманда вовсе не соблазняла меня... Инициатива принадлежала мне, и только мне. Вот тебе правда, дорогая, чистая, ничем не прикрытая правда!.. О, Рейчел... — Он осторожно коснулся пальцем ее щеки, стирая катящуюся по ней слезу. Только сейчас Рейчел поняла, что плачет. — Я не стою этого, дорогая, поверь мне, совершенно не стою. Не прошло и двух дней, как я бросил тебя и ушел к другой и сделал бы это опять, повторись подобная ситуация еще раз. Поэтому— то я тогда и уехал в Штаты. И именно поэтому должен уехать опять.

Отпустив ее руки, Гейбриел повернулся, взял свой багаж и, не оборачиваясь, вышел из дома. Хлопнула дверца машины, раздался рев мотора, и Рейчел поняла, что это конец.

Теперь она знала, почему все это было для нее так важно, зачем ей понадобилось просить, умолять Гейбриела объяснить ей происходящее. Рейчел до сих пор любила его, любила все эти четыре с половиной года, несмотря на боль, на заверения в ненависти к нему. Правда была в том, что она не переставала любить Гейбриела и никогда не перестанет.

8

Пятнадцать минут второго. Машинально посмотрев на часы, Рейчел нахмурилась.

Это было не похоже на Гейбриела, который никогда не опаздывал. А ведь он сам назначил ей встречу. После двенадцати месяцев почти полного молчания внезапное предложение

встретиться здесь, в Нью-Йорке, было совершенно неожиданным. Зато она узнала о его жизни кое— что любопытное для себя...

— Извини за опоздание. — Знакомый голос отвлек ее от раздумий. Владелец его, легко коснувшись ее плеча, занял место с другой стороны ресторанного столика. — Небольшое осложнение перед самым уходом. Ты легко нашла это место?

— Без всяких затруднений.

Рейчел было трудно сконцентрироваться на разговоре. Она оказалась не готовой к вызвавшему замешательство появлению этого высокого мужчины в легком сером пиджаке и безукоризненно белой рубашке, прекрасно сочетающимися с темными волосами и атлетической фигурой. Ему стоило бы рекламировать здоровый образ жизни, с грустью подумала Рейчел.

— Оставленные тобой инструкции были весьма подробными. Заблудиться могла только дура.

— А как мы с тобой прекрасно знаем, ты далеко не дура. — Он поднял руку, подзывая официанта. — Выпьешь чего?нибудь?

— Спасибо, не надо.

Хватит с нее одного его вида. Прошлое кое— чему научило Рейчел. Алкоголь в сочетании с Гейбриелом Тернаном — комбинация для нее смертельная.

— Ты хорошо выглядишь, — продолжил Гейбриел, когда ему принесли вино. — Просто великолепно. Мне нравится твоя прическа.

— Спасибо за комплимент. — Рейчел провела по гладко причесанным, спускающимся до плеч волосам. — Правда, потребовалось некоторое время, но я привыкла к ней.

— А почему ты решила обрезать волосы?

— Как тебе сказать... Просто захотелось каких— то перемен.

Она не собиралась признаваться в том, что после его отъезда в Штаты решила стать хозяйкой своей жизни и начала с внешности. Разумеется, из этого ничего не вышло. И новая стрижка, и новая одежда не помогли ей забыть о существовании Гейбриела.

— Я решила, что слишком долго выглядела как Алиса в Стране Чудес.

— Но мне нравилось, и когда ты была похожа на Алису.

На мгновение темно— карие глаза Гейбриела остановились на ее волосах, и по спине Рейчел пробежал холодок.

— Всем мужчинам нравятся длинные волосы, — сказала она дрогнувшим голосом.

— Ты еще и похудела...

— Я вовсе не сохну по тебе, если ты намекаешь именно на это.

— Разумеется, нет, — спокойно возразил Гейбриел. — Ты будешь что?нибудь заказывать?

Скорость, с которой обслуживающий персонал ресторана реагировал на его сигналы, не оставляла Рейчел другого выбора, как взять меню.

— Я похудела после того, как переболела гриппом, — призналась Рейчел, когда они снова остались одни.

Она имела в виду болезнь, которая продержала ее в постели во время короткого прошлогоднего визита Гейбриела в Лондон на заупокойную службу по отцу. Рейчел так тогда и не поняла, жалеет ли, что не смогла увидеться с Гейбриелом или рада этому. Хотелось, конечно, увидеть его. но встреча неизбежно разбередила бы старые раны.

Именно в тот визит Гейбриел увидел изделия, над которыми она тогда работала, и закупил их все для своей американской компании. Что в свою очередь привело к неожиданному предложению посетить Нью-Йорк.

— А потом на меня навалилось сразу столько дел, что некогда было даже подумать о прежней форме.

— И как у тебя идут дела? Как мать?

Сухая официальность вопроса разозлила Рейчел, напомнив о том, как старательно он избегал встречи с ней во время приезда в Лондон. В конце концов, не так уж она была и больна, чтобы бояться заразиться.

— Можно подумать, что тебя это действительно беспокоит!

— Представь себе, да.

— Неужели? Тогда почему бы тебе не приезжать почаще? Или, по крайней мере, звонить. — Она чувствовала себя на пределе и не обращала внимания на то, что противоречит своим же заверениям о безразличии к нему.

— Ты прекрасно знаешь почему. — С невозмутимым лицом он потянулся за своим бокалом. — Я полагал, что так будет лучше.

— Ты полагал! Ну конечно! А ты хоть когда-нибудь принимаешь во внимание чувства других людей?

— Чаще, чем ты думаешь.

— Ну еще бы!

Воспоминания о бессонных ночах, о долгих, заполненных одиночеством днях без него заставили Рейчел желать причинить ему боль. Мысль о том, что сам он так легко мог выбросить ее из головы, была невыносима.

— Ты никогда не хотел, чтобы я и мама унаследовали хоть какую-то часть семейного бизнеса, и теперь тебе ненавистна вынужденная связь с нами.

Наконец— то Рейчел добилась реакции. Но не той, на которую рассчитывала. Ей пришлось собраться с духом, чтобы не отстраниться в испуге, когда Гейбриел вдруг выпрямился в кресле и бросил на нее гневный взгляд.

— Черт побери, ты прекрасно знаешь, что это не так! Во— первых, учитывая, что я остался

держателем контрольного пакета акций фирмы, было бы просто глупо не следить за тем, как идут дела в Лондоне.

Интересно, подумала Рейчел, глядя на то, с какой силой Гейбриел вцепился в свой бокал, не воображает ли он, что это ее горло?

— Во— вторых, у твоей матери нет никакого делового опыта. Но все, кажется, идет нормально. После смерти отца цена акций немного колебалась, но теперь опять установилась на прежнем уровне. — Рука, державшая бокал, немного расслабилась, но видно было, что это стоило ему немалых усилий. — И, уж конечно, я знаю все о твоих успехах.

— Значит, ты шпионил за мной?

Он устало вздохнул.

— Ты что, нарочно выворачиваешь все мои слова наизнанку? Следить за работой отделений фирмы — моя прямая обязанность. Именно потому ты и находишься здесь. Что ты думаешь о том, что видела сегодня утром?

Тема разговора сменилась так плавно, что в первое мгновение Рейчел даже не поняла, что беседа пошла совсем в другом направлении. А когда поняла, протестовать было уже поздно. С присущим ему умом Гейбриел заговорил о том, что не могло не вызвать у нее энтузиазма.

— Это было прекрасно! — честно заявила Рейчел. — Мне нравится то, что ты здесь делаешь. Неудивительно, что «Т2» имеет такой успех. А витрина...

При воспоминании о том, в какое восхищение привела ее целая витрина с ее собственными изделиями в ювелирном магазине на Пятой авеню, дар речи покинул ее. К счастью, принесли закуски, что дало Рейчел возможность собраться с мыслями.

— Спасибо за то, что ты сделал моим вещам такую рекламу, — просто сказала она.

— Заслуга в этом вовсе не моя, — возразил Гейбриел, встречаясь с ней взглядом. — Она принадлежит тебе. Те прекрасные вещи — создания твоего таланта, и я был бы дураком, если бы не предложил их публике. Видела бы ты, какой успех они имели. Редкая женщина могла пройти мимо и не остановиться. — Он поднял бокал в молчаливом тосте, и у Рейчел потеплело на сердце. — А стоило им увидеть, у них немедленно появлялось желание купить себе ожерелье или пару серег. Даже мужчины заинтересовались, сразу представив себе, как украшения будут выглядеть на шеях их жен или на запястьях любовниц.

— Я рада, что тебе понравилось.

— Более чем понравилось. — Его хриловатый голос обволакивал ее как дым, завораживал, лишал разума. — Ты должна понять, что стала знаменитостью. У тебя замечательный, редкий талант. Поэтому — то я и вызвал тебя сюда, хотел, чтобы ты сама посмотрела, как продаются твои вещи.

И только за этим? Больно было осознавать, что где — то в глубине души она имела глупость надеяться на нечто большее.

Телеграмма Гейбриела и последовавший за ней короткий телефонный разговор предполагали чисто деловую подоплеку ее поездки в Нью-Йорк. Но лишь сейчас Рейчел призналась самой себе, что мечтала о другом, более личном интересе.

— Но это не единственная причина, по которой я предложил тебе приехать.

— Не единственная?

Можно было подумать, что он прочитал мысли Рейчел или заметил боль в ее глазах.

— У меня есть для тебя две новости: одна личная, другая касается твоей работы. Первым делом работа. Это заказ, и весьма необычный.

Еда, которая мгновение тому назад казалась чудесной, сразу стала безвкусной. Рейчел почувствовала, что вот— вот умрет: после вспыхнувшей было надежды разочарование оказалось еще сильнее.

— Заказ? — повторила она, стараясь придать своему голосу хоть немного энтузиазма, и, потеряв всякий интерес к еде, отодвинула от себя тарелку. — Расскажи мне о нем.

Гейбриел загадочно улыбнулся. Что ж, по крайней мере, ей удалось обмануть его, и он поверил, что ее интересует лишь деловое предложение, вызов ее способностям.

— Сначала расскажи немного о себе. Чем ты занималась последние двенадцать месяцев — не считая, разумеется, работы? У тебя был какой-нибудь мужчина?

Сердце Рейчел отозвалось новой болью.

— Разве твои шпионы тебе не докладывали? — набросилась она на него, надеясь скрыть потрясение за деланным возмущением.

— Они вовсе не шпионы, Рейчел, — мягко возразил он. — И докладывают мне только о делах фирмы. Мои... сотрудники... не касаются твоей личной жизни.

— О, значит, ты ничего не знаешь о мужчинах, выстраивающихся возле дома и умоляющих меня поужинать с ними!

Рейчел хотела превратить все в шутку, но так и не поняла, удалось ли ей преуспеть в этом. На губах Гейбриела появилась странная полуулыбка: — В это вполне можно поверить.

— Неужели?

На ее счастье, в этот момент к ним вновь подошел официант. Она надеялась, что за время, нужное ему для того, чтобы забрать тарелки и принести новые, Гейбриел забудет об этом разговоре. Однако как только они остались одни, он возобновил его.

— Ты как будто удивляешься? Разве у меня нет оснований думать — даже знать, — что ты привлекательна и желанна для многих мужчин? А есть ли среди них один особенный? Инстинкт предупредил Рейчел, что вопрос с подвохом. Кажется, в их последнем разговоре он сказал, что она вольна выбрать любого мужчину, которого захочет.

— Один особенный любовник? — спросила Рейчел как можно более беззаботным тоном. — Да нет, я бы так не сказала. Во всяком случае, никого, с кем бы мне хотелось видеться постоянно.

В ее ответе Гейбриелу что— то явно не понравилось. Но что именно? Слово «любовник» или неопределенность формулировки? Ведь из ее слов оставалось не совсем ясным, была ли у нее дюжина поклонников или вообще ни одного.

Жестокая же правда была в том, что Рейчел пыталась, действительно пыталась. В эти, проведенные без него, месяцы она принимала любое приглашение и старалась выбросить из головы нее мысли о Гейбриеле. Все оказалось напрасным. Каждый раз Рейчел сравнивала очередного кавалера с Гейбриелом, и сравнение всегда оказывалось не в пользу первого.

— Думаю, что предпочитаю сохранять свободу действий.

Это замечание словно подлило масла в огонь. Угрюмо нахмурившись, он ткнул ножом в тарелку с силой, говорившей о кипевшей внутри ярости.

— Ты должна быть осторожнее, Рейчел... — По контрасту с действиями голос Гейбриела звучал на удивление мягко, зато глаза сверкали так зло вечно, что ей стало страшно. — Учитывая современные нравы, вести подобный образ жизни не только не умно, но и опасно. Таким талантом, как у тебя, рисковать нельзя.

Талантом? Так вот что именно ему будет жалко потерять, случись с ней что-нибудь! И какое право имеет Гейбриел, год назад заявивший, что не хочет иметь с ней ничего общего, теперь интересоваться ее личной жизнью? Более того, даже делать по этому поводу замечания!

— Я живу так, как мне хочется, Гейб, и не твое дело...

— Неразборчивость в знакомствах не слишком симпатичная черта характера! — резко перебил он ее, и, хотя Рейчел сама заставила его поверить в это, реплика вызвала у нее возмущение.

— А ханжество? Сдается мне, что ты кое о чем забыл. Скажи, ты по-прежнему так же часто меняешь женщин, как делал это дома?

Рейчел не надо было объяснять своему собеседнику, что именно она имеет в виду. Пережитая пять лет назад боль до сих пор звучала в ее голосе.

— Я всегда точно знаю, что делаю.

— А я нет?

Рейчел уже не обращала внимания на то, что ее возбужденная речь начинает привлекать внимание окружающих. Она видела только сидящего перед ней человека, остальное не имело значения.

— Но тебе было всего девятнадцать. — Радовало хотя бы то, что Гейбриел явно чувствовал себя неудобно.

— И совершенно не было мозгов? Тебе не приходило в голову взять на себя ответственность за то, что произошло?

— Поверь мне, с того дня я живу с этой ответственностью и сожалением. — Сожалением! Он знал, как побольнее уколоть. — Я должен был понимать, что ты была гораздо пьянее меня...

— Пьянее! О, теперь, значит, во всем виновато шампанское!

Горько было осознавать, что Гейбриел сожалеет о том, что переспал с ней, а вовсе не о своем бессердечном поведении впоследствии. Та единственная ночь, которую Рейчел провела с ним, оказалась самым чудесным, самым счастливым временем в ее жизни, и он разрушил это одним ударом.

— А почему бы не сказать, что опытный взрослый мужчина воспользовался преимуществом...

— Воспользовался преимуществом! — Голос Гейбриела не поднялся выше разумного предела, но по всему было видно, что терпению его приходит конец.

Но Рейчел уже не могла остановиться:

— А как еще это можно назвать? Ты же сам признаешь, что мне только что исполнилось девятнадцать лет и что я была пьяна. И мы оба знаем, что из имен твоих женщин получилась бы целая книга. Умение заставить женщину делать то, чего тебе хочется, ты довел до уровня искусства.

— Ты в этом уверена? А на какую страницу в этой книге ты поместила себя? Неужели ты хочешь сказать, что тобой просто воспользовались? Насколько я помню, ты пошла на это более чем охотно. Сама сделала первый шаг, подталкивала меня. Я предоставил тебе возможность сказать «нет». И ты ее проигнорировала.

— Разумеется, потому что я...

Рейчел похолодела, она чуть было не проговорила. «Потому что я люблю тебя» — вот что готово было сорваться с ее губ. Рейчел была на волосок от того, чтобы открыть ему самую заветную, запрятанную глубже всего тайну. Именно этого нельзя было делать ни в коем случае.

— Потому что ты... — быстро подхватил Гейбриел, видя, что она замолчала, не зная, как ей закончить фразу. — Продолжай.

Рейчел пребывала в полной панике. Что бы она ни сказала, это либо выставит ее в плохом свете, либо оттолкнет его окончательно и бесповоротно.

Спасение пришло с совершенно неожиданной стороны.

— Гейбриел...

Рейчел услышала незнакомый женский голос, молодой и приятный, с мягким американским акцентом. В нем звучала некоторая неуверенность, выдававшая какие-то глубоко запрятанные чувства.

— Кэсси! Привет!

Прокурорский тон Гейбриела так быстро сменился на теплый и дружеский, что пораженная Рейчел резко подняла голову и чуть было не застонала вслух. Боже, только этого не хватало! Перед ней стояло второе воплощение Аманды Брайант или, во всяком случае, ее двойник.

Подошедшая к столу девушка была высокой, с фигурой манекенщицы, заостренное книзу лицо обрамляли пряди тщательно ухоженных черных волос. К тому же она была красива — высокие скулы, большие карие глаза и мягкие, полные губы.

Вскочивший на ноги Гейбриел привлек подошедшую к нему красотку и поцеловал в щеку.

— Я не ожидал тебя так скоро, — сказал он столь ласково, что у Рейчел похолодело внутри. Когда-то подобный тон предназначался ей, но это было давно и никогда уже не вернется.

— Я знаю, что пришла слишком рано. Извините, кажется, я помешала вашему разговору.

Незнакомка явно ревновала, с удивлением заметила Рейчел. Это было заметно по ее голосу, по быстрым, неуверенным взглядам, которые она кидала то на Гейбриела, то на нее саму, а выражение, с которым она положила руку на плечо молодого человека, казалось, говорило: «Руки прочь! Этот мужчина мой!».

— Ты меня не представишь? ~ многозначительно спросила она.

— Разумеется.

С непринужденной улыбкой Гейбриел взял девушку за руку и повернулся к Рейчел.

— Я уже говорил, что у меня есть для тебя новость, и ждал только прихода Кэсси, чтобы рассказать тебе о ней. Кэсси, это Рейчел Эмис, дизайнер— ювелир, я тебе о ней говорил. Рейчел, познакомься с Кассандрой Эллиот...

Рейчел возблагодарила Бога за то, что сидит в кресле. Она уже догадалась о том, что ее ждет впереди, и подозревала, что если бы в этот момент стояла на ногах, то они наверняка отказали бы ей.

Две новости, сказал Гейбриел. Одна касается ее работы, другая личная. О Боже, нет! Только не это! Все, что угодно, но только не это!

Но в то время как Рейчел возносила эту безмолвную молитву, Кэсси передвинула руку, на пальце ее сверкнуло кольцо с бриллиантом, и этот " холодный, яркий блеск уничтожил последние искры надежды. Как будто сквозь туман она услышала подтверждение своих страхов:

— Кэсси — моя невеста. Около месяца назад я попросил ее выйти за меня замуж и, к моему превеликому счастью, она согласилась. Свадьба состоится через шесть недель в Лондоне.

9

— Но почему именно в Лондоне?

Вопрос матери в точности повторил тот, который первым возник из хаоса мыслей, пронесшихся в голове Рейчел после заявления Гейбриела.

Тогда она все— таки ухитрилась выдать из себя какое— то подобие поздравления голосом, в котором не было ни твердости, ни искренности. Но после этого здравый смысл словно покинул ее, и в голове крутилось одно и то же.

— Я хочу сказать, почему не в Нью-Йорке, где они оба живут?

За три недели, прошедшие после той роковой встречи, Рейчел вновь и вновь задавала себе тот же самый вопрос. Если Гейбриел хочет жениться, то почему обязательно должен приезжать для этого в Лондон?

— Оказывается, в Лондоне живет мать Кассандры, да и сама она родилась здесь. Их семья переехала в Америку, когда Кэсси исполнилось шесть лет. Но, когда ее муж умер, миссис Элли отвернулась в Лондон. Недавно она снова вышла замуж, так что стала теперь миссис Китон.

Все это означало, что у нее даже не будет того оправдания, что Нью-Йорк слишком далеко,

чтобы ехать туда на свадьбу, с тоской подумала Рейчел. Приглашение, содержащее в себе все эти подробности, пришло только сегодня утром.

— Мама, ты, наверное, не захочешь пойти?

Это было последней попыткой найти предлог, позволивший бы отказаться и ей тоже. Но, к ее удивлению, Лидия, казалось, обрадовалась предстоящей свадьбе Гейбриела и даже готова была забыть о старой вражде между ней и пасынком.

— Я не откажусь ни за что на свете! Там, похоже, будут все, кто хоть что-нибудь значит в мире бизнеса. Я сказала Гейбриелу, что он может использовать этот дом, как свой...

— Что ты сказала?

Голова у Рейчел пошла кругом. Если и существовало нечто, способное усугубить ее положение, то это предложение матери. Сама мысль о том, что Гейбриел перед своей свадьбой будет жить в одном с ней доме, была просто невыносимой. Каково же ей будет, когда это воплотится в реальность?

— Мама, ты не можешь этого сделать!

— Могу и уже сделала. Так поступил бы Грег, Рейчел, а потом, это все— таки родной дом Гейбриела.

— Но ты с ним...

— Пора об этом забыть. — Лидия, собиравшаяся провести вечер вне дома, взяла сумочку и начала проверять, на месте ли ключи и кредитные карточки, — Мы разрешили все проблемы несколько месяцев назад, когда он приезжал на поминальную службу. Собственно говоря, если бы я раньше знала, что он пытался убедить отца жениться на мне, наши отношения могли бы сложиться совсем по-другому.

— Он пытался убедить Грега жениться на тебе? Гейбриел? — Рейчел не верила своим ушам. — Но он же был против тебя.

— Поначалу да.

Подойдя к висящему над камином зеркалу, Лидия осмотрела себя и пригладила волосы.

— Но потом, по-видимому, изменил свое мнение. Очевидно, это было одной из причин его отъезда в Америку. Они с отцом тогда крупно поссорились.

— Но Гейб говорил, что они поссорились по поводу бизнеса.

— Вполне возможно, что и поэтому тоже.

Аккуратно подкрасив губы, Лидия удовлетворенно кивнула, положила помаду в сумку и, щелкнув замком, закрыла ее.

— После смерти отца Гейбриел вел себя по отношению ко мне очень благородно. Он не стал опротестовывать завещание, хотя и мог бы, если бы захотел. В конце концов... — Она слегка покраснела, глаза ее увлажнились. — С юридической точки зрения наш с Грегом брак не был до конца оформлен. А весь последний год Гейбриел практически управлял фирмой и почти удвоил доходы.

Поэтому сейчас, когда он решил жениться...

Впечатление было такое, что именно женитьба Гейбриела окончательно примирила мачеху с пасынком. Возможно, он подозревал о чем— либо подобном, подумала Рейчел, вспомнив, как год назад он сказал ей, что не думал возвращаться домой до тех пор, пока не женится.

Однако подобное ханжество было не в стиле Лидии, которая, если уж на то пошло, семь лет прожила с любимым человеком, не заботясь о формальностях.

— Как бы то ни было, он появится с минуты на минуту. Полагаю, ты никуда не уходишь?

— С минуты на минуту?! — Рейчел надеялась, что у нее будет больше времени, чтобы примириться с ужасающим фактом. — А мне обязательно нужно быть дома? Может, ты сама встретишь его?

— Меня ждет Памела. Мы собираемся посмотреть новый мюзикл, а потом я останусь у нее на уик?энд. Я же тебе говорила, Рейчел!

Рейчел смутно припоминала, что мать действительно говорила что— то в этом роде, но последние дни находилась в таком тумане, что плохо воспринимала окружающее.

— Вернусь в понедельник. — Приложившись губами к щеке дочери, она направилась к двери. — Желаю приятно провести время!

Слово «приятно» совершенно не подходило к случаю. Разве могла она воспринимать предстоящую встречу с Гейбриелом не иначе как с ужасом?

И все же, несмотря ни на что, Рейчел не могла не признаться, что испытывает дурацкое, почти мазохистское, желание увидеть его. Она даже поймала себя на том, что вертится перед зеркалом, в которое только что смотрелась мать, жалея, что не одета во что?нибудь более подходящее, нежели обыкновенные джинсы и майка с короткими рукавами.

Звук захлопывающейся дверцы машины раздался так скоро после ухода матери, что Рейчел решила, будто та вернулась за какой?нибудь забытой вещью. Но звонок в дверь развеял в пух и прах все ее надежды. Это мог быть только один человек!

Путь до входной двери показался Рейчел усыпанным битым стеклом, каждый шаг давался ей с огромным трудом.

— Ты мог бы воспользоваться своим ключом! — заявила она, отступая, чтобы впустить Гейбриела внутрь. — Полагаю, он у тебя остался?

Слова прозвучали едко и вызывающе, совсем не так, как она хотела. И, судя по кривой ухмылке, появившейся на губах Гейбриела, он воспринял их точно так же.

— И тебе тоже добрый вечер, — ответил он с иронией. — Конечно, у меня есть ключ, но теперь этот дом принадлежит твоей матери, поэтому я решил, что будет вежливее позвонить.

Объяснение было вполне резонным, но в ее теперешнем взвинченном состоянии показалось Рейчел попыткой подчеркнуть тот факт, что после смерти Грега у них с Гейбриелом не осталось ничего общего. Тонкие нити, связывающие их в прошлом, порвались, а с ними порвались и всякие взаимоотношения.

— Может, все— таки стоило бы подумать, что кому— то придется открывать тебе дверь. Материнет, а у миссис Рейнолдс свободный день.

Господи, что она несет? С каждым словом только усугубляет ситуацию.

— Извини, что тебе пришлось пройти через весь холл для того, чтобы меня впустить. Но теперь, когда ты исполнила свой долг, можешь вернуться к своим занятиям и предоставить меня самому себе.

— Да нет, ничего страшного. — Сделав над собой усилие, Рейчел взяла себя в руки. — Я ничем особенным не занималась и, кроме того, обещала маме поухаживать за тобой. Ты уже поел? Если нет, то я что?нибудь приготовлю.

— Ты... приготовишь? — с притворным ужасом спросил Гейбриел.

— Мои бифштексы теперь вполне съедобны. К тому же холодильник у миссис Рейнолдс всегда полон. А подогреть готовое могу даже я.

— В таком случае рискну.

Только сейчас Рейчел заметила, что Гейбриел выглядит ужасно. Даже принимая во внимание трансатлантический перелет, все равно эти тени под глазами и бледное лицо явно не были следствиями простой усталости. Его никак нельзя было назвать счастливым женихом, с радостным возбуждением ожидающего дня свадьбы.

Но несмотря на это и на то, что подобно ей самой Гейбриел был одет очень просто, Рейчел все равно не могла оторвать от него глаз.

— Я только отнесу багаж в свою комнату. Полагаю, я все в той же, да, Рейчел?

— Да, да, конечно, — поспешно подтвердила она. — Комната та же. Если хочешь, прими душ.

Спешить некуда.

— Кэсси прилетела с тобой? — первым делом спросила Рейчел, когда Гейбриел, приняв душ, появился в кухне.

— Да, но я оставил ее в доме матери. — Он налил себе кофе. — Она поживет у миссис Китон до дня свадьбы, а для меня там не нашлось свободной комнаты. К тому же ее мать оказалась очень приверженной традициям. Она считает, что до бракосочетания жених и невеста не должны спать под одной крышей.

— Разумеется. И уж ни в коем случае нельзя видеться с невестой перед самой свадьбой.

Сказав это, Рейчел тут же прокляла свой болтливый язык. Воображение сразу же нарисовало прекрасную Кэсси в роскошной ночной рубашке в первую брачную ночь с Гейбриелом. На глаза ее навернулись слезы, и даже пришлось переждать несколько секунд, прежде чем продолжить нарезать помидоры для салата.

— Да, ни в коем случае, — согласился Гейбриел каким— то странным голосом. — Может быть, чем?нибудь помочь?

— Все нормально, — заверила его Рейчел, желая, чтобы могла сказать то же самое о своих эмоциях.

Неплохо было бы также не предлагать ему принять душ. Последние десять минут Рейчел сходила с ума, представляя себе обнаженного Гейбриела, его стройную, атлетически сложенную фигуру.

Но и сейчас, когда он стоял рядом, ей было не лучше. Скорее даже хуже. Хотя теперь он был одет в темно— синюю тенниску и потертые джинсы, одежда не мешала ее бесстыдным мыслям.

— Нашелся цыпленок и пирог с грибами... Спасибо миссис Рейнолдс, но готово все будет только минут через двадцать. Если ты очень голоден, есть еще суп...

Он покачал головой.

— Пирог — это просто замечательно. Я могу подождать.

Оставшись без занятия, позволявшего ей хоть как— то скрывать свое состояние, Рейчел, не зная, что делать дальше, остановилась в нерешительности. Гейбриел взял инициативу в свои руки:

— Не налить ли тебе кофе? А может, пока готовится еда, перейдем в гостиную и выпьем что?нибудь покрепче?

Она предпочла бы найти какое?нибудь дело в кухне, но пирог благополучно подрумянивался в духовке, овощи были нарезаны, и больше делать было нечего.

— Нет, просто кофе.

Гейбриел протянул ей чашку, машинально добавив сливок, и вылил остатки своего кофе в раковину.

— А вот мне точно надо выпить чего?нибудь покрепче, — сказал он с кривой усмешкой. — В самолете я пил кофе литрами, и с меня хватит.

Немного алкоголя поможет мне расслабиться.

Возможно, это была просто игра воображения, но ей почудилось, как его рука задержалась на горлышке бутылки шампанского, прежде чем остановиться на менее возбуждающем бургундском. Но этот новый, незнакомый ей Гейбриел, недавно помолвленный и находящийся на пороге обручения с прекрасной девушкой, вряд ли сохранил воспоминания о пузырящемся вине.

— Подготовка к свадьбе, наверное, в полном разгаре? — пересилив себя, спросила Рейчел.

— Бели судить по тому, что у Кэсси голова забита только этим, то можно сказать и так. Все время перелета она занималась составлением каких— то бесконечных списков.

— 'Если ее мать настолько консервативна, то церемония бракосочетания наверняка будет весьма пышной и с соблюдением всех формальностей.

Гейбриел кивнул.

— Полдюжины подружек невесты, мальчики, несущие шлейф, цилиндры и фраки.

В его голосе явно не хватало энтузиазма. Правда, мужчины редко проявляют интерес к подобным деталям, подумала Рейчел. Но, представив себе его импозантную фигуру во фраке,

она затаила дыхание.

— Цветы, приглашения, сервировка стола...

Всему этому конца нет.

— Знаешь, если я могу чем-нибудь помочь...

Господи, и зачем только она это сказала? Кофе, которого Рейчел на самом деле не хотела, совсем потеряло вкус. Она и так не знала, как переживет свадьбу Гейбриела, и, уж конечно, меньше всего хотела принимать участие в приготовлениях к ней, поэтому с замиранием сердца смотрела, как он медленно и задумчиво кивнул.

— Собственно говоря, у меня есть к тебе одна просьба. Если не считать матери, вы с Лидией — мой единственные родственники, поэтому мне бы хотелось, чтобы вы занимали на церемонии подобающее вам место... И я хочу, чтобы ты сделала для меня одну вещь.

Странная нотка в его голосе заставила Рейчел поднять голову. «Сделала для меня», — сказал Гейбриел, возродив в ней слабую и глупую надежду. А вдруг он попросит о чем-то, что поможет ей показать ему свою любовь.»

— Помнишь, когда ты прилетала в Нью-Йорк, я сказал, что у меня для тебя две новости? Одна из них касалась твоей работы, и мне так и не удалось объяснить в чем дело: нас перебила Кэсси, а потом все не находилось времени.

— Ты упоминал о каком-то заказе. О важном заказе.

Он кивнул. И Рейчел села прямее, в глазах ее зажглась искра интереса.

— Для важного клиента?

— Можно сказать и так. Заказ делаю я. Нужно, чтобы ты изготовила для меня нечто особенное.

Глаза Рейчел мгновенно потухли. В его словах чувствовался какой-то подтекст, придающий его просьбе более глубокое и тревожное значение. Она похолодела, внезапно поняв, чье имя собирается назвать Гейбриел.

— Я хочу, чтобы ты сделала что-нибудь для Кэсси. Нечто особенное, что я мог бы преподнести ей в качестве свадебного подарка.

— Никогда! — Это слово само сорвалось с ее губ. Боль оказалась так сильна, что сдержаться было невозможно. — Ни в коем случае!

— Но у тебя же настоящий талант, ты можешь сделать что-то действительно необычное. Может быть, нечто вроде диадемы, которая придержи вала бы фату...

— Я же сказала, ни в коем случае!

Создать ювелирное украшение для его невесты? Которое в день свадьбы сделает Кэсси еще красивее? Гейбриел не понимает, о чем просит! Ведь единственным желанием Рейчел было оказаться на ее месте, рядом с ним?

— Ты хочешь слишком многого.

Он нахмурился, явно сбитый с толку.

— Но почему? Мне казалось, что это будет замечательной рекламой твоего таланта. Каждый присутствующий на свадьбе увидит, какими прекрасными могут быть твои работы. Фотографии появятся на страницах светской хроники всех газет. Лучшей возможности для привлечения заказчиков и быть не может. Кроме того, я думал, что, будучи в некотором смысле моей родственницей, ты захочешь...

— Я захочу? — резко повторила она. — Захочу принимать участие в твоей свадьбе? Разделить ваше с Кэсси счастье? Неужели ты не понимаешь, что для меня не может быть ничего ненавистнее, после того как ты?..

— О Боже! — прервал ее Гейбриел как раз вовремя, пока она не успела выставить себя полной дурой, признавшись в том, какую боль он ей причинил. — Рейчел, не надо! Скажи, что это не так! Меньше всего на свете я хотел испортить твою жизнь...

На вид он был совершенно искренен. На слух тоже. Ему даже удалось выразить определенную степень озабоченности.

— Если я причинил тебе боль...

— Причинил мне боль? — Пытаясь замести следы, она выдавила из себя циничный смешок, прозвучавший, впрочем, весьма убедительно. — О нет, я имела в виду совсем другое.

Если Рейчел хотела сбить его с толку, то это ей вполне удалось. Озабочено нахмурившись, Гейбриел запустил пальцы в свою густую шевелюру.

— Тогда что именно ты имеешь в виду?

Внезапно вскочив на ноги, он налил себе еще вина, но рука дрогнула, и несколько капель попало на стол. Сердце Рейчел затрепетало, однако она не могла позволить себе выказать свою слабость.

— Что касается дня моего девятнадцатилетия, то ты был прав, говоря об обоюдной вспышке желания, быстро разгоревшегося и так же быстро погасшего. Но это — а главное то, что произошло потом, — научило меня одному. Я поняла, как мало значат подобные вещи для всех, наверное, мужчин, но в особенности для тебя.

Не в силах больше сидеть, она тоже поднялась. Теперь их глаза были почти на одном уровне. До этого, нависая над ней, он казался слишком пугающим.

— Зная все это, как могу я желать принимать участие в твоей свадьбе? Как могу слушать твои заверения в любви до гробовой доски? Да меня просто стошнит.

А вот сейчас мне будет действительно очень больно, подумала Рейчел, когда после ее гневной тирады воцарилось напряженное молчание. Сейчас он скажет, что это в прошлом и с Кэсси все будет совсем по-другому. Скажет, что он испытывает к невесте чувства, которых раньше не испытывал ни к одной женщине. Что он любит ее. А когда роковые слова будут произнесены, Рейчел поймет, что это — правда, ведь Гейбриел никогда не преувеличивает и никогда не лжет.

— Я собираюсь давать эти клятвы совершенно серьезно, — произнес Гейбриел, и понадобилось некоторое время, чтобы до нее дошел истинный смысл сказанного.

Приготовившись с мукой в сердце получить от него признание в любви к Кэсси, Рейчел была ошеломлена, услышав нечто совершенно иное. А отметив заодно холодность его тона и пустоту во взгляде, она поняла: что— то тут не так.

— И собираюсь сдерживать их. Мне нелегко будет произнести эти клятвы, но я сделаю все возможное, чтобы быть для Кэсси хорошим мужем, а это означает быть верным ей, пока мы вместе. На мой взгляд, супружеская неверность — моральное преступление.

— Измена мужа, да, но не измена любовника. — Рейчел попыталась скрыть свою боль под маской цинизма. — Тогда ведь не было ни кольца, ни клятв. Следовательно, то, что произошло между нами, оказалось простой случайностью, ничего не значащим приятным времяпрепровождением, о котором можно потом легко забыть.

В глазах Гейбриела загорелись опасные огоньки. Рука, держащая бокал, стиснула его так крепко, что хрупкая ножка не выдержала и сломалась. Чертыхнувшись, он швырнул его в мраморный камин.

— Гейб... — запротестовала было Рейчел, но, увидев его побледневшее, напряженное лицо, потеряла дар речи.

— Если ты хоть на минуту подумала, что я о тебе «легко забыл», то ты просто— напросто слепа, а если считаешь, что все произошедшее между нами «ничего не означает», то, значит, не пережила и мизерной доли того, что пережил тогда я.

Было что— то непристойное в том, до какой степени Рейчел захотелось ему поверить.

— То, что я пережила, и то, что ты сделал, — как говорится, две большие разницы! Кроме того, судя по твоему поведению, вряд ли ты испытал какие— либо чувства, если не считать чисто физического удовольствия!

— Черт бы тебя побрал, Рейчел, ты абсолютно не права и не имеешь никакого понятия о том, о чем говоришь!

Его яростный голос, сверкающие глаза, напряженная поза, стиснутые кулаки — все это вселяло в Рейчел страх, но она твердо решила не выказывать его.

— Я абсолютно права! Скажи, разве я приду мала то, что произошло потом? Разве мне привиделась Аманда Брайант в твоей постели? Она что, была игрой воображения, миражом?

— Нет...

— Правильно, нет. Ты и не можешь отрицать этого. — Рейчел...

— Так как насчет ее, Гейб? Что она там делала? Скажи мне!.. Что? — переспросила Рейчел, когда он пробормотал нечто невразумительное. — Что ты сказал?

— Это была форма защиты! — наконец произнес он, кинув на Рейчел взгляд, который можно было назвать вызывающим. — Оборона!

— Оборона? Защита? — скептически переспросила Рейчел. — Я тебе не верю. Защита против

кого? Не против меня же?

Он молча кивнул, вызвав ее недоверчивый смех.

— О, наконец— то ты высказался до конца! Но, если хочешь, чтобы я тебе поверила, придется выдумать что-нибудь получше...

Раздавшийся резкий звук оборвал ее на полуслове. Сигнал электродуховки, вспомнила она после нескольких секунд недоуменного молчания.

— Твой ужин, — резко сказала Рейчел, радуясь этому вмешательству.

Не обращая внимания на Гейбриела, процедившего сквозь зубы о том, что она может сделать с этим ужином, Рейчел прошла в кухню, вытащила из духовки пирог, отрезала большой кусок и швырнула его на тарелку.

— Салат будешь? — спросила она, спиной чувствуя, что Гейбриел стоит позади нее.

— Рейчел... — Он явно начал терять терпение. — Сколько раз повторять, что мне не нужен этот чертов ужин.

— Что ж, больше ничего не могу предложить. Я не попадаюсь дважды в одну и ту же ловушку!

— Господи помилуй, надеюсь, что нет! — В его голосе прозвучал такой ужас, что Рейчел почувствовала себя так, будто ее изо всех сил ударили по лицу. — Бывают моменты, когда человек про сто не в состоянии воспротивиться искушению.

Пальцы Рейчел вцепились в край кухонного стола с такой силой, что костяшки их даже побелели. Эту фразу, слово в слово, он произнес в ту ночь, ложась с ней в постель.

Внезапно нахлынувшие воспоминания чуть не разорвали на части ее измученное сердце. Стремление Гейбриела доставить ей удовольствие ввело ее в заблуждение, заставило поверить в то, что он видит в ней нечто особенное, питает к ней интерес.

Теперь же Рейчел понимала, что это были действия опытного мужчины, решившего подтвердить свою репутацию умелого любовника. Должно быть, его самолюбию льстило то, что он смог довести до оргазма даже неискушенную девственницу, какой она тогда была.

Но оставался еще один, последний, вопрос. Усилием воли заставив себя разжать пальцы, Рейчел повернулась к Гейбриелу.

— Скажи мне, если Аманда была для тебя «защитой»... — Она почти выплюнула это слово ему в лицо, желая продемонстрировать, что думает о его заявлении. — Тогда, Бога ради, на что тебе понадобилась бедная Кэсси? Зачем ты на ней женишься?

— Потому что я должен это сделать, — бесстрастно ответил он.

— Потому что ты...

Поняв истинный смысл его слов, Рейчел почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Так, значит, она была обманута даже в этом. Любовного влечения, существование которого она, по своей глупости, подразумевала, не было и в помине. Он готов жениться только потому, что они ожидают ребенка. Так это и значит сделать все возможное, чтобы быть хорошим мужем? Рейчел охватила слепая ярость.

— Ты ублюдок! — Тарелка с куском пирога по— прежнему стояла на столе и, не успев понять, что делает, она запустила ею прямо Гейбриелу в голову. — Ненавистный, презренный ублюдок!

Легкость, с которой он уклонился от импровизированного метательного снаряда, окончательно вывела Рейчел из себя. Не в силах больше находиться с ним в одной комнате, она издала нечленораздельный, приглушенный крик и бросилась к лестнице.

— Рейчел!

Гейбриел преследовал ее и, используя преимущество своих длинных ног, перепрыгивал через две ступеньки, нагоняя с каждой секундой. Не рискуя оглянуться, Рейчел старалась только не оступиться. Слезы застилали ей глаза, мешая видеть дорогу.

— Рейчел, подожди...

Он поймал ее перед дверью в спальню. Вцепившиеся в плечи жесткие пальцы заставили Рейчел остановиться и удержали на месте.

— Отпусти меня! Отпусти, черт возьми!

Она изо всех сил пнула его ногой по голени и со злорадным удовлетворением услышала сдавленный стон. Но появившаяся было ее губах мрачная торжествующая улыбка Тотчас же сползла с лица Рейчел — Гейбриел не отпустил ее. Вместо этого, толкнув плечом дверь, втолкнул в комнату.

— Рейчел, сядь! Сядь и успокойся!

— Я ничего не буду делать по— твоему. Слышишь — ничего!

Каким— то образом ей удалось освободить руки. Совершенно потеряв самообладание, она в отчаянии замолотила ими по груди, плечам, даже лицу Гейбриела, как будто физическое Насилие могло облегчить ее боль.

Он не останавливал Рейчел, а только чуть отклонял голову, принимая удары и молча ожидая, пока кипящая в ней ярость уляжется. Когда это наконец случилось, он подвел ее к постели, сел рядом и притянул к себе. По— прежнему не говоря ни слова, Гейбриел ждал, пока бешеное биение сердца Рейчел не успокоится и на смену гневу не придут обильные слезы.

Только тогда он, испустив глубокий, прерывистый вздох, распрямил плечи, как бы принимая на них груз, избежать которого было невозможно. Сильные пальцы взяли Рейчел за подбородок и, когда она попыталась воспротивиться, нажали сильнее, принуждая повернуться к нему лицом.

— Первым делом... Нет, послушай меня! — решительно сказал он, когда она снова попыталась отвернуться. — Я ни разу, слышишь, ни разу за все время нашего знакомства не спал с Кэсси и не собираюсь делать этого, пока мы не поженимся.

Рейчел была так ошеломлена, что не сразу обрела дар речи.

— Ни разу... Но ты ведь сказал...

— Что женюсь на ней, потому что обязан это сделать? Да, это правда, но совсем не потому, что у тебя на уме. Она не носит моего ребенка, как ты, вероятно, полагаешь.

— Но тогда почему...

Гейбриел опустил голову, избегая ее взгляда.

— Лучше не спрашивай, Рейчел. Ради Бога, оставь все как есть.

Но она не могла этого сделать. Не могла оставить столько вопросов без ответов, один из которых был для нее жизненно важен.

— Ну а я?

Его суровое лицо внезапно смягчилось.

— А ты была... и есть для меня нечто совершенно особое... И всегда будешь.

— Настолько особое, что через пару дней ты забыл меня, уйдя к другой!

— О Господи, Рейчел, нет! Я никогда не забуду тебя! Просто не смогу этого сделать!

Почему она поверила ему теперь? Почему именно сейчас слова Гейбриела показались ей искренними? Да потому что на этот раз Рейчел внезапно осознала, что значит для него больше, чем он сам хочет признать.

— А сейчас?

— Рейчел...

Это был стон отчаяния, но вместе с тем Рейчел чувствовала, что он наконец— то уступает и до правды уже недалеко, если только у нее хватит сил и решимости настоять на своем. Да она уже и не могла отступить. Интуитивно Рейчел ощущала, что вот— вот узнает нечто важное, настолько важное, что это навсегда изменит ее жизнь. Будут ли изменения к лучшему или к худшему, можно было лишь гадать. Она понимала только, что если не выяснит все сейчас, то будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

— Какие чувства ты испытываешь ко мне сейчас?

Гейбриел с трудом сглотнул. Рейчел увидела конвульсивное движение мышц его шеи и поняла, что ее догадка верна. Он не будет больше уклоняться от ответа и расскажет ей все, но только если она вынудит его сделать это. Решение было за ней.

— Гейбриел, я должна знать! Питаешь ли ты какие-нибудь чувства...

— Чувства! — Это прозвучало как крик души. — О Боже, Рейчел, если бы ты только знала!

— Тогда скажи мне! Хочешь ли ты меня?

— Да поможет мне Бог, — да, хочу! — Голос его звучал так сдавленно, словно слова вытаскивали из него клешнями. Воспаленные, почти не мигающие глаза не отрывались от Рейчел. — Рейчел, дорогая, я больше чем хочу тебя! Я тебя обожаю, люблю всем сердцем. Если бы я мог, то женился бы на тебе прямо сегодня... если бы ты, конечно, приняла меня.

— Если бы я... — начала Рейчел, но он быстро, почти грубо прикрыл ей рот ладонью.

— Нет ничего на свете, чего мне хотелось бы сильнее, — продолжил он хриплым голосом, звучащим так, будто Гейбриел много лет соблюдал обет молчания, — чем прожить остаток жизни с тобой, иметь от тебя детей, состариться возле тебя...

Как объяснение в любви, это звучало почти идеально и должно было бы согреть сердце Рейчел, переполнить ее радостью. Но какое— то щемящее предчувствие портило впечатление, не давая насладиться моментом.

«Если бы я мог», — сказал он.

— Тогда в чем же дело?

Впервые с того момента, как Гейбриел открыл ей свое сердце, он оторвал от нее взгляд, слепо уставившись в какую— то точку на ковре под ногами.

— Дело в том, что я не могу. Не должен. Мы не должны.

Рейчел не верила своим ушам.

— Гейб, это просто не имеет смысла! Я люблю тебя. Ты любишь меня. Да, я люблю тебя, — повторила она, заметив, что он качает головой. — Так что же может помешать нам быть вместе?

Безжизненным тоном он ответил ей вопросом на вопрос:

— И чего же ты от меня хочешь, Рейчел?

— Как чего? Разве это не очевидно? Неужели мне надо объяснять тебе? Я хочу вернуться на пять с половиной лет назад и с корнем вырвать какой— то глупый моральный запрет, не позволивший тебе продолжить наши отношения. Что бы ты тогда ни думал, — что я слишком молода или слишком наивна, — тебе надо забыть об этом раз и навсегда! Я хочу начать сначала... Его застывшая, напряженная поза начала действовать ей на нервы. Надо было пробиться сквозь мешающие ей преграды, вывести Гейбриела из транса, туманящего его глаза, отгоняющего кровь от лица.

Пододвинувшись поближе, она прижалась к его одеревеневшему телу.

— Гейб, я хочу, чтобы ты поцеловал меня, а потом поднял меня на руки, положил на кровать, раздел донага и занялся со мной сумасшедшей, чувственной любовью до полного изнеможения, которая выбила бы из твоей головы все эти надуманные глупости.

Дыхание Гейбриела стало частым и неровным. Он, несомненно, испытывал искушение, но противился ему, черт бы его побрал! Противился изо всех сил. Это было видно по лихорадочному взгляду, быстро перебегавшему от ее лица к кровати и обратно. — О Боже!

Протянутая рука, до странности холодная, коснулась ее лица, Прикосновение было легким, как будто на щеку упала снежинка, и Рейчел непроизвольно приоткрыла губы.

— О Боже, — повторил он, но совсем другим тоном.

И в следующий момент его руки сомкнулись вокруг нее, притянули к себе с нетерпением, граничащим с грубостью, показывающим, что этого недостаточно, совершенно недостаточно. Губы Гейбриела впились в ее губы жадным, властным поцелуем — свидетельством любви, испепеляющего желания, жгучего вожделения и чувственного голода.

Рейчел ответила ему тем же самым ~ таким же накаленным желанием и нетерпеливым предвкушением.

Как бы ни были прочны барьеры, сдерживающие их взаимные чувства последние пять с половиной лет, они наконец— то рухнули, открыв путь бурлящему потоку страсти. С головокружительной скоростью их несло к завершению, в котором они так долго себе отказывали.

— Нет! Пропади все пропадом, нет! — раздался вдруг леденящий душу крик Гейбриела, сама грубость его слов свидетельствовала о силе переживаний, и Рейчел почувствовала, как ее сердце сжала чья— то безжалостная смертоносная рука.

Закрыв глаза, Гейбриел застыл в неподвижности — полной, пугающей неподвижности, — сжав кулаки и тяжело дыша сквозь стиснутые зубы.

Через несколько, показавшихся ей ужасными, мгновений веки его медленно поднялись, открыв еще более напугавшие Рейчел замутненные глаза. С нежностью, странно контрастирующей с предыдущим поведением, он взял ее лицо в ладонь и запечатлел на губах короткий, ласковый поцелуй. Потом осторожно, но решительно отстранил и встал.

— Гейб! — спросила Рейчел срывающимся голосом. — В чем дело? Почему?

— Я не могу!

— Но почему? Неужели ты до сих пор считаешь меня слишком юной? Но я больше уже не твоя маленькая сестричка.

Лицо Гейбриела, как бы это ни казалось невозможным, побелело еще больше, на его пепельно-сером фоне выделялись только горящие глаза.

— В этом— то и вся проблема, дорогая. — По контрасту с лицом, в голосе его появилась неизвестно откуда появившаяся сила, хотя он звучал хрипло и неровно.

— Так дело именно в этом? — На Рейчел нахлынула волна облегчения, наполнившего ее та кой радостью, что она громко рассмеялась: — Что за чепуха, Гейбриел! Пора с этим кончать! Ты же знаешь, что я...

По лицу Гейбриела прошла судорога, изменившая его до неузнаваемости. И слова Рейчел замерли на губах.

— Да, сестренка, — произнес он. — Настоящая... по крови! Рейчел, любовь моя, мы с тобой кровные родственники. Мой отец был и твоим отцом тоже. Наш брак был бы противоестественным. Та ночь была... Это был...

Он так и не смог закончить фразу, но в мозгу охваченной ужасом Рейчел слово «инцест» прозвучало с удивительной ясностью.

— Не может быть! Я этому не верю!

— Поверь! Пожалуйста, поверь! — умолял Гейбриел, и его отчаяние убеждало ее больше всего. — Поверь и перестань даже мечтать о том, что у нас с тобой может быть совместное будущее.

Забудь обо мне навсегда и найди себе кого-нибудь другого.

— Нет, никогда!

В голосе Рейчел звучала такая мука, что Гейбриел сделал было движение по направлению к ней, но, тут же опомнившись, отступил с таким видимым усилием, что это сказало ей больше, чем любые слова.

— Ты должна, Рейчел, — сказал он с мягкостью, чуть не разорвавшей ее сердце. — Это единственный путь, другого быть не может. Ты должна это сделать. Так же, как...

Конечно же. Она забыла о Кэсси.

— Так же, как это сделал ты?

Он медленно кивнул, и это означало полное, окончательное поражение. — Да, как это сделал я. Теперь ты видишь, почему я должен жениться на Кэсси?

11

Рейчел сидела перед альбомом для эскизов и, держа в безвольно расслабленных пальцах карандаш, глядела перед собой невидящим взором; Вот уже четыре дня, как она пыталась заставить себя работать или, по крайней мере, хотя бы делать вид, что работает.

Наверное, стороннему наблюдателю она казалось в полном порядке. Утром одевалась, красилась, шла на работу. Двигалась, разговаривала, даже умудрялась вливать кофе в горло, от постоянного спазма сузившееся, казалось, до размеров игольного ушка. Вот только есть Рейчел не могла — это было выше ее сил.

Но внутренне она буквально разваливалась на куски и понимала, что держится с трудом, как будто склеенная липкой лентой и перевязанная проволокой.

Правда, если присмотреться повнимательнее, можно было увидеть странную бледность, которую не в состоянии был скрыть даже самый искусный макияж, и покрасневшие от бессонницы глаза. Но выглядела она не страшнее, чем человек, весь уик?энд провалявшийся в постели с расстройством желудка, придуманным ею для объяснения перемен в своей внешности и поведении.

На Гейбриела вообще было жутко смотреть. Она могла судить об этом лишь по случайным встречам у порога дома, когда его тщательно продуманное расписание прибытий и отбытий давало осечку. Обычно он планировал их так, чтобы присутствовать дома только тогда, когда Рейчел была на работе, и уходил к ее приходу. Вероятно, к Кэсси.

Приготовления к свадьбе между тем шли своим ходом. Но любой мало?мальски наблюдательный человек сразу понял бы, что жених далек от всех этих хлопот. А может быть, перед ней он не так таился, как перед остальными?

— О, Гейб...

Глубоко вздохнув, Рейчел запустила руку в и так уже растрепанные волосы и в который раз попыталась сосредоточиться на работе. Но тут ей вдруг вспомнились слова Гейбриела: «Я хочу, чтобы ты сделала для меня нечто особенное» ~ и на глаза навернулись непрошенные слезы.

Если бы только она просто, без разговоров, согласилась на его предложение. Если бы не стала выяснять причину его женитьбы на Кэсси. Если бы никогда не узнала правды!

Но разве было бы лучше жить в неведении? Разве легче было бы продолжать думать, что Гейбриел окончательно отказался от нее и не понимать почему? Как тяжело ему было открыть свою тайну, но ведь она сама хотела получить ответ.

Что ж, теперь Рейчел знала правду, и эта правда разбила ее жизнь, превратила ту в кошмар.

Разумеется, она тогда не сразу поверила ему.

— Но откуда ты все это узнал? — спросила она, когда вновь обрела способность говорить.

— От твоей матери, — ответил Гейбриел безжизненным голосом.

— От моей матери... И ты ей поверил? — В кромешной темноте отчаяния для Рейчел вдруг блеснула искорка надежды. — Ты же знаешь, как мать тебя в то время ненавидела. Она сделала бы все что угодно, лишь бы разлучить нас. И ты все же купился на...

— Это сказала мне не она одна, — перебил ее Гейбриел. — Я спросил и отца тоже.

Он медленно покачал головой, как бы вновь переживая сцену ужасного объяснения.

— После той ночи... — Ему не было нужды уточнять, они оба понимали, о какой ночи идет речь. — Я понял тогда, что люблю тебя и хочу чего-то большего, нежели простая интрижка. Но я знал также и то, что твоя мать сделает все, чтобы помешать нам, тем более ты была тогда так юна. Поэтому я решил поговорить с ней, сказать, что питаю к тебе... определенное чувство.

Рейчел вскинула голову, в глазах ее промелькнул страх.

— Но ты не...

— Нет, любовь моя. Я не рассказал ей о том, что между нами произошло. Лишь признался, что вот уже шесть месяцев не могу... — он невесело рассмеялся, — не могу смотреть на тебя только как на свою сводную сестру. Спросил, не позволит ли она мне пригласить тебя куда-нибудь.

Гейбриел подошел к огромному окну, занимавшему почти всю стену, и невидящими глазами уставился в предрассветное небо.

— Ее ответ был весьма откровенным. Если я буду ухаживать за тобой, то это окончится скандалом, позором... и тюремным заключением для меня. Пора мне уже узнать правду, которая заключается в том, что ее роман с моим отцом начался отнюдь не за год до того, как он поселил вас в этом доме. На самом деле они более двадцати лет время от времени встречались друг с другом.

— Так, значит, мой... — Она проглотила не подходящее слово «папа». — Джон Эмис — муж моей матери...

— Не мог иметь своих детей, — продолжил за нее Гейбриел. ~ Он познакомился с Лидией после очередной ее ссоры с моим отцом. По-видимому, она уже была беременна тобой, но Грег отказался признать отцовство, Эмис быстро женился на твоей матери и зарегистрировал ребенка, тебя, как свою дочь. Лидия, уверенная в том, что никогда больше не увидится с Грегом, оставила все как есть, и ты выросла в уверенности, что Эмис и есть твой отец.

— И Грег подтвердил рассказ моей матери?

Гейбриел снова кивнул.

— Он признался в том, что дело обстояло именно так, как описала Лидия. Они действительно состояли в связи в то время, когда ты была зачата, а потом расстались, и твоя мать вышла за муж за Эмиса, умершего, когда ты была еще ребенком. Через несколько лет Грег и Лидия по встречались вновь и возобновили отношения. По началу они их скрывали, но потом, когда моя мать ушла от него, он перевез вас сюда.

— И когда она рассказала Грегу?

— То, что ты его дочь? Не сразу. Лидия понимала, что, если выложит все тут же, Грег воспримет это как попытку давления на него, желание либо обеспечить тебя наследством, либо заставить жениться на ней. Поэтому она ждала, надеясь, что Грег тебя полюбит. — Тяжело вздохнув, он повернулся к Рейчел. — И он действительно полюбил тебя, дорогая... О Боже!

Не в силах противиться искушению, страстно желая утешить его, она вскочила на ноги, но яростный взгляд Гейбриела приковал ее к месту.

— Нет! Даже не думай об этом! — воскликнул он, и она с рыданиями упала обратно на кровать.

Разумеется, Гейбриел был прав, и Рейчел знала это, хотя и не желала открыто признать

— Он полюбил тебя, Рейчел, — повторил Гейбриел. — Так же, как и я. И к тому времени когда стали известны результаты анализа на ДНК на котором настояла Лидия, они уже потеряли всякое значение.

Для Грега — может быть. Но для Гейбриела они значили слишком многое, разрушили всю его жизнь, а сейчас рушат и ее жизнь тоже.

— Но почему мать ничего не рассказала мне?

— Грег запретил ей. Сказал, что не желает, чтобы другие совали нос в его дела. Думаю, он поставил это как условие ее переезда в свой дом.

А Лидии так не хотелось терять его, что она сдержала слово.

— Тогда почему он не захотел признать меня? Гейбриел недоуменно пожал плечами. — Бог его знает. Если бы он это сделал, мы бы не оказались в теперешней ситуации. Кроме того, мы не знаем и никогда уже не узнаем, что бы он сделал после того, как женился на твоей матери. Если бы он не умер, то, возможно, проглотил бы наконец свою дурацкую гордость и мы все превратились бы в одну большую и счастливую семью.

Цинизм последнего замечания заставил Рейчел внутренне содрогнуться.

— Ты поругался с ним из-за этого?

Гейбриел мрачно кивнул, губы его сжались в прямую линию.

— Он сказал, что совершенно неважно, чей именно ты ребенок. В любом случае ты находишься в этом доме и к тебе должны относиться, как к его дочери. Я сказал ему, что он должен признать тебя или, по крайней мере, жениться на Лидии. Мне хотелось, чтобы ты заняла принадлежащее тебе по праву место, обрела свою настоящую фамилию и настоящего отца... — Он покачал головой, как будто удивляясь собственному поведению. — Видимо, тогда я не очень хорошо соображал. Тебе было всего лишь девятнадцать, и я только что лишил тебя

девственности...

— Нет! Ты взял у меня то, что я сама хотела тебе отдать! — протестующе воскликнула Рейчел.

— Если бы все открылось раньше, ты бы знала, что я твой единокровный брат. Но изменить чего-нибудь было уже нельзя. Поэтому я согласился с тем, что лучше оставить все как есть, и как можно скорее уехал в Штаты...

— ...решив, что мы никогда больше не встретимся, — закончила за него Рейчел голосом, полным слез.

— Да, — подтвердил он еле слышно. — Ты не представляешь, чего мне это стоило. Но другого выхода я не видел. Сказать тебе правду я не мог, а продолжать с тобой встречаться было опасно. — Углубленный в свои мысли, он криво усмехнулся; — Не думаю, что смог бы устоять перед тобой. И зная, что должен сказать тебе «нет», я решил сделать это в грубой форме, чтобы не выдать себя. Я понимал, что причиняю тебе боль, но это казалось мне лучшим из того, что я мог придумать.

И он сделал так, что она возненавидела его. Гейбриел так любил ее, что все эти годы терпел ее ненависть, презрение, только чтобы защитить Рейчел от последствий ее же собственных действий.

— И Аманда была лишь защитой?

Гейбриел сухо рассмеялся:

— Всего лишь. Хотя в ту ночь она получила мало удовольствия. Удивительно, как это Аманда не сделала сей факт достоянием гласности — тог да или потом, когда я уехал. Как же, Гейбриел Тернан, известный всем племенной жеребец, оказался ни на что не способен! Хотя мне действительно казалось, что я могу таким образом стереть все мысли о тебе, найти забвение. Но когда дошло до дела — ничего не получилось!

Может быть, это было не слишком хорошо, но Рейчел почувствовала не просто облегчение, но и радость. Как влюбленная женщина, она не могла не радоваться тому, что Аманда заняла ее место совсем не так просто, как ей казалось.

— А Кэсси?

— Кэсси? — Гейбриел усталым жестом потер ладонями лицо. — Кэсси — это тоже щит, который ты вынудила использовать против себя.

— Я вынудила? — недоверчиво переспросила Рейчел.

— Когда я приехал на похороны отца, то полагал, что четыре с половиной года — срок вполне достаточный и что при встрече с тобой мне удастся преодолеть свои чувства к тебе... Или, во всяком случае, я смогу достаточно хорошо скрывать их до тех пор, пока не улажу все свои дела здесь и не вернусь обратно в Америку. Но я ошибался.

Глубоко вздохнув, он прислонился спиной к стене, как будто ноги плохо держали его.

— Боже, как я ошибался! Стоило мне увидеть тебя, как я понял, что ничего не умерло. Передо мной была уже не девочка, а женщина в полном расцвете, еще более красивая, чем прежде. И оказалось, что чувство никуда не делось, оно просто ждало случая, чтобы возродиться вновь. Я

говорил себе, что могу с этим справиться — обязан справиться. И справился бы, если бы ты продолжала сердиться на меня, по— прежнему ненавидела бы меня, держалась бы на расстоянии...

— Я просто не могла, — тихо призналась Рейчел.

— Ты не могла, и я тоже не мог. Мне достаточно было увидеть тебя, чтобы захотеть коснуться, чтобы воспламениться. Я выдержал всего лишь три дня и, страшась того, что могу вот— вот открыть этот ящик Пандоры, сбежал обратно в Америку. Тогда мне стало ясно, что необходимо предпринять какое— то решительное действие, которое окончательно расставило бы все по своим местам. Я твердо решил не возвращаться сюда до тех пор, пока не женюсь, потому что боялся встречаться с тобой.

— И тогда появилась Кэсси?

Он опять испустил глубокий, шедший как будто из глубины души, вздох.

— Да, и я очень привязан к ней, Рейчел. Конечно, мне никогда не удастся полюбить ее так, как тебя. Но я сделаю все возможное, чтобы она была счастлива. Если бы можно было сыграть скромную свадьбу в Штатах, я, конечно, предпочел бы именно это. Но Кэсси хотела, чтобы все было по полной программе, именно здесь, в Лондоне, и нигде больше. Когда все закончится, мы уедем обратно в Нью-Йорк. Тебе не придется видеть...

— Нет! — Это было уже выше ее сил. — Гейб, нет... пожалуйста!

— Да! — Слово прозвучало холодно и твердо. — Это просто необходимо, Рейчел. Я не в состоянии видеть в тебе только сестру. Пытался, но безуспешно. Поэтому, когда мы с Кэсси поженимся, то тут же уедем. А для тебя самое разумное — забыть обо мне и найти себе кого-нибудь другого.

— Никогда! Я просто не смогу!

Ее ответ пробил защитный барьер, которым он отгородил свои чувства.

— Боже мой, дорогая, не говори так! Ты должна найти себе кого-нибудь... и начать жить за ново. Если я буду знать, что ты счастлива, то смогу перенести все.

Счастлива? Без него? Это невозможно. Но она знала, что сказать ему об этом означало бы только усугубить его страдания, и поэтому прикусила язык, принудив себя хранить молчание.

Медленно, устало, как будто постарев за эти минуты лет на десять, Гейбриел оторвался от стены.

— А теперь я ухожу.

— К Кэсси?

— К Кэсси, — решительно подтвердил он. — Либо это, либо напиться до бесчувствия. Но если я напьюсь, то не уверен, что не вернусь сюда, а этого делать никак нельзя. Нельзя до тех пор, пока не вернется твоя мать. Если бы я мог, то до свадьбы пожил где-нибудь в другом месте, но тогда люди начнут задавать ненужные вопросы.

— Гейб... — попыталась протестовать Рейчел, но он жестом заставил её замолчать.

— Рейчел, пожалуйста, не останавливай меня. Не усугубляй ситуацию. У нас нет выбора, и ты это знаешь.

Но как могла она дать ему уйти, зная, что это навсегда? Что они никогда больше не останутся наедине?

— Можешь ли ты поцеловать меня на прощание? Всего один поцелуй?

Она знала ответ еще до того, как он заговорил. И все же отрицательное движение головы было самым горьким переживанием из всех, которые Рейчел перенесла в жизни.

— Ты знаешь, что нет, ангел мой. Потому что не ограничусь одним поцелуем. Если я снова коснусь тебя, то не смогу ответить за последствия. Поэтому дай мне уйти, дорогая, это единственное, что я в силах для тебя сделать. Дай мне уйти, но помни, что, где бы я ни был и что бы ни делал, ты всегда будешь со мной, в моем сердце, моих мыслях, и этого у меня никто не отнимет.

Рейчел не знала, откуда у нее взялись силы отпустить его, сидеть и смотреть, как он идет к двери и открывает ее.

— Я люблю тебя, — сказал напоследок Гейбриел, и дверь за ним закрылась.

— Рейчел! Рейчел! Эй, соня, телефон!

Недоуменно моргая, Рейчел оглянулась и сквозь открытую дверь увидела секретаршу, машущую ей телефонной трубкой.

— Телефон! — повторила она. — Это тебя!

— А... сейчас иду!

Но прежде чем Рейчел успела окончательно прийти в себя, Алиса вновь приложила трубку к уху.

— Что? Но... Ладно, я ей скажу... Повесили трубку, — сообщила она наконец— то подошедшей Рейчел.

— Повесили? Но кто это был?

— Какая— то женщина. Она не назвалась. Но сказала, что говорит от имени твоей матери.

— Моей матери?

Рейчел ничего не понимала. Зачем матери поручать кому— то звонить ей? Если только...

— В чем дело? Что?нибудь не так?

— Не с твоей матерью, но женщина сказала, что Гейбриел... Это тот самый Гейбриел? Мистер Тернан?

— Гейбриел! — Рейчел насторожилась. — Что насчет Гейбриела?

— Она сказала, что он очень плохо себя чувствует. Кажется, что— то с сердцем.

С сердцем! Подбежав обратно к столу, Рейчел схватила сумочку и торопливо надела жакет.

— А сказали, куда надо идти?

— Домой. И лучше поторопись. Она добавила, что это очень серьезно...

Остального Рейчел уже не слышала. Гейбриел нездоров. Что— то с сердцем. Господи, пожалуйста, пусть с ним будет все в порядке! Пожалуйста!

К счастью, уличное движение в этот пасмурный, типично английский весенний день было не слишком интенсивным, потому что Рейчел не обращала внимания на дорогу. Всеми мыслями она была уже дома, с Гейбриелом.

Его сердце? Он был слишком молод для того, чтобы перенести инфаркт. А может быть, это какой-нибудь врожденный порок? Или...

О Боже, только не это! У нее даже кровь похолодела в жилах. Не мог же Гейбриел решиться на столь ужасный поступок, как самоубийство. Правда, когда она видела его в последний раз, он выглядел ужасно, но неужели их объяснение подействовало на него настолько сильно?

Наконец— то подъехав к дому, Рейчел резко затормозила, не заботясь ни о машине, ни о том, где ее поставить. Выскочив наружу, она сломя голову бросилась к уже открытой входной двери.

— Гейб? — В пустом холле ее голос раздался эхом. — О Боже, Гейб! Где ты?

Ответа не последовало. В доме не было слышно ни звука. Должно быть, он в своей комнате. Может, даже в постели. Она была уже на середине лестницы, когда услышала звук подъезжающей к дому машины, затормозившей еще резче, чем ее собственная.

— Рейчел! Ради Бога, Рейчел, где ты?

Встревоженный донельзя голос Гейбриела заставил ее замереть на месте, с поднятой на следующую ступеньку ногой. Этого просто не могло быть! Медленно повернувшись, Рейчел увидела ворвавшегося в холл мужчину. Волосы его были растрепаны, на лице написано такое же беспокойство, как и у нее самой.

— Гейб...

— Рейчел. Слава Богу!

В их голосах слышалось крайнее облегчение.

— Гейб, с тобой все в порядке?

Больше она уже не могла сдерживать себя, да и не хотела этого. Никакая сила на свете не остановила бы ее. Сбежав по лестнице и перепрыгнув через последние три ступеньки, Рейчел бросилась в уже раскрытые навстречу ей объятия.

— С тобой действительно все в порядке? — спросила она, когда вновь обрела способность говорить.

— В порядке? — Голос Гейбриела дрожал, в нем слышалось крайнее удивление. — Конечно, со мной все в порядке. Ведь это ты заболела.

— Нет. — Рейчел энергично затрясла головой. — Ты. Мне позвонили по телефону. От имени матери. Звонившая сказала, что ты болен... что— то связанное с...

— ...с сердцем, — закончил за нее Гейбриел, потому что горло от волнения перехватила судорога. — Мне тоже передали сообщение, но оно касалось тебя. Но если с тобой все в порядке, то кто же тогда...

— Я.

Голос не принадлежал никому из них. Негромкий, но твердый, он раздался позади них, из гостиной, дверь которой теперь была приоткрыта. Когда изумленная Рейчел повернулась в этом направлении, в холле появилась женщина. Высокая, стройная, элегантная, в простом зеленом платье, Кассандра Эллиот выглядела бледной и напряженной, но такой же красивой, как всегда. Большие карие глаза блестели, длинные черные волосы свободно падали на плечи

— Кэсси! — Голос Гейбриела звучал хрипло и беспокойно. — Что...

Он хотел было выйти вперед и взять ее за руку, но Кэсси грациозным жестом остановила его/

— Эти известия передала я. Оба! Извините, что доставила вам столько беспокойства, но мне нужно было знать наверняка. Я хотела убедиться в том; что мои подозрения верны.

— Твои подозрения... — повторил Гейбриел, но это прозвучало скорее как подтверждение, чем как вопрос.

Он догадался, что именно имеет в виду Кэсси, подумала Рейчел, как догадалась она сама, поняв, что блеск глаз стоявшей напротив нее женщины вызван навернувшимися слезами.

— Я знала, что если спрошу тебя напрямую, то ты мне не ответишь. ~ Она печально улыбнулась. — Ты пытался скрыть это от меня, но я чувствовала, что— то не так, видела, что ты несчастен и только делаешь вид, будто тебя интересует свадьба и перспективы нашей совместной жизни, Твои мысли были где— то далеко, и я понимала, что ты страдаешь...

— Кэсси... — попыталась вставить слово Рейчел, но она мягкой улыбкой заставила ее замолчать.

— Знаете ли вы, что он беспрестанно говорил о вас? Рейчел то, Рейчел се, работы Рейчел, одежда Рейчел, волосы Рейчел.

— Я уверена, что он не... — снова попыталась Рейчел,

— А я уверена в обратном! — сказала Кэсси, с горечью рассмеявшись. — Я хочу сказать, что он любит вас. Только настолько глуп, что не пони мает этого. В чем дело, Гейбриел? — Ее карие глаза остановились на потемневшем, искаженном лице Гейбриела. — Не в том ли, что вы слишком долго жили в одном доме и ты не видишь, что творится перед самым твоим носом?

— Кэсси... не надо!

Полное ужаса восклицание Гейбриела как ножом резануло по натянутым нервам Рейчел. Он выглядел ужасно, лицо его было искажено, как у сумасшедшего. Из них троих спокойной казалась одна Кэсси.

— Надо, Гейбриел, — уверенно возразила она.

— Я ведь не дура и всегда понимала, что ты не любишь меня так, как люблю тебя я, и с самого начала подозревала о существовании другой женщины. Правда, думала, что она разбила твое сердце, не ответив любовью на любовь. Но потом, встретившись с Рейчел и увидев вас вместе, я поняла, что это она.

Кэсси перевела взгляд на соперницу и даже сумела выдавить из себя сочувственную улыбку, перевернувшую сердце Рейчел.

— Но я не могу понять одного, ведь совершенно очевидно, что она тоже любит тебя. Разве это не так?

— Да, но...

— А зная это, я не могу встать между вами. Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, так это то, что вам мешает соединиться глупая ссора или слепая, дурацкая гордость. Поэтому— то я решила затеять маленькую проверку: передала сообщения, пришла сюда и стала ждать. Миссис Рейнолдс меня впустила. И если у меня еще оставались какие— либо сомнения, они рассеялись, когда я увидела ваши лица. Вы не просто любите друг друга. Вы созданы друг для друга.

Глубоко вздохнув, Кэсси подошла к Гейбриелу, снимая на ходу кольцо с пальца.

— Я не могу выйти за тебя замуж, Гейбриел, потому что не в состоянии составить твое счастье.

Так будет лучше, — торопливо добавила она, жестом останавливая готовое вырваться у него возражение. — Поверь мне. Да ты и сам это знаешь. Гейбриел молча протянул руку, и Рейчел поняла: он согласился с тем, что сказала его бывшая невеста. Всякое желание бороться, даже сама жизнь, казалось, покинули его, на помертвевшем лице выделялись лишь горевшие огнем глаза. Когда Кэсси положила кольцо на его ладонь, он, опустив глаза, долго смотрел на сверкающий камень.

— Я постарался бы сделать тебя счастливой, — наконец глухо обронил Гейбриел.

— Знаю, — вздохнула Кэсси. — Вся проблема в том, что тебе пришлось бы стараться.

И, наклонившись вперед, она легко и нежно поцеловала его в щеку, а потом, подняв голову, взглянула прямо в глаза Рейчел.

— Берегите его, — тихо сказала Кэсси. — Обещайте мне это.

Рейчел дважды попыталась ответить, даже открывала рот, но эмоции душили ее, и она так и не смогла вымолвить ни слова.

— А ты, Гейбриел, — продолжила Кэсси, — должен посмотреть на вещи трезво и принять их такими, какие они есть. В конце концов Рейчел вовсе не твоя маленькая сестричка, как ты ее называешь. Она не связана с тобой кровными узами, давно уже выросла и любит тебя. А ты любишь ее. Будьте счастливы!

Рейчел не заметила, как ушла Кэсси. Все ее внимание было сосредоточено на лице стоящего перед ней мужчины, взгляд которого был затуманен, губы плотно сжаты. Наконец, содрогнувшись, он зажал кольцо в кулаке и отшвырнул его от себя. Этот жест поразил ее больше, чем поток проклятий или вспышка дикого гнева.

Чисто инстинктивно она протянула к нему руку, но прежде чем успела коснуться его, Гейбриел резко отшатнулся, как будто пальцы Рейчел были из раскаленного железа.

— Нет! — Голос его звучал низко и хрипло и походил на рев загнанного в ловушку зверя, ожидающего ножа охотника. — Больше до меня не дотрагивайся! Собственно говоря, Рейчел, будет лучше всего, если ты сейчас уйдешь и не вернешься до моего ухода.

— Ухода?!

Она понимала, что это было неизбежно, но ей все равно было больно, очень больно.

— И куда ты собираешься?

— В Нью-Йорк... в Калифорнию... к черту на кулички! Куда угодно, лишь бы это было достаточно далеко для того, чтобы мы больше не увиделись.

Ей очень хотелось плакать, умолять его не уезжать, не оставлять ее одну. Но Рейчел понимала, что это было бы чересчур жестоко по отношению к нему. По лицу Гейбриела было видно, что он находится на грани срыва.

Кэсси была его щитом. Но теперь она исчезла, а вместе с ней и единственная оставшаяся у него защита. Они не могли рисковать, оставаясь в этом доме наедине.

Он уже делал это три раза. В первый раз, когда ей исполнилось девятнадцать, потом после похорон отца и в третий раз — четыре дня тому назад. Рейчел знала без всяких слов, что уйти еще раз Гейбриел просто не в состоянии. На сей раз инициатива должна исходить от нее. Поэтому, не сказав ни слова, она повернулась и пошла прочь от него. В бесцветное, мрачное, одинокое будущее.

День был все такой же ненастный. Дождь пошел сильнее, и капли его смешивались с текущими из глаз Рейчел слезами.

12

Звонок во входную дверь был самым последним звуком, который Рейчел хотелось бы сейчас услышать. Она только что вернулась с работы после совершенно невозможного дня. Дня, проведенного в имитации кипучей деятельности, выслушивания чьих-то разговоров, заинтересованности в делах других людей и медленном умирании внутри. Наконец, не выдержав, Рейчел сослалась на головную боль и отправилась домой, в свое убежище.

К тому времени, как она добралась, воображаемая головная боль стала реальностью, поэтому Рейчел благодарила судьбу за то, что матери не было дома. Судя по тишине, царящей в комнате Гейбриела, он тоже отсутствовал. Или же намеренно не отреагировал на ее вопросительный взглас.

Первое было более вероятно, с грустью подумала Рейчел. После драматических событий позавчерашнего дня он строго придерживался политики отсутствия во время ее присутствия. И она знала, что так будет до тех пор, пока Гейбриел навсегда не уедет в Америку. Он уже заказал билет, но не сообщил, когда точно улетает.

Когда раздался звонок, она сидела на кушетке с чашкой чаю в одной руке и упаковкой

болеутоляющих таблеток в другой. Громко простонав, она решила не открывать. Меньше всего ей нужна был компания, неважно чья.

Но она не приняла во внимание миссис Рейнолдс, поспешившую на звонок. Услышав, как она говорит посетителю: «Мисс Эмис дома, не хотите ли войти», Рейчел поняла, что напрасно надеялась на покой.

— Миссис Тернан! — объявила домоправительница минуту спустя.

Миссис Тернан? Сначала Рейчел никак не могла понять, зачем ее матери понадобилось звонить в дверь собственного дома или желать быть объявленной подобным образом. Но когда увидела женщину, которую миссис Рейнолдс ввела в комнату, то сразу поняла, кем та является, и сердце ее тревожно забилося в груди.

Эти темные волосы, широко расставленные темно— карие глаза, высокий рост и аристократические черты лица могли принадлежать только первой миссис Тернан, матери Гейбриела. Он говорил, что мать специально прилетает в Англию на свадьбу, но ее ожидали лишь на будущей неделе.

Улыбка женщины была теплой и извиняющейся:

— Надеюсь, я не очень помешала. Мне нужен Гейбриел.

— Боюсь, сейчас его нет дома.

— Конечно, я должна была догадаться. Он, наверное, с Кэсси. Я ведь обещала прилететь на той неделе, но внезапно решила провести с сыном лишнюю неделю. На мое счастье, кто— то отказался лететь, и у меня даже не нашлось времени позвонить ему. Хотя надо было предупредить, извините меня.

— Ничего страшного, — торопливо заверила ее Рейчел. — Однако, если говорить честно, то я сомневаюсь, что он сейчас с Кэсси. Я хочу сказать... О Господи, вы, наверное, ничего не знаете.

Она ведь последние двадцать четыре часа провела в воздухе. Если даже Гейбриел и звонил матери, то наверняка уже не застал ее.

— Не знаю — чего? — недоуменно нахмурилась мать Гейбриела. ~ Что?нибудь случилось?

— Можно сказать и так, — с трудом выговорила Рейчел. — Но я не уверена, что имею право рассказывать вам об этом.

— Имеете или не имеете, но вы должны сказать мне хоть что?нибудь. Я заинтригована и не уйду отсюда, пока не узнаю, в чем дело.

Она улыбнулась — сплошное очарование, под которым прятался железный стержень, — отменяя всякую попытку уклониться от ответа, точь?в?точь как Гейбриел. И к своему огорчению, Рейчел почувствовала, что на глаза у нее наворачиваются слезы.

— В таком случае лучше сядьте.

— О, милая, это звучит довольно зловеще. Не ужели все так плохо?

Рейчел только кивнула, слезы мешали ей говорить. Улыбка Лили Тернан увяла. Наклонившись

вперед, она взяла молодую женщину за руку.

— Вижу, вам действительно лучше рассказать мне все. Это касается свадьбы?

— Свадьбы не будет, — решительно объявила Рейчел, даже не позаботившись о том, чтобы хоть как-то завуалировать суровые факты. — Гейбриел и Кэсси... они разорвали помолвку. Вернее Кэсси. Из— за... из— за...

— Из— за вас, — докончила Лили с поразившей Рейчел пронизательностью. — Вы ведь Рейчел, не так ли?

— Да, но...

— Слава Богу! — воскликнула мать Гейбриела, поразив ее еще больше. — Наконец— то этот глупый мальчишка взялся за ум.

— За ум? — переспросила Рейчел, потрясенная как прочувственным восклицанием Лили, так и тем, что Гейбриела назвали глупым мальчишкой. Лили Тернан решительно кивнула.

— Он любит вас и всегда любил... почти с того самого момента, как впервые увидел. Гейбриел тогда еще говорил, что ждет только, чтобы вы подросли.

Ее улыбка стала теплее и сердечнее, и при воспоминании о временах, когда Гейбриел смотрел на нее такими же глазами, сердце Рейчел болезненно сжалось.

— Но потом, лет пять назад, Гейбриел изменился. Сказал, что у вас с ним нет будущего и что он совершил большую ошибку. Лично я ни когда этому не верила. Потому что он на долгое время перестал интересоваться женщинами. И вот вдруг объявляет о своей помолвке с этой Кассандрой Эллиот. Я могла только предполагать, что вы не ответили ему взаимностью...

Лили Тернан резко остановилась. По бледным щекам Рейчел текли слезы, сдерживать которые та была не в состоянии.

— О, дорогая, в чем дело? Неужели вы его любите?

— Всем сердцем. Рейчел вытерла слезы тыльной стороной ладони, но на их месте тотчас же появились новые. Скрывая до сего дня свои страдания, она вдруг обнаружила, что сдерживать эмоции становится все невозможнее.

— Но все погибло. Я люблю его, но никогда не смогу выйти за него замуж. Это было бы противоестественно. А Гейбриел...

Рейчел не могла продолжать. Окончательно расклеившись, она излила свое сердце в слезах. Идущие откуда— то из глубины конвульсивные рыдания сотрясали ее тело.

Сквозь завесу слез она с трудом видела, как Лили села рядом с ней и, обняв за плечи, просто ждала, пока эта буря утихнет. Потом открыла сумочку, вытащила оттуда носовой платок и вложила его в руку Рейчел.

— Мне кажется, нам с вами надо поговорить... Я хочу сказать, поговорить откровенно. А теперь вытрите глаза и скажите мне, кто вбил вам в голову эти сумасшедшие идеи?

— Гейбриел, — все еще всхлипывая, ответила она. — И это вовсе не идеи, а факты. Ужасные, ненавистные факты!

Тут она выложила все, каждую деталь того, в чем признался ей Гейбриел, выложила без остановки и запинок, даже когда подошла к самому пугающему ее моменту во всей этой истории — тому, что она является незаконнорожденной дочерью Грега Тернана. Но Лили Тернан выслушала все это с неожиданным спокойствием, молча, если не считать редкого подбадривающего бормотания.

Когда печальный рассказ подошел к концу и Рейчел замолчала, Лили, глубоко вздохнув, поднялась на ноги и нажала кнопку звонка, вызывающего миссис Рейнолдс.

— Нам обеим не помешает крепкий чай, — сказала она, и, несмотря на видимое спокойствие, в голосе ее было что-то, позволившее Рейчел думать, что Лили восприняла услышанную историю совсем не так безразлично, как казалось. — А потом, когда вы достаточно успокоитесь, я кое-что расскажу вам о своем сыне. То, что я не рассказывала никому и никогда в жизни.

Лили давно ушла, а Рейчел, свернувшись клубочком в кресле и бездумно уставившись в пространство, все пыталась разобраться в том, что только что услышала. Откровения матери Гейбриела казались настолько невероятными, что трудно было в них поверить, а в особенности тому, как это может повлиять на всю ее жизнь. Она до того ушла в свои мысли, что не слышала шума подъехавшей к дому машины и обнаружила присутствие в доме Гейбриела только тогда, когда он с ней заговорил.

— Рейчел? — В его голосе слышалось беспокойство. — Что ты делаешь дома в такое время дня?

Подняв голову, Рейчел встретила с ним взглядом. Гейбриел выглядит измотанным, с грустью подумала она. Одетый во все черное, только подчеркивающее его бледность, он, казалось, находился на грани полного истощения. Нет, она не может выложить ему все, что ей стало известно вот так сразу, без подготовки.

— Я просто задумалась, осторожно ответила она. — Где ты был?

— Выходил, — бросил он и, увидев, что столь короткий ответ не удовлетворил Рейчел, добавил почти сердито: — Гулял вдоль реки, пытался собраться с мыслями. Потом пошел к Кэсси. Не обходимо было поговорить с ней, извиниться за те страдания, которые я ей причинил.

— С ней все в порядке? — В голосе Рейчел звучало искреннее беспокойство. Она сама пережила в жизни вполне достаточно, чтобы пони мать, что творилось сейчас в душе Кэсси.

— Она справится. Мне кажется, Кэсси давно поняла, что из нашего брака ничего хорошего не выйдет, что она не будет со мной счастлива. Глубоко в душе мы оба чувствовали, что не подходим друг другу, и у нее хватило смелости разорвать наши отношения, пока дело не зашло слишком далеко.

— Она замечательный, благородный человек, — сказала Рейчел абсолютно искренне. — И заслуживает счастья. Кое в чем она походит на твою мать.

— Мою мать? — Что-то промелькнуло в его взгляде. Недоумение? Беспокойство? Она так и не смогла понять, что именно. — Когда ты видела мою мать?

— Она была здесь сегодня днем. Неожиданно решила вылететь раньше и пришла сюда в надежде найти тебя. Мы долго разговаривали.

— О чем именно?

— В основном о тебе. И немного о ее взаимоотношениях с Греггом... Она оставила тебе письмо.

Нахмуренные брови выдавали сомнения и озабоченность Гейбриела.

— Письмо? Но зачем?

Нелегко было казаться спокойной, когда единственное, чего хотелось, это вскочить с кресла и попросить скорее прочитать его. А еще лучше самой рассказать ему все.

Но нужно было действовать осторожно. Рейчел не была уверена в том, что Гейбриел выдержит очередное потрясение, какими бы хорошими ни были новости.

— Лучше возьми письмо и прочти.

Медленно поднявшись на ноги, она протянула ему белый конверт.

Лили считала, что это будет наилучшим способом открыть правду. Значительную часть своей жизни Гейбриел прожил в полном неведении о своем происхождении, и ему будет нелегко неожиданно узнать истинное положение дел. Письмо позволяло сделать это постепенно, кроме того, является реальным, осязаемым вещественным доказательством.

Тогда Рейчел согласилась с этим решением. Но теперь разрывалась между желанием следовать совету Лили и стремлением как можно скорее выложить Гейбриелу всю правду. Если он будет и дальше смотреть на это письмо так, будто не понимает, что от него требуется, она просто не выдержит и закричит.

— Ну, возьми же его! ~ сказала она напряженным тоном и сунула конверт в его руку. — Возьми и прочти! Тогда ты поймешь, о чем я говорю.

Вновь устало посмотрев на нее, он сделал так, как ему велели. Вскрыв конверт, вынул от туда лист бумаги и быстро просмотрел написанное.

Сердце Рейчел сжалось от чувства симпатии к Лили, с таким трудом подбиравшей слова, пытавшейся найти единственно верные, а теперь их чтение заняло у него так мало времени.

Она точно уловила момент, когда Гейбриел дошел до кульминационного места в истории матери. По его реакции стало ясно, что новость подействовала на него не менее сильно, чем на нее. Склоненная темноволосая голова резко откинулась, потом глаза его вновь впились в поразившие его строчки.

Не отрывая взгляда от письма, Гейбриел нащупал ближайшее к себе кресло и опустился в него, явно в который уже раз перечитывая одну и ту же страницу. Затаив дыхание и стиснув кулаки так, что ногти впились в мякоть ладоней, Рейчел наблюдала за ним.

Внезапно Гейбриел опять поднял голову и испытующе взглянул ей в глаза.

— Что все это значит?

— Именно то, о чем там написано.

— Но... — Глаза Гейбриела затуманились, он недоверчиво покачал головой. — Рейчел, в письме сказано, что моя мать знает, что ты...

— Что я дочь ее мужа, — утвердительно кивнула Рейчел. — Я сказала ей это. Но там также

говорится и о том, что ты не сын своего отца.

Ноги, и так дрожавшие, теперь грозили окончательно подвести ее, и Рейчел, присев на подлокотник кресла рядом с ним, указала пальцем на нужные строчки.

Лили призналась, что еще в самом начале супружеской жизни узнала о неверности Грега и была так оскорблена, что почти решила, что если уж не в силах ничего с этим поделать, то в состоянии хотя бы сыграть в ту же игру. Но тут она встретила мужчину совершенно другого сорта.

Итальянец, ненадолго приехавший в Англию, был гораздо старше ее и обращался с ней так трогательно и нежно, что Лили влюбилась в него до безумия. Чувство оказалось взаимным, и они уже планировали пожениться. Для этого Лили надо было развестись и уехать жить в Италию.

Но, пока она собиралась с духом, чтобы сообщить о своем решении мужу, вмешалась судьба и ее любовник внезапно умер от инфаркта, а через неделю Лили обнаружила, что беременна Гейбриелом.

Рейчел вновь заглянула в письмо.

«Я всегда знала, что ты сын Анджело, поэтому— то и назвала тебя Гейбриелом, на большее у меня не хватило решимости. Но для полной уверенности сделала анализ на ДНК — ты был тогда еще совсем маленьким. Результат неопровержимо доказал, что ты не ребенок Грега Тернана...»

Но к этому времени Лили с Грегом помирились. Веря в свое отцовство, он поклялся в том, что станет другим человеком и что теперь все пойдет совсем по— иному. Зная, что ей никогда уже не найти такого счастья, как с Анджело, мать Гейбриела осталась замужем за Грегом, храня секрет про себя, и ни разу не открылась никому, даже самому Гейбриелу... до сегодняшнего дня.

— Так, значит, когда мой отец... когда Грег провел те анализы... — Гейбриел все еще никак не мог поверить тому, что только что узнал.

— Они доказали только, что он мой отец. Но ни у кого и в мыслях не было сомневаться в том, что ты его сын:

— Интересно... — Гейбриел нахмурился, сосредоточенно глядя куда— то за окном. — В письме, которое отец прислал мне в Америку... в котором сообщал о том, что решил поступить по справедливости и оставить тебе законную долю своего состояния... он написал кое— что еще. — Он помассировал пальцами виски, как будто пытаюсь снять головную боль, мешающую ему вспомнить все детали. — «Рейчел — моя дочь, Гейбриел, и я позабочусь о том, чтобы она получила то, что принадлежит ей по праву. Это самое главное. Нам ведь не надо, чтобы люди совали свой нос в дела, которые их не касаются».

— Может быть, потому Грег ничего мне не сказал. Если он подозревал, что ты не его сын, хотя и вырос, будучи абсолютно уверенным в этом, тогда вряд ли у него могло возникнуть желание давать кому?нибудь возможность ворошить эту историю.

— Похоже на это, — согласился Гейбриел. — Мать пишет, что держала все это в тайне даже от меня. Мне дали эту фамилию при рождении, под этой фамилией я вырос, и не было никакой необходимости рассеивать иллюзию. — Гейбриел потер лоб, как бы пытаюсь силой заставить

себя принять правду. — Никто никогда не думал, что нам понадобится узнать правду, что мы полюбим друг друга. Мать знала о моих чувствах к тебе, но всегда считала тебя дочерью Джона Эмиса.

— Но теперь... — затаив дыхание, спросила Рейчел, не в силах больше сдерживать свое возбуждение. — Гейбриел, ты же должен понимать, что это для нас значит...

Все должно было быть совсем не так, думала смущенная и озадаченная Рейчел. Раньше, до его прихода, сидя в кресле с нераспечатанным письмом в руках, она представляла себе все совсем по-другому. Теперь, когда выяснилось, что они не кровные родственники и ничто не мешает им любить друг друга, Рейчел ожидала от Гейбриела радостной улыбки, бурного, чувственного поцелуя...

Но ничего подобного не последовало. Он оставался столь же отстраненным, как и в момент начала их разговора. Даже более того, Гейбриел, казалось, теперь еще больше отдалился от нее, если только это было вообще возможно, вел себя как человек, только что получивший сильный удар по голове.

— Гейб!

Не в силах терпеть, Рейчел наклонилась, собираясь подарить ему нежный поцелуй в щеку, прелюдию, как она надеялась, к более страстным ласкам. Но его реакция поразила Рейчел до чрезвычайности. Отдернув голову, как будто ее губы обожгли его, Гейбриел, загородившись рукой, резко вскочил с кресла.

— Нет. — воскликнул он. — Нет, Рейчел. Я не могу!

— Но, Гейб...

Поднявшись на ноги вслед за ним и инстинктивно пытаясь навести мост через столь неожиданно разверзшуюся между ними пропасть, Рейчел протянула к нему руку.

— Ничего не понимаю, Гейб. Ведь теперь мы можем быть вместе. Ты и я...

— Нет!

Оттолкнув ее руку, он выбежал из комнаты, оставив ее в полном недоумении. Что случилось? Неужели она поняла все неправильно? Неужели обманула саму себя, посчитав, что четыре дня тому назад услышала от него чудесное, полное искреннего чувства объяснение в любви?

Ей хотелось побежать вслед за ним, но разум предупреждал против необдуманных, поспешных действий. Не означает ли это рискнуть всем? Разрушить хрупкое взаимопонимание, установленное ею с таким трудом? Не лучше ли, не безопаснее ли будет не будить спящую собаку?

И тут на глаза ей попала страница письма, брошенного Гейбриелом при поспешном бегстве. Нагнувшись, она подняла листок бумаги и машинально начала читать, сначала бегло, потом, когда до нее дошла важность того, что писала ему мать, все медленнее и медленнее.

«Гейбриел, дорогой, для тебя это будет настоящим потрясением. Ты считал себя одним человеком, а теперь выясняется, что ты совсем другой. Все, во что ты верил, теперь подвергается сомнению. Ты должен вновь обрести себя, своего настоящего отца и даже меня. Тебе понадобится на это время. Пожалуйста, умоляю тебя, обдумай все и не совершай

поспешных поступков».

Ну конечно. Глаза Рейчел затуманились слезами. В своем нетерпении, в стремлении поскорее донести до Гейбриела правду, она поторопила события, забыла, какой неожиданностью оказалось это известие для нее самой. Лили пришлось повторить ей все три раза, прежде чем до нее наконец дошло.

А ведь сама она только вчера набралась храбрости, чтобы упрекнуть мать в том, что та подобно Лили скрывала от нее правду об отце. Лидия, всплакнув, призналась: она сделала бы все что угодно, лишь бы не потерять любовь Грега.

Лидия обещала ему не выдавать тайны и неукоснительно придерживалась своего обещания даже после его смерти. Запутанные взаимоотношения, доставшиеся им в наследство от Грега, довели над ними до сих пор.

Так насколько же сильнее подействовала правда на Гейбриела! Сама Рейчел не знала, как ей удалось пережить пять дней, прошедшие после того, как она узнала, что он ее брат. Гейбриел же жил с этим пять лет!

Надо оставить его наедине с самим собой, дать разобраться во всем. Но вынесет ли она сама это мучительное ожидание? Неожиданно в голову Рейчел пришла идея, заставившая ее броситься наверх, в мансарду.

Через полчаса она уже изучала свое отражение в зеркале со смешанным чувством удовлетворения и смущенного недоверия. Неужели она настолько изменилась за эти пять с половиной лет? Оставалось только надеяться, что мнение Гейбриела окажется таким же. Если, конечно, она рискнет сделать то, что задумала.

Однако, оглядев себя еще раз, Рейчел вновь засомневалась. А что, если она ошибается и нужно дать Гейбриелу время? Что, если на самом деле он не желает ее? Может быть, вся ее привлекательность заключалась лишь в том, что она была для Гейбриела запретным плодом?

Проверить это можно было лишь одним способом. Испытывая неприятный холодок внутри, она открыла дверь спальни и чуть не закричала от испуга при виде стоящей на верхней площадке лестницы высокой, атлетически сложенной фигуры.

— Осторожнее!

Рука Гейбриела была поднята, видимо, он собирался постучать в дверь, но теперь воспользовался ей, чтобы поддержать за плечо пошатнувшуюся Рейчел.

— Извини, я не собирался тебя пугать. — Судя по голосу, он нервничал не меньше ее самой. — Неужели ты не слышала, как я поднимаюсь по лестнице?

— Я... я просто думала кое о чем.

Рейчел было трудно дышать, но не потому что она чуть не упала, а из— за физической близости Гейбриела.

— Я тоже. — Он криво усмехнулся. — Я многое передумал и... Рейчел, извини меня! Я был просто не в себе.

— Я понимаю...

— Ничего не соображал, действовал просто автоматически. Никак не мог поверить в то, что узнал... До меня просто никак не доходило. Слишком все это неожиданно.

— Я знаю... — опять начала было Рейчел, но в своем стремлении открыться Гейбриел едва ли слышал ее.

— Это должно быть похоже на переживания заложников, которых много лет продержали в плену. Они жаждут свободы, мечтают и молят о ней, но, когда она наконец настает, не знают, как ею распорядиться, и даже не верят своему избавлению. Я просто испугался, Рейчел. Это казалось слишком чудесным, чтобы быть правдой.

— Гейб, я знаю! — Она взяла его за руку, и на этот раз Гейбриел не сопротивлялся. — Поверь мне, я тоже испытывала нечто в этом роде.

— Да, я полагаю, что ты должна была... — Внезапно он замолчал и, словно впервые увидев ее, замер в неподвижности. — Рейчел, что, черт побери, на тебе надето?

— Ты его помнишь?

Испытывая непонятную легкость во всем теле, Рейчел повернулась кругом, демонстрируя серебристое кружевное платье, сохранившееся со времени ее девятнадцатилетия.

— Помню ли я его? — Теперь его голос изменился, стал гуще и богаче интонациями, в нем появился оттенок чувственности. — Разве его можно забыть? Но оно выглядит не совсем таким, каким было раньше...

Откровенно чувственный взгляд Гейбриела разрядил некоторую напряженность обстановки, и Рейчел рассмеялась:

— Так и должно быть. С тех пор как оно было на мне в последний раз, я немного подросла.

— В этом не может быть никакого сомнения.

Взгляд темно— карих глаз, задержавшись на чуть не вырывающейся из— под кружев груди, скользнул вниз, к полоске тонкого материала, прикрывающего бедра. Если пять с половиной лет назад платье казалось коротким, то сейчас выглядело просто— на просто неприличным.

Впрочем, на это Рейчел и рассчитывала, но все же, ожидая реакции Гейбриела, задержала дыхание. Вот он, решающий момент. Все или ничего! Со щитом или на щите!

— Ты выросла и пополнела, — внезапно охрипнув, сказал он, — но все в нужных местах. И совсем не похожа на ту девочку...

— Это потому, что я уже не она, Гейб. — Ее голос слегка дрожал, настолько велика была важность того, что она сейчас говорила. — С той поры как мне было девятнадцать, мы оба сильно изменились, и, подобно моему платью, наши личины не совсем нам подходят. Мы должны избавиться от прежних представлений, взглянуть на вещи по— новому. Не стоит возвращаться назад, надо идти вперед... Если ты, конечно, хочешь...

Рейчел не в состоянии была продолжать. Ее глаза молили, сердце замерло в ожидании. Гейбриел молчал, его нахмуренные брови казались ей плохим признаком. Наконец он медленно кивнул.

— Я хочу, — услышала она, и в этих словах звучало такое ничем не прикрытое желание, такая откровенная страсть, что на глаза ее навернулись слезы. — Боже мой, Рейчел, я хочу этого больше всего на свете. Хочу тебя... — С глубоким, прерывистым вздохом Гейбриел протянул дрожащую руку и нежно коснулся ее щеки. — Эти пять лет были для меня настоящим адом, дорогая. Худшим временем в моей жизни. Все это время ты была для меня словно обвешана объявлениями, гласящими: «Не трогать! Запрещено! На рушение границ владения карается по закону!». Я заставлял себя крепиться, никогда больше не думать о тебе как о возлюбленной, поэтому не мог сразу переключиться с одного настроения на другое, особенно когда они диаметрально противоположны.

— Я знаю, — ласково ответила Рейчел. — Просто не подумала. Не надо было торопить тебя...

Гейбриел заставил ее замолчать, прижав палец к ее губам.

— Теперь все это позади, — сказал он с глубоким чувством. — Отныне все будет хорошо. И чтобы доказать это...

Его губы оказались на месте пальца. Сначала поцелуй был нежным, но постепенно становился все более требовательным, жадным. С кружащейся от счастья головой, Рейчел ответила на поцелуй, погружаясь в океан чистого наслаждения, но раздавшийся неизвестно откуда звон вернул ее к реальности.

— Что это?

С мальчишеской улыбкой на лице и светящимися от радости глазами, Гейбриел поднял руку, в которой были зажаты две бутылки шампанского.

— Я подумал, что неплохо было бы устроить маленький интимный праздник, — сказал он, цитируя ее собственные слова, произнесенные пять с половиной лет назад.

Услышав это, Рейчел почувствовала, как время, истекшее между этими двумя событиями время взаимного непонимания и лжи, боли и мук, уходит на задний план, рассеивается, как туман после восхода солнца.

— Сможем ли мы, Рейчел? Сможем ли начать сначала? Выстроить новые взаимоотношения, новую совместную жизнь? Вместо ответа Рейчел взяла его за руку и не раздумывая повела в спальню. Там она повернулась к Гейбриелу, осторожно взяла бутылки из его руки и поставила их на туалетный столик.

— Права ли я в том, что твой сегодняшний визит не случаен? — спросила Рейчел, подобно ему цитируя, с вполне естественными изменениями, слова, тоже сказанные им пять с половиной лет назад, когда она пришла сюда, в комнату, тогда принадлежавшую ему, — а является частью кампании, должной доказать мне, до какой степени мужчиной ты являешься?

Он вскинул голову, поняв, к чему она клонит, и улыбка Рейчел стала еще шире. Приятно было бы растянуть удовольствие, шаг за шагом пройти тот же путь, который они прошли тогда. Но при виде горевшего в его глазах нетерпения и чувствуя, как усиливается ее собственное желание, она решила перепрыгнуть через пару ступенек:

— Так ли это, Гейб? Хочешь ли ты, чтобы я ответила на это, как женщина мужчине?

Из горла Гейбриела вырвался какой-то нечленораздельный звук, и Рейчел поняла, что все его сомнения остались позади раз и навсегда. Купаясь во взгляде не отрывающихся от нее

темно— карих глаз, она сделала соблазняющее движение бедрами, улыбнулась еще ослепительнее и увидела, как он нервно сглотнул.

— Это платье слишком тесное, — промурлыкала Рейчел, проводя руками по телу и с учащенно забившимся сердцем предчувствуя прикосновения рук и губ Гейбриела. — Ты должен помочь мне снять его.

Но, к ее изумлению, он покачал головой и сложил руки на груди.

— Неверный текст.

— Неверный?..

Но тут до нее дошло, и она лихорадочно начала припоминать, что он говорил в ту ночь.

— Тогда почему бы нам не прекратить эти игры? — Голос ее дрожал от нетерпения, но в его глазах она видела отражение собственного желания. — Перестань делать вид, что не знаешь, зачем ты здесь...

Но больше терпеть Рейчел не могла. Не заботясь больше о соответствии тексту, она воскликнула:

— Ради Бога, Гейб, подойди сюда и поцелуй меня!

Он отреагировал с быстротой молнии. Рейчел даже не заметила, как Гейбриел, захлопнув ногой дверь, оказался рядом с ней.

— Я уже думал, что ты никогда этого не скажешь, — пробормотал он, сжимая ее в объятиях, в которых не было ничего от брата и все от чувственного любовника. — Нам надо наверстать пять долгих, наполненных пустотой лет, и у меня нет ни малейшего желания терять даром хотя бы секунду.